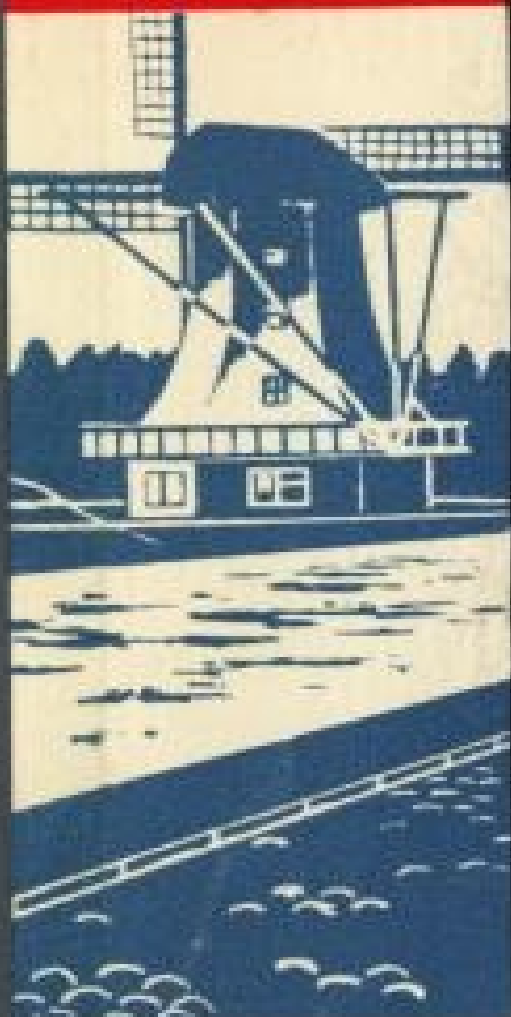
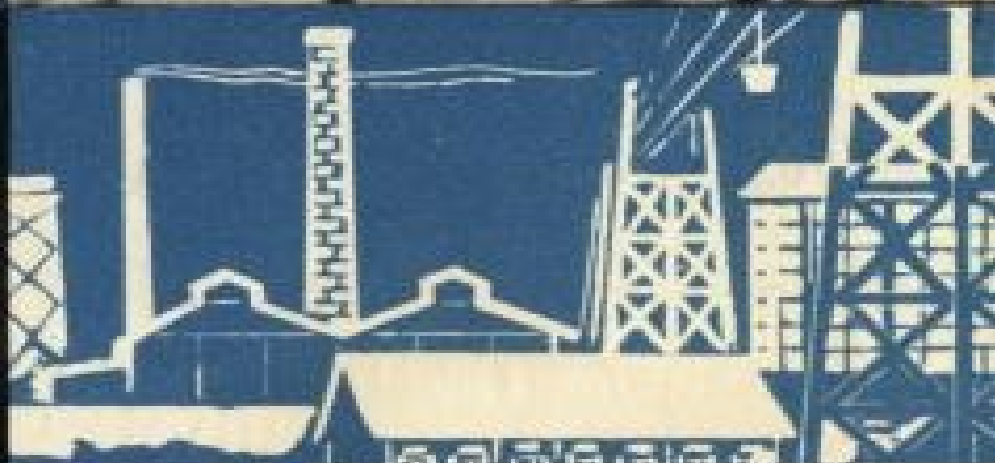

РУТГЕРС

*Т. Тринчер,
К. Тринчер*

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Жизнеописание голландского коммуниста, инженера-строителя Себальда Рутгерса, в 20-30-е годы принимавшего активное участие в становлении промышленности Советской России.

Книга посвящена жизни и деятельности Рутгерса Себальда Юстинуса (1879—1961), деятеля голландского и международного коммунистического движения, исследователя колониальной истории Индонезии.

- [Г. Тринчер, К. Тринчер](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Книга первая](#)
 - [Книга вторая](#)
 - [Книга третья](#)
 - [Книга четвертая](#)
 - [Книга пятая](#)
 - [Эпилог](#)
 - [От автора](#)
 - [Основные даты жизни и деятельности С. Ю. Рутгерса](#)
 - [Краткая библиография](#)
 - [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

**Г. Тринчер, К. Тринчер
Рутгерс**

S. Rutgers

Предисловие

Последний раз я видела моего отца в марте 1961 года. Это было вскоре после его восьмидесятидвухлетия. Он не производил впечатления тяжело больного человека. Мы еще совершали вместе небольшие прогулки — отец, мать и я. По вечерам бывали гости. Оживленный разговор как будто не утомлял его. Он, как всегда, умел хорошо слушать, его все интересовало. Он старался, чтобы никто не заметил нарастающую слабость... Спустя три месяца его не стало.

Около двух месяцев я провела в Голландии. Мы о многом говорили с отцом. Я привезла с собой русские журналы и книги, опубликованные в 1959–1960 годах, в которых рассказывалось о работе отца, оценивалась его деятельность в Советской России.

В привезенных мной материалах об отце говорилось только как об организаторе Автономной Индустриальной Колонии Кузбасс, как о голландском инженерере и коммунисте, которого поддержал Ленин.

А что сделало коммунистом выходца из патриархальной семьи священнослужителей Голландии? Как стал революционером талантливый инженер, высокооплачиваемый специалист, строитель Роттердамской гавани, крупный администратор колониальной Голландской Индии, представитель голландских, правительственных и частных предприятий в Соединенных Штатах Америки?

— Отец, не думаешь ли ты, что было бы интересно описать твою жизнь? — как-то спросила я его...

— Ну что ж, кое-что мы записали вместе с матерью еще много лет назад, — ответил он. — Ты можешь взять это с собой в Россию. — И, помолчав немного, добавил: — Но не делай рассказ слишком длинным. Покажи, что может сделать обыкновенный человек, если у него есть твердые идеалы и известное упорство.

Нам, интеллигенции, вышедшей из буржуазной среды, выпало редкое счастье — участвовать в величайшем историческом преобразовании мира, которое осуществили революционные рабочие.

Мнение отца никогда не основывалось на узких личных впечатлениях. Перед его глазами всегда стояла общечеловеческая цель.

Именно это и привлекало к нему людей. Не только его друзья, даже мало знакомые люди сразу проникались к нему безграничным доверием.

В каком бы обществе отец ни бывал, он, казалось, заполнял собой все.

Но он никогда не подавлял окружающих своей личностью, не оттеснял их в тень. Он был чрезвычайно скромн, человечен и доброжелателен, понимал людей, стремился увидеть в них лучшее, и это заставляло людей действительно становиться лучше.

Передо мной автобиография отца — больше ста страниц машинописного текста: все в ней написано деловито, кратко, хронологически упорядочено — семейные события, путь инженера, политическая деятельность.

У меня много писем, много статей на русском, голландском, английском и немецком языках в журналах, газетах и книгах, которые отражают деятельность отца.

И наконец, у меня есть запись речи отца, пленка, которую мне прислали друзья из Голландии.

Ему был 81 год, когда, выполняя просьбу голландских комсомольцев, отец рассказал об увлекательном периоде своей жизни, о поездке через три фронта из Владивостока в Москву в 1918 году. Запись на пленку была сделана без ведома отца. И теперь я могу слышать его голос, его заразительный смех, слышать такую знакомую, с юмором речь. Я узнаю непосредственность его обращения к молодым слушателям, чувствую его все пронизывающий оптимизм.

Итак, я решила вместе с моим мужем К.С. Тринчером написать книгу об отце. Могла ли эта книга быть только строго исторической, возможно точным повествованием? Могли ли мы не поддаться желанию воскресить сцены, которые вставали перед нашими глазами, когда отец о них рассказывал?

Описывая жизнь коммуниста и инженера Рутгерса, мы стали незаметно в роли авторов, которые идентифицировались со своим героем. Мы вместе с ним входили к Ленину, присутствовали на Амстердамском бюро, вместе боролись за Автономную Индустриальную Колонию — АИК Кузбасс.

И все же в нашей книге нет ничего выдуманного. Мы старались дать правдивые образы всех названных здесь людей, старались все эпизоды передать так, как о них рассказывал отец.

Таким образом, авторы сами оказались втянутыми в повествование в третьем лице. Это нескромно. И это, должно быть, не единственный недостаток книги, написанной не литераторами. Мы просим читателя о снисхождении.

Наша цель была приблизить к читателю, особенно к молодому читателю, Себальда Рутгерса. Это нам, возможно, не совсем удалось, но мы

имели смелость стремиться к этой цели.

Г. Тринчер-Рутгерс

Москва, 1967 г.

Август 1918 года. Мягко покачивается поезд Харбин — Маньчжурия. Отдельное купе. Оно кажется спасительным островком после неразберихи и суеты Владивостока. В купе четверо. Женщина, зажав между коленями клубок, быстро перебирает спицами. Рядом мужчина. Опершись о спинку дивана, закинув одну на другую длинные ноги, смотрит в окно. Серые глаза под высокими надбровными дугами внимательно вглядываются в проплывающие мимо зеленые, еще не тронутые осенью леса.

— Tree? forest, summer — медленно говорит он и вопросительно смотрит на двух спутников, сидящих напротив.

— Дерево, лес, лето, — переводит сосед.

Сероглазый повторяет, старательно выговаривает слова. Легкая улыбка трогает узкие губы, едва вздрагивает клинышек бородки.

— Лампа, стол, революшьян, — произносит женщина.

— Революция, — поправляет ее другой пассажир.

Урок русского языка прерывает резкий стук в дверь. На пороге офицер, за ним двое солдат. Быстрые глаза щупают лица, оглядывают элегантные чемоданы с многочисленными наклейками таможен разных стран и, встретив спокойный взгляд человека с бородкой, медленно опускаются.

— Проверка документов.

— Пожалуйста. — Мужчина достает из бумажника традиционно синий голландский паспорт. Листки испещрены рядом виз. За паспортом следует визитная карточка.

— Себальд Рутгерс, — переводит один из мужчин. — Член Королевского института инженеров Голландии, консультант железнодорожной компании Голландской Индии, его супруга. Я — переводчик, а это секретарь.

Тон офицера становится почтительней.

— Цель поездки? Рутгерс пожимает плечами.

— Новая страна. Большие возможности, концессии.

Офицер щелкает шпорами и, махнув солдатам, выходит. Четверо прислушиваются к удаляющимся шагам.

— А если бы личный обыск? — спрашивает переводчик. — Если бы у вас обнаружили членский билет социал-демократической партии, мандат Американской лиги социалистической пропаганды, резолюцию

солидарности японских товарищей с большевиками?

— Сейчас я член Королевского института инженеров Голландии.

Так кто же он в действительности, Себастьян Рутгерс?

Книга первая

Детство, юношество, годы становления

(Голландия, Голландская Индия, Китай, Америка, Япония). 1879—1918

В 1879 году в голландском городе Лейдене в семье студента медицинского факультета Яна Рутгерса родился третий ребенок. В честь деда, доктора теологии пастора Рутгерса, его назвали Себальд Юстинус.

По воспоминаниям, сохранившимся в семье Рутгерсов, все старшие сыновья в роде становились священнослужителями. Следуя этой традиции, отец Себальда Ян Рутгерс пошел по пути отца и, получив диплом доктора теологии, тоже стал пастором. Но через несколько лет, уже имея жену и двух детей, он понял, что избранный путь не удовлетворяет его. Как он пришел к этой мысли?

Во второй половине XIX века жизнь в стране резко изменилась. Голландия стала мощной колониальной державой. Постройка Суэцкого канала открыла кратчайший путь в колонии. Бурно развивалась торговля. Деньги хлынули в метрополию. Спекулятивная горячка охватила страну. Рантье купались в роскоши. Наряду с обогащением одних особенно явственной становилась безысходная нужда народа.

Деньги, выкачиваемые из колоний, способствовали росту промышленности Голландии. Увеличивалось количество рабочих; постепенно пробуждалось и росло их классовое сознание. Передовая интеллигенция Голландии не могла оставаться в стороне. Книги Мультигули, особенно его «Макс Хавелар» и «Письма из колоний», встретили горячий отклик среди интеллигенции и мыслящих рабочих.

Прогрессивное движение восьмидесятых годов в Голландии возглавили писатель Герман Гортер, поэтесса Генриетта Роланд-Гольст, ученый Фердинанд ван дер Хус. Они проповедовали научный социализм.

Все большее влияние приобретает блестящий оратор Домела Ньювенгейс. Бывший пастор, порвавший с церковью, он становится вождем свободомыслящих, а позднее лидером Социалистического союза Голландии.

Новые веяния доходят и до маленького села на севере Голландии, где находится приход пастора Яна Рутгерса. Все чаще чувствует он свое бессилие помочь окружающим, все чаще мысленно спорит с отцом. «Нет,

ты не прав, веря, что скромность, бескорыстие, выполнение долга, терпение и доброта победят мировое зло. Да, ты учишь своих прихожан добру и помогаешь им всем, чем можешь. Но разве это изменило что-нибудь? Надо искать другие пути. Я не могу больше верить в бога, а не веря, не могу быть его служителем». С этим он пришел к отцу.

— Я хочу изучать медицину. Быть врачом — это реальная помощь людям.

Старый пастор был потрясен, но тем не менее поддержал сына. Ян Рутгерс сложил с себя сан, переехал с семьей в Лейден и поступил на медицинский факультет. Суровое воспитание, привычка к труду, к выполнению долга, полученные в отцовском доме, сослужили немалую службу. Пятилетний курс университета Ян Рутгерс заканчивает в три с половиной года. Семья переезжает в Роттердам. Скоро у молодого врача появляется практика, которая дает возможность семье жить безбедно Ян может с благодарностью отказаться от помощи отца.

Но годы лишений и нелегкого труда подорвали здоровье его жены. Мать Себальда умерла от туберкулеза, когда ему было пять лет.

Вскоре отец познакомился с начальницей школы, в которой училась старшая сестра Себальда. Имя этой девушки еще раньше было известно ему по ряду газетных статей в защиту женской эмансипации. Общие взгляды, общие интересы сблизили их, и Ян Рутгерс женился вторично. Мария Вильгельмина решила не иметь своих детей, чтобы полностью заменить мать детям мужа.

Когда Себальд Рутгерс вспоминал годы детства и отрочества, они всегда оборачивались двумя сторонами. С одной — почти неограниченная свобода и доверие взрослых, с другой — железная дисциплина и необходимость неуклонно выполнять требования отца. Никто в доме даже не мог себе представить, что можно воспротивиться воле главы семьи, всегда сдержанного, подтянутого, подчиняющего все осуществлению своих принципов.

С ранцем за спиной шестилетний Себальд важно шествует в школу. Дорога дальняя — целых полчаса. Надо пройти через центр с его оживленным уличным движением. Мальчик очень горд — немногим из его сверстников разрешается одним ходить по городу.

Себальд становится старше. Теперь ему позволено в свободное время совершать самостоятельные прогулки, бывать в гавани. Она всегда манит его. Вот показался вдали силуэт океанского корабля. Он подходит ближе, становится все больше, наконец, швартуется у стенки. Трап спущен. Веселые матросы ступают на землю. Кажется, они принесли с собой запах

тропиков, видения чужих стран. Идет разгрузка. Двигутся краны, тяжелые тюки выползают из трюма, поднимаются вверх и покорно ложатся на землю. Человек на капитанском мостике поворачивает штурвал, и огромное тело корабля послушно движется по указанному пути.

Здесь у Себальда много друзей. Ловкого, любознательного, быстроногого мальчишку, сына известного врача Яна Рутгерса, хорошо знакомого в бедных кварталах города, радостно приветствуют и матросы, и рабочие гавани, и грузчики. Его берут с собой на катер и порой даже доверяют ему штурвал.

Хорошо еще, раздобыв лодку, вместе с товарищем по школе усесться на весла и отправиться вдоль канала или, оседлав водяной велосипед собственной конструкции, лихо прокатиться по воде под одобрительные возгласы зрителей.

Но в семье строгий закон: в определенный час быть дома. Где бы ты ни был, что бы ни делал, ничто не может оправдать опоздание. Себальд не раз прерывал веселую игру, расставался с товарищами, чтобы минуту в минуту быть дома.

Научить детей во имя выполнения долга отказаться от любого удовольствия было одним из принципов Яна Рутгерса. Не случайно он любил вспоминать одну историю из своего детства.

«В селе, где мы жили, — рассказывал Ян Рутгерс, — было немного развлечений. Поэтому понятно, с каким восторгом мы, дети, встретили предложение отца нанять коляску и в одно из воскресений отправиться всей семьей на дальнюю прогулку. Мы только об этом и говорили, строили разные планы. И вот, наконец, назначенный день наступил. Кажется, никогда небо не было таким синим, утро таким сияющим. И как вкусно пахло от корзины с едой, которую мать приготовила на дорогу. А коляски нет и нет. Мы становились все нетерпеливее. И когда казалось, что терпению уже приходит конец, отец встал и сказал, что коляски не будет, что она не заказана. Пусть это будет вам уроком, сказал отец. Не слишком ожидайте удовольствий и умейте мужественно переживать разочарования».

Этот рассказ, ставший семейным преданием, на всю жизнь врезался не только в память Себальда, но и в память его детей и внуков, стал неотделим от отцовского дома.

Необычной была жизнь в этом доме у тихого канала, где, к удивлению всех знакомых, прислуга ела за одним столом с хозяевами.

Деятельность Яна Рутгерса выходила далеко за пределы работы практикующего врача. Он занимался и социальными проблемами — борьбой с алкоголизмом, с проституцией, проблемами семьи и воспитания.

Кроме того, он проводил физиологические исследования влияния разных продуктов питания на человеческий организм и проверял их на себе и жене. Результатом его изучения физиологии сексуальной жизни была книга «Сексуальная жизнь мужчины».

Особенно пристальное внимание доктор Рутгерс уделял вопросам регулирования рождаемости и гигиены брака. Его организаторская и пропагандистская работа в этой области имела большое прогрессивное значение. Еще до наших дней во многих городах Голландии: в Амстердаме, Роттердаме, Лейдене и других — имеются дома имени доктора Рутгерса, где молодые супруги могут получить медицинские советы и указания.

Наряду с этим Ян Рутгерс увлекался идеями социалистов-утопистов — Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Он и сам написал социалистическую утопию «Год 2000».

В гостиной Рутгерсов можно было встретить немало интересных людей. Здесь возникали дискуссии, обсуждались социальные проблемы, велись политические споры. Детям всегда разрешалось присутствовать. Вначале это смущало гостей, но хозяин дома считал, что слушать разговоры взрослых детям полезно, и на них перестали обращать внимание.

Сильное впечатление произвел на Себальда Домела Ньювенгейс. Из его уст мальчик впервые услышал имя Маркса. Иногда Ньювенгейс читал вслух отрывки из писем, полученных от его друга Энгельса или от Элеоноры Маркс.

На всю жизнь запомнилась Себальду отцовская библиотека. Огромная комната, вдоль стен высокие шкафы, заполненные книгами по естествознанию, истории, политической экономии, философии. Посреди комнаты длинные столы, вокруг них стулья. Вечерами сюда мог прийти каждый желающий или просто почитать, или поработать над книгой. Себальду часто вменялось в обязанность заниматься в библиотеке. Сидя за школьными уроками, он одновременно следил за порядком в зале, если было нужно, помогал найти требуемую книгу.

Особенно интересны были субботние вечера, ставшие неизменной традицией дома.

Большая столовая. Старинный высокий буфет. Тяжелые стулья с прямыми резными спинками. Картины в массивных рамах. Низко опущена лампа над круглым столом. Вечер, к которому готовились всю неделю, открывал младший. В нем должен был принять участие каждый член семьи. Можно было прочитать рассказ, декламировать стихотворение, можно было рассказать об интересном событии, случившемся за неделю,

или сочинить какую-нибудь необычайную историю.

Критиковали друг друга строго, мнение каждого выслушивалось с уважением. Возникающие споры разрешал отец. Его же рассказом заканчивался вечер.

Отец знакомил детей с основами мировой истории, естествознания, с историей религий. Читал и объяснял им Библию, Старый и Новый завет, рассказывал об учении Браммы и мудрости Конфуция, о мифах Греции. Любой вопрос принимался всерьез, на все давались четкие, точные ответы.

Так прошло детство и отрочество. Закончив одиннадцатилетнее обучение в школе, Себальд недолго колебался в выборе профессии. В 1896 году семнадцатилетний Себальд Рутгерс становится студентом Высшего технического училища в Делфте.

Семейная традиция Рутгерсов сломлена навсегда. Последним пастором в роде был дед Себальда — старый Себальд Юстинус Рутгерс.

И началась студенческая жизнь. Формулы и расчеты, расчеты и формулы. Карандаш, рейсфедер и лекало. Четкие линии складываются в чертежи. Себальд уже мечтает о том, как они будут воплощаться в дамбы и мосты. Учеба, как и в детстве, дается легко, и, как в детстве, ему мало одной учебы Себальд с головой окунулся в жизнь института.

Студенческая молодежь в Делфте делилась на две группы. Одну составляли сыновья фабрикантов, богатых торговцев, помещиков и бюрократии колоний. Они держались обособленно, подчеркивая свою принадлежность к аристократии. К другой группе принадлежали выходцы из семей интеллигенции и прогрессивной буржуазии. Себальд быстро нашел с ними общий язык.

Это были годы, когда молодая Социал-демократическая рабочая партия Голландии завоевывала все больший авторитет. Она организовалась из левого крыла Социал-демократического союза и в 1894 году стала самостоятельной партией. Ее платформой был научный социализм, первым руководителем стал Трульстра. После ухода левого крыла Социал-демократический союз постепенно утратил свое политическое значение.

Студенческая молодежь живо интересовалась общественной жизнью. В Делфтском институте были кружки по изучению политической экономии, философии. Сюда часто приходили лидеры Социал-демократической рабочей партии Роланд-Гольст, Гортер, ван дер Гёз. Их страстные, резкие выступления находили горячий отклик у молодежи. Возникали споры, дискуссии. Прогрессивная профессура поддерживала стремление студентов разобраться в политических вопросах современности. В институте читались специальные лекции по социологии.

Революционно настроенные студенты издавали свой журнал «В тумане». Себальд скоро становится его постоянным автором. Его статьи посвящены разъяснению идей марксизма.

Дискуссии, лекции, зачеты, подготовка к экзаменам. А весеннее солнце манит на улицу.

Теннисная площадка. В руках ракетка, и, отбив труднейший мяч, заразительно смеется Маргарет. Эта юная англичанка, приехавшая в гости в Голландию, достойная соперница и партнерша вождя институтских теннисистов Себальда.

Вначале его пленили ее стройность и блестящая игра в теннис. За встречами на теннисном корте следовали долгие прогулки по городу. И вот он стоит перед девушкой взволнованный и смущенный:

— Маргарет, будьте моей женой.

Маргарет вспыхивает. Ей нравится Себальд, она уже давно призналась себе, что влюблена в него. Но дать ответ, не зная мнения родителей, не получив их согласия...

— Я скоро возвращаюсь в Лондон. Приезжайте. Познакомитесь с папой и мамой и тогда...

Не сказав никому ни слова, Себальд следом за Маргарет уезжает в Лондон. Дома я расскажу обо всем, когда получу согласие Маргарет, решает он.

И вот они сидят друг против друга в богатой гостиной: чопорный англичанин, которого интересует только личное благополучие и благосостояние, и молодой революционно настроенный студент, мечтающий вместе с армией своих единомышленников перевернуть мир. Опытному господину было нетрудно понять, с кем он имеет дело. Предложение Себальда отклонено. Маргарет поплакала и покорилась.

Себальд идет по улицам Лондона. На душе горько и пусто. Он видит заплаканное лицо Маргарет, слышит отказ ее отца. Он вспоминает Ромео и Джульетту, страдания Вертера, любовь Петрарки. А глаза уже жадно вбирают жизнь столицы.

Непрерывным потоком движутся коляски и омнибусы. Величественные старинные особняки чередуются с устремленными ввысь современными домами. Подстриженные аллеи ухоженных парков, цветочные клумбы, газоны. Деловой походкой проходят мужчины. Бледная девушка в скромном пальтишке застыла у освещенной витрины, замороженная блеском раскинутых тканей. Скользнув по ней небрежным взглядом, проходят мимо нарядные женщины.

Себальд идет дальше. Улицы постепенно темнеют, становятся уже.

Великолепные дома сменяются хибарами. На пустырях оборванные ребятишки. Крикливые голоса женщин... Лондонские трущобы. Такой разительной разницы между роскошью и нищетой Себальду еще не приходилось встречать.

Засыпая в своем номере в гостинице, Себальд с удивлением и раскаянием подумал, что в течение нескольких часов он ни разу не вспомнил о Маргарет.

В следующие дни Себальд снова на улицах Лондона. Он заходит в Британский музей, осматривает Вестминстерское аббатство. Неутомимые ноги несут его на Стронд и в Сохо, в Сити и в Ист-Энд. Он часами бродит по Гайд-парку. Вот в одном уголке, взобравшись на самодельную трибуну из ящичков из-под мыла, проповедует священник. Толпа женщин покорно вздыхает, слушая проповедь о смирении. А на соседней лужайке на такой же трибуне рабочий призывает к стачке: до каких пор мы будем терпеть, нам опять снизили заработок.

Увлеченный новыми впечатлениями, Себальд не заметил, как пролетело десять дней. Пребывание в Лондоне оказалось неожиданно долгим.

И снова Делфт. Рассказать родным о своей любви, о своем разочаровании? Ни за что!

Но слух о поездке Себальда дошел до отца. Ян Рутгерс возмущен. Для него умолчание равняется лжи. Отец потребовал, чтобы Себальд немедленно вернулся домой, в Роттердам. Отныне каждый шаг его будет строго контролироваться.

Прощай свободная студенческая жизнь! Утро за утром Себальд поездом едет в Делфт. Занятия в институте и обратная Дорога в Роттердам. Только блестяще сданные экзамены вернули доверие отца. Себальду было разрешено снова поселиться в Делфте.

Во время летних каникул студентов призывают для прохождения воинской службы. Солдатский мундир. Три месяца муштры, строевых занятий, казарменного быта и выполнения порой бессмысленных приказов.

Вскоре после окончания службы Себальд выступает с брошюрой «Казарменные порядки», в которой резко критикует положение в казармах и дает марксистскую оценку военной службы в капиталистическом обществе. Он доказывает, что войны приносят выгоду только господствующим классам, а на полях сражений гибнут рабочие и крестьяне, одетые в мундиры разных стран.

И снова институт. Лекции, проекты, экзамены, политические дискуссии, статьи. Последний курс. Выпускники все чаще обсуждают

планы будущей работы.

«Быть инженером, строить. Что может быть увлекательней, — думает Себальд. — Но быть только инженером?..»

В 1899 году Себальд вступает в Социал-демократическую рабочую партию Голландии.

А над дипломом неожиданно нависла угроза. Как-то раз, как это порой бывало и прежде, компания друзей собралась в комнате Себальда. Спорили, шумели, танцевали, пели студенческие песни. Веселая пирушка кончилась за полночь.

Квартирная хозяйка, почтенная дама, написала отцу Себальда. Она жаловалась на то, что Себальд ведет разгульную жизнь, и закончила письмо достаточно преувеличенным счетом за разбитую посуду и испорченную мебель.

Гнев Яна Рутгерса трудно описать. Казалось, в нем возмутился дух всех его предков пасторов. Себальда вызывают в Роттердам.

Отец встречает его с каменным лицом. Ни о чем не спрашивая, не требуя объяснений, он объявляет свою волю:

— Ты немедленно покинешь Голландию, уедешь в какую-нибудь далекую страну. Деньги на проезд и на самую скромную жизнь на первое время тебе будут выданы. Дальше заботься о себе сам.

Себальд молча выслушивает приговор и даже не пытается возражать.

«В далекую страну, — думает Себальд, меряя большими шагами свою комнату. — В какую? — Он останавливается. — Чем дальше, тем лучше. Еду в Трансвааль. Там буры борются за свою независимость против владычества англичан».

Перед Себальдом возникает холеное лицо отца Маргарет, кварталы Сохо и Ист-Энда. Забытая обида снова обжигает сердце.

— Что ж, поработаем, повоюем.

Все готово. В чемодан, кроме скромного гардероба, легло несколько технических книг, «Капитал» Маркса, готовальня, рейсшина и набор слесарных инструментов: починкой велосипедов он, во всяком случае, заработает себе на жизнь. Осталось назначить день отъезда.

Но Ян Рутгерс считал, что сын еще недостаточно наказан. Через несколько дней друг, пришедший к Себальду, показал свежую роттердамскую газету и смущенно спросил:

— Ты это видел?

В отделе объявлений доктор Ян Рутгерс предупреждал, что никакие расходы или долги своего сына Себальда он оплачивать не будет и поэтому предостерегает всех от предоставления ему кредита или дачи денег в долг.

Это было уже чересчур. Вся кровь хлынула юноше в лицо, жестокие слова готовы были сорваться. Но Себальд только крепче сжал губы, и горькая морщина пересекла лоб.

— Пусть так.

Ян Рутгерс не сомневался в своей правоте. Но вечером к нему пришел один из уважаемых знакомых.

— Мейнхеер Рутгерс, не слишком ли вы суровы? Ваш Себальд многообещающий юноша... Молодежь имеет право повеселиться.

И началось. Дома, на улице добрые друзья и малознакомые люди уговаривали разгневанного отца.

Ян Рутгерс, может быть впервые в жизни, заколебался. Он не ожидал, что Себальд пользуется такой любовью и уважением. Решающую роль сыграло письмо ректора института. Он писал, что Себальд один из наиболее талантливых студентов, и просил уважаемого доктора отменить свое решение. Ян Рутгерс сдался.

Себальду разрешено продолжать занятия. Но отныне беспорядочной жизни будет положен конец. Себальд поселится в семье одного из профессоров института и будет там на полном пансионе.

Строгая мера оказалась удивительно приятной. В семье профессора, кроме Себальда, жил еще один студент. У хозяина дома две прелестные дочери. Вечерами все собирались в уютной гостиной, читали, музицировали, пели.

Эти вечера утешили Себальда, который уже втайне мечтал о полной труде и борьбы жизни в Трансваале. Так прошел последний год занятий.

Выпускные экзамены сданы блестяще в 1900 году. Себальд и его друзья, Дудес и Роозен, получили дипломы с отличием.

В самостоятельную жизнь Себальд вступает инженером и членом Социал-демократической рабочей партии Голландии.

Все складывалось как нельзя лучше. Еще в институте Себальд, Дудес и Роозен не раз говорили о том, как хорошо бы работать всем вместе. Желание их сбылось — друзья приглашены инженерами в Управление строительством Роттердама.

Директор де Ионг рассказывает о предстоящей работе: — Грузооборот резко возрос. Мы принимаем и отправляем значительно больше судов, чем прежде. Поэтому первоочередная задача — расширение гавани. Нужно переделывать, строить заново. О вас мне дали отличные отзывы. Я предоставляю вам полную самостоятельность. Думайте, пробуйте. Все дельное, толковое у меня всегда найдет поддержку.

Когда молодые инженеры поднялись, чтобы уходить, де Ионг задержал

Себальда:

— Я слышал о ваших политических убеждениях, Рутгерс. Мне они, по сути дела, безразличны, человек имеет право думать, как хочет. Но политика не должна сказываться на работе.

Себальд попрощался и вышел.

— Что он хотел от тебя? — спросил Дудес.

— А может ли сейчас быть работа, не связанная с политикой? — ответил Себальд вопросом на вопрос друга.

— Брось, Себальд, — возразил Роозен. — Сейчас самое важное для нас железобетон.

Железобетон. Техническое новшество начала двадцатого века. Оно опрокидывало прежние представления о технике строительства. Себальд и его друзья хорошо понимали, какие возможности таит в себе железобетон. Они с головой окунулись в работу.

Часы за кульманом, ожидание в лаборатории, выдержит ли материал испытание на прочность, и снова в гавань. Растут причалы, пакгаузы. И опять расчеты и чертежи и вечера над техническими журналами.

В Роттердаме решили построить новый мост. Объявлен конкурс. На стол де Ионга ложатся проект за проектом. Дерево, металл, камень — привычные варианты. И вдруг — необычная конструкция.

Де Ионг отодвигает стул, наклоняется над столом — любопытно! — и, взглядевшись в размашистую подпись в углу, нажимает кнопку звонка.

— Завтра с утра пригласите ко мне инженера Рутгерса, — приказывает он вошедшему секретарю.

— Мост из железобетона? Такого еще не знали в Голландии. Красиво, дешево. А думаете, выдержит?

— Должен, — отвечает Себальд, выкладывая на стол де Ионга листы, испещренные расчетами и формулами. — Должен, я все рассчитал.

Цепкий взгляд де Ионга открывается от проекта моста, пробегает по колонкам формул и цифр и снова возвращается к проекту. Указательный палец нацеливается на самую сложную, самую ответственную часть проекта.

— Выполните это в натуре. Если выдержит испытание, я за вас.

И настал день. Лучшие, опытнейшие инженеры Роттердама собрались вокруг законченного блока. Испытания на прочность. Постепенно увеличивается нагрузка. Себальд напряженно ждет.

А если?.. Нет, никаких случайностей быть не может, он все предусмотрел, все рассчитал.

Нагрузка растет, дошла до предела, уже перешла за предел.

— Поздравляю, инженер Рутгерс, — пожимает руку Себальда де Ионг. Дни идут, новые вопросы, новые задачи. Друзья сидят, прихлебывая горячий кофе.

— Не выходит у меня из головы новый мол, — жалуется Себальд. — Я уж по-всякому думал. Что, если мы сделаем так? — Себальд набрасывает эскиз. — Вот посмотрите: полукессоны — сорок метров длины, десять высоты. Изготовим их в доках, к месту погрузки доставим впласть и здесь, на месте, заполним бетоном и опустим. Песчаную подушку на дне подготовим заранее. Будет быстро и дешево.

— Покажем де Ионгу, — решают друзья.

Новый мол построен в небывало короткий срок. Весть об оригинальном техническом методе разнеслась среди инженеров-гидростроителей.

«Просим разработать подобный проект для нас», — пишут из Голландской Индии строители гавани в Сурабае, такой же заказ поступает из Чили.

Имя Рутгерса, как одного из лучших знатоков железобетона, уже широко известно среди строителей. Он возглавляет отделение бетона и железобетона, организованное при городской управе Роттердама. Вместе с Дудесом выполняет проект расширения гавани в Вальпарайзе. Рутгерс — неперемный консультант многих строительных обществ и компаний водных сооружений. Его статьи о применении железобетона появляются в голландском журнале «Инженер» и в иностранных журналах.

В 1908 году инженера Рутгерса выбирают секретарем отделения строительства и водных сооружений Королевского института инженеров Голландии. Он представляет свою страну на международных конгрессах по железобетону в Базеле и Копенгагене.

1909 год. Себальд вновь входит в знакомое здание Делфтского института. Тот же веселый гомон в коридорах, та же строгая тишина аудиторий. Только теперь Себальд уже не студент. Приват-доцент Рутгерс два раза в неделю читает в Делфте специальный курс по железобетону.

На традиционных четвергах в доме у де Ионга с радостью встречают трех друзей.

— Инженер Рутгерс, Дудес, Роозен, — приветливо окликают их дамы и сослуживцы. Моложавая хозяйка дома довольна: молодежь пришла, будет хорошо.

Остроумные шутки, заразительный смех, веселые истории. И вряд ли кто-нибудь, встречавший Себальда на деионговских четвергах, мог представить себе другого Рутгерса, другие вечера.

Небольшая комната в рабочем квартале Роттердама. Стол, вокруг несколько стульев. Справа вдоль всей стены два больших стальных шкафа. Двери одного распахнуты. Себальд видит: пестрое лоскутное одеяло, на подушке торчащие косички и три пары детских глаз, которые с любопытством глядят на него. Второй шкаф закрыт, здесь спят родители.

Карандаш Себальда скользит по бумаге: метраж комнаты, количество живущих, заработок докера, сколько приходится на едока.

Следующий дом, следующий. Одно и то же. Только иногда над постелью родителей еще свисает с потолка люлька с грудным ребенком. А на обед все те же бобы, чечевица да картошка, сдобренные говяжьим жиром.

Член партийной комиссии по быту рабочих — Себальд Рутгерс собирает материал для доклада социал-демократического депутата в муниципалитете.

По всей Голландии юноши и девушки, мужчины и женщины ходят из дома в дом с подписными листами.

Идет сбор денег на организацию рабочего кооператива, задуманного Социал-демократической рабочей партией Голландии.

Подписываются рабочие, члены партии, писатели, инженеры, врачи, коммерсанты, сочувствующие.

Известный архитектор Берлаг делает проект здания. В нем будут продовольственный магазин, пекарня, типография, зал для собраний.

Прибыль от кооператива по решению партии будет разделена на три части: треть — пайщикам, треть — профсоюзу, треть — в партийную кассу.

Строительство началось. Здание обрастает лесами. Все выше поднимаются кирпичные стены, все ближе окончание работы. И вдруг оказывается, что деньги на исходе. В ближайшие дни надо внести 10 тысяч гульденов. Строительная компания ждать не будет, здание передадут другим.

Десять тысяч, их не собрать за несколько дней. Себальд вспоминает: один из знакомых инженеров недавно получил наследство.

— Окажите услугу, коллега. Дайте мне в долг десять тысяч гульденов.

— Таковую сумму? Это, вероятно, четыре ваших годовых оклада.

— Примерно, — отвечает Себальд.

Деньги получены. Строительство дома продолжается.

В день открытия здание кооператива «Вперед» украшено лозунгами и транспарантами. Масса гостей. Себальд разговаривает с рабочими, пожимает руки товарищам по партии, дает подробные разъяснения

приехавшим на открытие. На трибуне Роланд-Гольст.

— Поздравляю вас с созданием крепости рабочего класса, с созданием островка социализма, отвоеванного у буржуазии...

И снова гавань и вечера над техническими журналами и в рабочих кварталах и совсем особые вечера в доме, куда ввел Себальда молодой врач Серус Меес. Хорошая дружба связывала этих двух молодых людей. Но каждый раз, когда речь заходила о политике, начинались жестокие стычки.

— Вся твоя политическая деятельность — бессмыслица, — горячился Серус.

— Нельзя замыкаться в своей профессии. Врач каждодневно сталкивается с социальными проблемами, — возражал Себальд. — Это я понял еще с детства в доме отца.

— Мой отец тоже врач. Давай я тебя познакомлю с ним.

— А если я сумею убедить его?

— Попробуй, — рассмеялся Серус.

Так Себальд попал в дом доктора Вима Мееса.

В первый день, увлеченный спором со старым врачом, Себальд даже не обратил внимания на спокойную девушку в скромной кофточке с высоким воротничком, молча слушавшую его полемику с отцом. Но, бывая здесь чаще и чаще, Себальд уже не представлял себе этот дом без Барты, без ее улыбки и серых глаз, неотступно следующих за ним.

Вначале она вмешивалась в разговор короткими замечаниями, потом все убежденней поддерживала Себальда и весело смеялась, когда отец задумывался, не находя возражений. А Себальд все ясней понимал, что приходит сюда совсем не для того, чтобы убедить в чем-то старого врача...

Они часто бывают вместе. Высокая, под стать Себальду, Барта шагает с ним рядом на демонстрациях, сопровождает его в рабочие кварталы.

Проходит немного времени, и доктор Вим Меес огорченно говорит своему другу:

— Умный, талантливый инженер, дельный и при этом обаятельный. Но это увлечение политикой... Вчера его опять видели на демонстрации. Да что демонстрация! Меня даже предупреждали: его уже взяли на заметку. Какие-нибудь беспорядки, и его арестуют как подстрекателя рабочих. И ему я должен отдать любимую дочь.

В 1902 году Барта Меес становится Бартой Рутгерс. В 1904 году родился первенец Ян, в 1906 году — второй сын, Вим.

Но дети не мешают Барте по-прежнему участвовать в партийной работе Себальда. Ее видят в квартирах рабочих, она помогает Себальду и в новом деле, которому он увлеченно отдает свой досуг.

Постоянно бывая в гавани, Себальд знал, как хитро выколачивают прибыль из нищенской оплаты грузчиков. Никому из них не известно, когда придет судно, требующее разгрузки, когда будет поставлено под погрузку другое. Этим секретом владеют несколько агентов.

Дождь ли, жара ли и хочется есть, но уйти домой нельзя, рабочие руки могут потребоваться немедленно. Не будет тебя, найдутся другие. И вот десятки грузчиков сидят в кабаках предприимчивых торгашей. Водка, лук, селедка и хлеб. Последние гроши, заработанные вчера, переходят в карман кабатчика. Иного выхода нет: агент и владелец кабака работают на паях. Не угодишь кабатчику — не позовут на погрузку. Они сидят часами и ждут, когда распахнется дверь и раздастся голос:

— Люди, вставайте, «Принц Ораниум» подходит к пристани!

Так день за днем. Меняются лишь названия приходящих и уходящих кораблей.

Как помочь этим людям? Выход один: создать свои залы для ожидания. Никакой водки, никаких агентов. Быстрое оповещение о судах, требующих грузчиков.

В прибрежном районе и на правом берегу Мааса арендовано два здания. Себальд следит за их переоборудованием, решает, как организовать вызов на работу. Он вникает во все мелочи внутреннего убранства и обстановки, советуется с пивоварами, как добиться, чтобы пиво было вкусным, обсуждает с кулинарами меню питательных и дешевых закусок.

И вот шумная толпа грузчиков заполняет большой зал.

— Ты это здорово придумал, Себальд, — говорит старый грузчик, узнав в подсевшем за его стол инженере быстрого сына врача Яна Рутгерса.

— Это не я, Питерсон. Это партия придумала. Это может сделать единство трудящихся.

А в самой партии уже не было единства. Все явственней становились два течения. Трульстра и его сторонники в своей газете «Хет фолк» проповедовали только экономические реформы.

Группа, объединенная вокруг Роланд-Гольст, Гортера и ван дер Хуса, решает создать свой собственный орган — ежемесячник «Де ниве тейд». В нем резко критикуются взгляды правых, ставятся вопросы о роли крестьянства, профсоюзов, обсуждаются проблемы международного рабочего движения. Но и в этой группе уже намечается раскол.

Огромное влияние на дальнейшее развитие рабочего движения оказала русская революция 1905 года. На весь мир прозвучал голос Ленина. Он

указывал новые пути, новые методы революционной борьбы. Дискуссии и стычки между «Де ниве тейд» и «Хет фолк» становятся все чаще и острее, и все глубже разногласия в самой группе, объединенной вокруг «Де ниве тейд». В 1907 году члены этой группы Вайнкоп, Рутгерс, Сеттон и Равенстейн начинают издавать свой орган — «Трибуну». «Трибуна» ставит практические вопросы сегодняшнего дня, призывает к революционной борьбе, к международному объединению трудящихся.

Руководство партии, мирившееся с существованием «Де ниве тейд», протестует против выхода «Трибуны». В 1909 году в Девентре проходит конгресс Социал-демократической рабочей партии Голландии. На конгрессе Трульстра добивается решения о закрытии «Трибуны»: пусть левые обсуждают свои теоретические проблемы в еженедельном приложении к «Хет фолк».

Это решение многих привело в смятение. Даже первые борцы и основатели партии, такие, как ван дер Хус, Роланд-Гольст, Вибаут, Менеделе, отшатнулись от трибунистов. Но ядро левых твердо стояло на своем. В том же 1909 году они порывают с Социал-демократической рабочей партией Голландии и организуют Социал-демократическую партию Нидерландов — предтечу Голландской коммунистической партии. Вождем трибунистов становится Давид Вайнкоп. Себальд Рутгерс, выступавший в «Трибуне» с первых дней ее существования, остается с трибунистами.

По-прежнему каждое утро Себальд идет в Управление строительством. Но работа, которая прежде доставляла столько радости, опостылела. Де Йонг ушел из управления. Он не мог примириться с мелочной, бюрократической опекой нового бургомистра, с его вмешательством в технические вопросы. Десятки смелых, интересных проектов Себальда и его друзей наталкивались на непонимание и косность. Не выдержав этого, ушли Дудес и Роозен. Себальд, конечно, тоже мог уйти. Но там, куда его приглашали, было мало интересного. Он мечтал о размахе, самостоятельности. Переняв стиль работы блестящего администратора де Йонга, Себальд хотел теперь испытать свои силы в руководстве большим делом. Он выжидал.

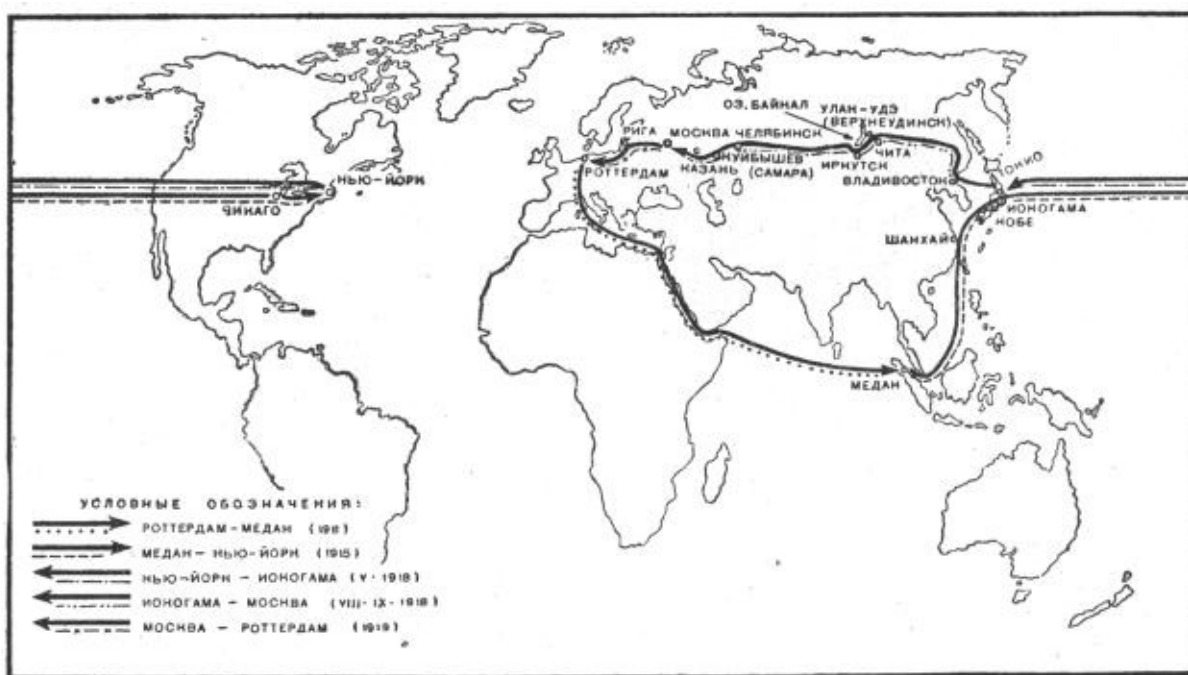
И как-то раз, когда дети уже легли спать и в доме стало тихо, Себальд придвинул свой стул к креслу Барты.

— Мне предлагают пост директора Управления строительством дорог и мостов на западном берегу Суматры. Контракт на пять лет. Как ты на это смотришь, Барта?

— Работа в колониях?

— Да, но это работа не на плантации, а государственная служба. Строительство улучшает положение страны, повышает ее культуру. Я говорил с Вайнкопом, с другими товарищами. Они тоже думают, что стоит самому увидеть, какова же она — жизнь в колониях. Ведь многое, наверно, изменилось там со времени Мультагули. Партийную работу там, конечно, вести не придется — и негде и не с кем. Но связь с товарищами я буду поддерживать, об этом мы уже договорились. А простора для инженера там много. Знаешь, Барта, мне как-то тесно стало в нашей маленькой Голландии.

В начале 1911 года Рутгерс с семьей уезжает в Голландскую Индию.

Карта путешествий Себастьяна Рутгерса

Поездом через Европу — из Роттердама в Геную, отсюда морем до Суматры — таков был предстоящий путь.

Короткая остановка в Швейцарии.

В Генуе Рутгерсам оставлены каюты на комфортабельном голландском

пароходе «Принцесса Юлиана». Началась пора блаженного безделья. Можно вытянуться в шезлонге на палубе. Можно поболтать с сыновьями, дома редко удавалось побыть с ними. Теперь по утрам они вместе делают гимнастику. Потом борются. Себальд подбрасывает их кверху, качает между широко расставленными ногами, а вечером читает им книгу или выдумывает какую-нибудь интересную историю.

И здесь, на пароходе, Себальд быстро сходится с людьми. С одними он обсуждает политические вопросы, с другими — техническую новинку.

Любители шахмат, часами просиживающие за шахматной доской, уговаривают Себальда принять участие в турнире. Сдвинув брови, зажав в руке отвоеванного офицера, Себальд зорко смотрит на доску и вдруг стремительной атакой опрокидывает расчет противника.

— Мат, — объявляет он.

Так, выигрывая партию за партией, Себальд неожиданно становится победителем турнира. Получая первый приз — ценную индийскую табакерку, Себальд смущенно доказывает:

— Это, право, незаслуженно. Я ведь почти не играю в шахматы. В юности мне объяснили правила игры. Я запомнил несколько дебютов. Теперь я воспользовался ими, а дальше работали просто логика и изобретательность.

Порт-Саид, потом Коломбо и Саланга. Здесь пассажиры спускаются на берег. Огромные древние храмы, старинные дворцы, а рядом жалкие хижины, боязливые, голодные взгляды.

— Когда-нибудь мы разворотим этот мир! — бормочет Себальд.

И снова волны бережно покачивают пароход, и в дымной дали возникает белая пена прибоя и яркая зелень Суматры. «Принцесса Юлиана» бросает якорь далеко в море против города Белаван, в нем нет гавани, чтобы принять океанские корабли. В город Рутгерсов доставляют на катере.

Последний этап пути — поездом в глубь острова до города Медан. Здесь резиденция нового директора управления.

Из распахнутых окон единственной гостиницы Медана, где предстоит провести первую ночь на Суматре, несутся громкие возгласы, пьяные песни, звон стаканов. Рутгерсов встречают дружным «халло!». Их окружают нарядные дамы, обнимают мальчиков, суют им лакомства, фрукты.

Встретив удивленный взгляд Себальда, кто-то объясняет:

— Сегодня хари-безар.

— Хари-безар, хари-безар! — подхватывают со всех сторон. — Мы вас не отпустим, мейнхеер.

— Мы устали, жене и детям нужен отдых, — убеждает Себальд.

Беременность Барты уже заметна, и перед ней расступаются. Но вокруг Себальда кольцо людей.

— Вы к нам на работу, мейнхеер? Замечательно. Ваш приезд вы должны отпраздновать с нами, ведь сегодня хари-безар.

— Раз в две недели мы приезжаем сюда с каучуковых и табачных плантаций. Хоть на один день увидеть европейцев, культуру, забыть о ленивых туземцах, которых заставляют работать только угрозы и кнут.

— Ваше здоровье, инженер. Давайте кутить. Утро не скоро, и денег хватит. Платят здесь хорошо.

Себальд присаживается к столу. Через полчаса ему удастся подняться к себе в комнату.

— Это хари-безар, Барта, — объясняет он. — Постарайся уснуть.

До рассвета идет пьяный разгул, пока, наконец, «цветные» шоферы и слуги не усаживают своих белых хозяев в автомобили и экипажи. Через две недели господа соберутся снова.

Дети и Барта уснули, а Себальд не может сомкнуть глаз.

«Угрозы и кнут... Какая мерзость! Люди озверели. У меня этого не будет...»

Просторный каменный дом директора управления. Ослепительно белые стены. Крытые террасы ведут в сад. Там высокие пальмы и цветочные клумбы. Земляные орехи тянут к солнцу свои цветы и потом опускают их книзу, чтобы спрятать в землю созревшие плоды. Все располагает к покою и отдыху. Но Себальд мало бывает дома.

Строительство новых дорог и мостов, служебных помещений и жилья, осушка болот, прокладка каналов, облицовка речных берегов — вот короткий перечень работ, которыми ведает новый директор.

Он занимается всем. С инженерами-дорожниками намечает новые трассы, с мостовиками определяет, где будет перекинут мост, с архитекторами выбирает площадки для поселков, с врачами обсуждает санитарные мероприятия.

Во время инспекционных поездок его служебную машину часто останавливают техники и производители работ. Здесь нужно дать технический совет, тут показать, как улучшить организацию труда. Его указания ясны и понятны.

Но странно, необычно, что господина директора интересует не только

площадь осушенных болот или количество километров проложенной дороги, он требует сведений о зарплате туземцев-чернорабочих, об их снабжении, их жилищных условиях. И горе тому, кто решится заставить выйти на работу заболевшего землекопа или замахнуться на оступившегося подносчика, уронившего носилки. Мейнхеер Рутгерс не кричал, но голос его звучал так, что надсмотрщик бледнел.

Голландский резидент в своих отчетах правительству отмечает успешную деятельность директора управления. Рутгерсом довольны. Многие голландские фирмы, имеющие в Индии свои филиалы, обращаются к нему за консультацией. Он участвует в разработке планов строительства на других островах — Яве, Целебесе и Бали. Себальд часто выезжает в отдаленные области архипелага. Иногда его сопровождает Барта. Во время этих поездок Себальд интересуется бытом населения, его нравами, обычаями. Он восхищается богатствами тропиков, плодородием земли, мощной растительностью, сдержанным достоинством индонезийцев.

Все ясней становится ему, как жестоко и бессмысленно калечит страну колониальный режим. Природные богатства расхищаются. Люди унижены. На работах в государственных предприятиях положение рабочих-туземцев еще сносно. Но на каучуковых и табачных плантациях на восточном берегу Суматры, где в основном работают законтрактованные китайцы и яванцы, так называемые контракт-кули, оно граничит с рабством. Непосильный труд, полуголодный быт, насилие. Чем дальше от центра, тем сильнее произвол и беззаконие. Да и сами законы созданы теми, в чьи карманы течет прибыль.

А вербовка и контрактация? Во время одной из поездок с Явы на Суматру Себальд спустился с палубы в темный трюм. Там около тысячи человек. Теснота, воздуха не хватает. Душераздирающий плач. Несколько туземцев, которых послали вместе с вербовщиками в качестве приманки, рассказывают о прекрасной жизни на островах.

Особенно отчаянно положение женщин, а их здесь больше половины. Обманом или хитростью вырванные из родной деревни, они лишь сейчас понимают, что их ждет. Молодые должны удовлетворять все желания экипажа парохода. Право на выбор девушки соответствует рангу и положению члена команды.

Себальду известен случай, когда одну из законтрактованных девушек пришлось отправить обратно на родину. Ее возраст был намного ниже, чем разрешалось правилами вербовки.

При осмотре обнаружилось, что девушка заражена сифилисом. «Как это случилось?» — спросил врач. «Я так ужасно хотела пить, а буфетчик

обещал мне стакан лимонада, если я буду его слушаться», — ответила она.

Поздним вечером долго светится окно в кабинете Себальда. Отдыхает Барта. Разметавшись, спят набегавшиеся за день Ян и Вим. Спит маленькая Гертруда. А Себальд все еще за письменным столом. Надо ответить товарищам трибунистам, с которыми поддерживается оживленная переписка. Надо записать новые мысли, впечатления, отдельные факты. Блокноты полнятся цифрами, заметками. Через много лет они станут основой двух книг: «Крестьянский вопрос» и «Индонезия».

А наутро опять мосты, дороги, каналы. Так идут дни, месяцы, годы.

Август 1914-го. В Европе война. Шовинистический дурман охватил народы. Себальд знает положение из писем друзей и товарищей по партии, из газет и журналов. Он уверен: война кончится через несколько месяцев и настанет время великих социальных сдвигов. Скорее вернуться в Голландию, принять участие в грядущей борьбе. Ссылаясь на резкое сокращение кредитов и свертывание строительных работ, инженер Рутгерс просит расторгнуть контракт на год раньше срока.

Себальд и Барта сидят над картой, намечая обратный путь: Китай, Япония, Америка, Европа. Чемоданы уложены.

В марте 1915 года Рутгерсы покидают Суматру.

Остановка в Сингапуре. Оттуда на первом попавшемся судне через Гонконг до Шанхая. Ничего похожего на чудесную поездку на «Принцессе Юлиане». Старая коробка скрипит, не в силах бороться с начавшимся штормом. Ветер и огромные волны швыряют ее с борта на борт. Себальд еще пытается шутить, но смех его звучит коротко и резко, морская болезнь мучает и его. Одна Барта держится, ласково уговаривает детей.

Наконец Шанхай. Ноги ступают по твердой земле. Ночь в хорошей гостинице. На следующий день они направляются в китайские кварталы.

Узкие шумные улочки, маленькие лавчонки, разнообразные товары разложены порой прямо на тротуарах. Китайские торговцы сгибаются в низких поклонах и наперебой зазывают покупателей. Рутгерсы пьют зеленый чай в не слишком опрятной китайской чайной. Чем дальше от центра, тем уже и грязней улочки, явственней неприкрытая безысходная нищета. К берегам зловонной реки жмутся джонки — каждая приют многочисленной семьи. В этой убогой лодчонке оборванные, полуголодные люди спят, едят, пьют, рожают детей.

К вечеру Барта и дети возвращаются в гостиницу, а Себальд углубляется в примыкающие к гавани кварталы. Темнеет. Красные фонари

над дверями публичных домов, ярко покрашенные девушки выходят на ночной промысел, люди как тени проскальзывают в узкие двери курилен опиума. Совсем рядом европейская часть Шанхая — улицы, залитые светом фонарей и огнями реклам. И только рикши напоминают о том, что ты в Китае.

— Везде одно и то же, Барта, — говорит Себальд, вернувшись в гостиницу. — Лучше — хуже, но суть одна. — Он устало проводит рукой по волосам.

Роскошный английский пароход подымается к Ханькоу по голубой Янцзы. Над входом на палубу первого класса надпись: «Китайцам вход воспрещается».

В Ханькоу визитная карточка члена Королевского общества инженеров Голландии открывает перед Рутгерсом все двери. Его видят в гавани, в цехах сталелитейного завода, где полуголые китайцы обливаются потом, загружая в мартены шихту, и отшатываются у леток перед слепящей струей металла. На английской фабрике чайных брикетов работают дети. Их маленькие торопливые руки и бледные лица с грустными боязливыми глазами долго преследуют Себальда.

На обратном пути на день останавливаются в Нанкине. Здесь причудливо сочетаются старина и сегодняшний день. Современные здания и рядом каменные статуи богов, людей, зверей. Каналы и мосты перекрещивают лежащий в низине город.

— Смотрите, дети, совсем как в Голландии, — радуется Барта.

И тут внезапно, словно для того, чтобы усилить сходство, они слышат голландскую речь. Европейец, обративший внимание на группу иностранцев, подходит к ним.

— Халло, мейнхеер Рутгерс, — приветствует он Себальда, протягивая руку. — Здравствуйтесь, меврау, здравствуйтесь, дети!

Себальд узнает инженера, с которым он мимолетно встречался в Голландии.

— Я работаю здесь уже несколько лет.

Вечерним поездом выезжают в Шанхай. Оттуда на пароходе в Японию. Чудесной неожиданностью встречает их Кобе. Спускаясь по трапу, Себальд удивленно оглядывается. Гавань — точная копия Роттердамской. В управлении гавани загадка разъяснилась.

— Мейнхеер Рутгерс, узнаете? — приветствует его по-английски моложавый японец.

Да, конечно, это тот молодой японский инженер, которого Себальд много лет назад водил по Роттердамской гавани, подробно отвечая на все его вопросы, делился с ним своими знаниями и опытом. Теперь Себальд с радостью видит, что в Кобе блестяще скопировано все увиденное в Голландии.

Вечер семья Рутгерсов проводит в доме гостеприимного инженера и на следующий день уезжает в Токио с его рекомендательным письмом к одному из столичных друзей.

В Токио у Себальда особая задача: встретиться с Сен Катаямой. Разыскать в городе с многомиллионным населением вождя еще слабого социалистического движения Японии нелегко. Фамилия Катаяма очень распространена. После долгих расспросов удастся узнать, что Сен Катаямы в Токио нет: преследуемый полицией, он был вынужден уехать в Америку.

В городе весна. Друг инженера из Кобе очень любезен, он старается показать иностранцам все интересное. Они выезжают за город. В белой пене стоят вишневые деревья, и грациозные японские девочки в старинных национальных нарядах, выполняя древний обычай, танцуют среди цветущих вишен танец пробуждающейся весны.

В Камакуре Рутгерсы останавливаются перед огромной статуей Будды.

В Никко они посещают древний храм. Над главными воротами три деревянных барельефа обезьян. Одна прикрыла глаза, другая — уши, третья сморщенной ладошкой закрывает рот. «Закрой глаза, чтобы не видеть зла, закрой уши, чтобы его не слышать, закрой рот, чтобы не умножать его», — так гласит древняя мудрость.

«И так в любой религии, — думает Себальд. — Не видеть зла, не слышать о нем, не говорить, не противиться ему».

Короткий путь из Токио в Иокогаму. Здесь Рутгерсы садятся на японский пароход, который направляется к западному берегу Соединенных Штатов Америки.

Семнадцать дней на борту парохода по Тихому океану, семнадцать дней беспечного безделья и раздумий о виденном. Пароход бросает якорь в гавани Сиэтла. Типичный американский город с небоскребами, огромными магазинами, ресторанами-автоматами. В оживленном уличном движении, в походке людей, разговорах чувствуется напряженный, непривычный для европейца темп. Как странен рядом с этим памятник индейской старины — огромный древесный ствол с вырезанными в нем раскрашенными индейскими масками.

Поездом в Спокан через Скалистые горы с их зубчатыми вершинами,

глубокими ущельями и долинами. Здесь Себальд останавливается, чтобы осмотреть ирригационные сооружения. Хорошо продуманная, технически совершенная система обеспечивает богатый урожай овощей и фруктов.

— Это я когда-нибудь использую, — говорит Себальд. А мальчики нетерпеливо крутятся вокруг отца — им обещали, что они увидят настоящих индейцев. Недалекий путь в индейскую резервацию. Какое разочарование ждало здесь Яна и Вима! Вместо гордых, украшенных трофеями вождей, знакомых им по книгам Майн Рида и Фенимора Купера, они увидели усталых, согнутых людей, обреченных на жалкое существование. Даже сохранившиеся головные уборы из перьев не делали их величественней и воинственней. Огорченных мальчиков утешило лишь зрелище рыбной ловли. Индейцы с виртуозной ловкостью били рыбу острой.

Следующая остановка в Бьютте. Медные рудники, оснащенные новейшей техникой, неплохие условия работы и очень высокая производительность труда. Себальд интересуется всем, все может пригодиться.

После шумного индустриального города особенно чувствуется нерушимая тишина Йеллоустонского парка — огромного заповедника, который тянется на десятки километров. Девственная природа, которой не коснулась человеческая рука. Непроходимые чащи. Гремящие водопады, низвергающиеся через скалы, глубокие каньоны, переплетенные вершины гигантских деревьев.

Затем крупное зерновое хозяйство близ Миннесоты, оснащенное новейшей техникой. Использование тракторов и сельскохозяйственных машин дает здесь невиданные урожаи. Себальда поражает большое количество лошадей.

— Зачем они вам? — спрашивает он у сопровождающего его хозяина.

— Необходимы. Сезонные рабочие, так же как когда-то английские ткачи, видят в машинах врага, вытесняющего их труд, и часто ломают их. Тогда мы вынуждены заменять тракторы лошадьми. Иного выхода нет.

— А выход может быть очень прост, — замечает Себальд. — При социализме машина будет лучшим другом человека. Но работа у вас организована превосходно.

Прощаясь, Себальд крепко пожал протянутую ему руку.

Чикаго. Здесь издается социалистический журнал «Интэрнэшионэл социалист ревью». Его редактор Мэри Марси известна Себальду по ряду статей. Первый визит к ней домой. Они быстро нашли общий язык. Мэри рассказывала о разных течениях в Социалистической партии Америки, о

рабочем движении в Соединенных Штатах, Себальд — о жизни в колониях. Они говорили о войне в Европе, о наиболее важных проблемах современности.

Мэри Марси попросила Себальда написать для журнала несколько статей о положении в колониях, снабдила его письмами к товарищам в Нью-Йорке.

Себальд вернулся в гостиницу радостно-возбужденный. Ему давно не приходилось встречаться с товарищами по партии, от живых людей узнавать о том, чем они живут и дышат.

По пути в Нью-Йорк Рутгерсы осмотрели Ниагарский водопад, долго стояли, любуясь величественным зрелищем.

Последний этап пути по Соединенным Штатам. Америка пересечена с запада на восток. В конце июня 1915 года, после почти четырехмесячного путешествия, Рутгерсы приезжают в Нью-Йорк.

— Скоро увидим бабушку и дедушку, — говорит Барта детям, устраиваясь в номере нью-йоркской гостиницы. — Папа пошел заказывать билеты на пароход.

Но Барта ошиблась. По дороге Себальд зашел на главный почтамт. Среди другой корреспонденции ему вручили необычно длинную телеграмму. Отправление — Медан, подпись — Схаде.

Схаде, директора Голландско-индийской железнодорожной компании, Себальд хорошо знал по работе в Медане. Сейчас Схаде предлагал ему стать представителем компании в Нью-Йорке.

Война в Европе заставила Голландию изменить размещение заказов для предприятий Голландской Индии. Закупка железнодорожных вагонов, материалов для строительства мостов, машин, запасных частей была перенесена в США. Возглавить эту работу, требующую больших организаторских способностей и технических знаний, Схаде предлагал Рутгерсу.

— Я думаю согласиться, Барта, как ты на это смотришь? — говорит Себальд, вернувшись в гостиницу. — Война затягивается, предложение Схаде интересно. Что нам мешает остаться в Нью-Йорке до конца войны? Мэри Марси рассказывала об активной деятельности нью-йоркских социал-демократов, дала к ним письма. Я тут же свяжусь с ними.

Билеты на пароход не были заказаны. Рутгерсы остаются в Нью-Йорке.

Имя инженера Рутгерса становится все более известным в деловых и технических кругах Америки. В его бюро можно встретить представителей

заводов и фабрик и крупнейших банков Америки, представителей многих голландских фирм, которые поручают Себальду закупку нужных им материалов и оборудования. Через его руки проходят миллионные суммы, он работает точно, с размахом, не скупясь в мелочах и не допуская излишних трат.

Ему приходится заниматься не только организационными и финансовыми вопросами. Возникает много технических проблем. Надо приспособить американские материалы и оборудование к отличному от американского типу железных дорог Голландии и Голландской Индии. Опыт и знания Себальда помогают разрешать сложные технические задачи. Американские фирмы все чаще приглашают его в качестве инженера-консультанта. Промышленники, финансисты, инженеры — вот круг людей, с которыми Себальд встречается в своем бюро.

Совсем иные люди посещают Рутгерсов в небольшом доме в предместье Нью-Йорка, в Манхэттен-Биче, где господин инженер Рутгерс превращается в товарища Себальда. Этот дом становится местом частых собраний организационного комитета Лиги социалистической пропаганды Америки. Как возникла эта лига?

В Социалистической партии Америки, в которую вскоре после своего приезда в Нью-Йорк вступил Себальд, было в то время много разных группировок, большинство из которых имело свой печатный орган.

Руководителем партии был Хилквит. Он придерживался оппортунистических взглядов и подавлял оппозиционно настроенное меньшинство.

Параллельно существовала небольшая группка, объединенная вокруг «Ранд Скул». Ее члены охотно занимались теорией марксизма, но не имели собственной точки зрения на то, как разрешать практические вопросы современности. Они избегали каких бы то ни было конфликтов с Хилквитом.

Другой кружок, душой которого был прозванный «великим марксистом» Луи Будин, издавал журнал «Нью ревью». С этим кружком вначале сблизился Себальд. Его статьи, так же как и статьи Будина, не раз появлялись в «Нью ревью». Себальд был частым гостем в доме Будина, где происходили страстные политические дискуссии. Но вскоре Себальд увидел, что дискуссии большей частью сводились к монологам Будина. Он обладал исключительной памятью, сыпал цитатами из Маркса и Энгельса, философскими афоризмами. Друзья считали Будина блестящим теоретиком. Но он не понимал общественных явлений в их исторической взаимосвязи, не видел того, что видел Себальд, — роста революционных

сил. Себальду с ним было не по пути.

Довольно большая группа немецких социалистов сплотилась вокруг Людвиг Лоре и его «Фольксцейтунг». Газета выходила на немецком языке, и поэтому круг ее читателей был невелик. Единственная революционная группа, пользовавшаяся большим влиянием среди многочисленных сезонных рабочих Америки и членов профсоюзной организации Индустриальные рабочие мира (ИРМ), состояла из социалистов, объединившихся вокруг ежемесячника «Интэрнэшионэл социалист ревью», редактируемого Мэри Марси.

Статьи Себальда в этом журнале впервые знакомят американских социалистов с ленинским учением об империализме. Они звучат в унисон с напечатанной там же статьей Коллонтай, которая останавливалась в США во время поездки, посвященной пропаганде идеи создания III Интернационала.

В это время революционным марксистам уже было ясно, что II Интернационал потерпел крах, оказался несостоятельным перед военным безумием, охватившим Европу. Надо было создавать новый Интернационал, который объединит революционных социал-демократов, призовет рабочих всех стран порвать с шовинистами и стать под знамя марксизма.

Выступления Себальда встречают горячий отклик. Он получает много писем от американских читателей. Приходят письма и от голландских товарищей, которые вновь встречают в «Трибуне» давно знакомое имя Рутгерса. Но одной пропаганды революционных идей было мало. Нужна была партия, которая сплотила бы еще разрозненные революционные группы. Ядро такой партии постепенно выкристаллизовывается из левого крыла Американской социалистической партии. Сперва это небольшая группа, которая называет себя Лигой социалистической пропаганды. Свои политические взгляды и цели члены этой группы высказывают в «Обращении к членам социалистической партии», призывая их бороться за создание нового Интернационала.

Себальд активно включается в деятельность лиги и скоро становится членом ее организационного комитета, перед которым стоит большая задача — превратить лигу в единую партию, проникнутую идеей пролетарского интернационализма.

В дни, когда организационный комитет лиги старается сплотить вокруг себя революционные силы страны, Себальд получает из Бостона письмо от секретаря группы латвийских революционных социалистов Ф. Розина. Себальд знает: в Америке немало латвийских политэмигрантов. Надо

попытаться объединить их вокруг лиги, решает он и выезжает в Бостон.

— Я давно хотел познакомиться с вами, товарищ Рутгерс, — встречает его Розин. — Одна ваша статья произвела на меня такое впечатление, что я не расстанусь с ней. — Розин достает из письменного стола вчетверо сложенный газетный лист.

— «Трибуна»? Как она попала к вам? Откуда? Вы знаете голландский?

— Это давняя история. За революционную деятельность царское правительство осудило меня на много лет тюремного заключения. Я сидел в тюрьме в Риге. Международная организация Красного Креста, в которую входили и голландские товарищи, помогала политзаключенным. Нам передавали деньги, а порой удавалось переправить книги, письма. Так я познакомился с произведениями Роланд-Гольст. По ее книгам и нескольким письмам я учился голландскому языку, — рассказывает Розин. — После освобождения я не прекратил связь с голландскими товарищами и до сих пор поддерживаю ее. Они прислали мне «Трибуну» с вашей статьей о рабочем движении в Америке. А потом по моей просьбе товарищи из редакции дали мне ваш теперешний адрес. Так мы и встретились.

Два социалиста — голландский и латвийский — в Бостоне обсуждают планы и дела Лиги социалистической пропаганды Америки.

Они еще не знают, что в далеком Берне Ленин прочитал текст первого воззвания лиги и немедленно отозвался на него:

«Дорогие товарищи!

Мы очень обрадовались, получив вашу листовку. Ваше обращение к членам социалистической партии с призывом бороться за новый Интернационал, за подлинный революционный социализм, которому учили Маркс и Энгельс, против оппортунизма, в особенности против тех, кто стоит за участие рабочего класса в оборонительной войне, полностью соответствует позиции, которую наша партия (Российская социал-демократическая рабочая партия, Центральный Комитет) заняла с самого начала этой войны и которую она всегда занимала на протяжении более 10 лет.

Мы шлем вам самые искренние приветы и наилучшие пожелания успеха в нашей борьбе за истинный интернационализм...

Мы соглашались с вами, что мы должны быть против цеховых союзов и за промышленные союзы, т. е. за крупные, централизованные профсоюзы и за наиболее деятельное участие всех членов партии в экономической борьбе и во всех профсоюзных и кооперативных организациях рабочего класса...

Мы всецело сочувствуем вам, когда при политическом выступлении

вы требуете «массового выступления» рабочих...

Мы вполне согласны с вашей критикой старого Интернационала...

В заключение я еще раз повторяю наилучшие приветы и пожелания вашей Лиге. Мы были бы очень рады и далее получать от вас информацию и соединить нашу борьбу против оппортунизма за истинный интернационализм.

Ваш Н. Ленин». [\[1\]](#)

Это письмо, написанное и отправленное Лениным сразу после получения Обращения лиги, так и не дошло до адресата. Себальд узнал о нем лишь много лет спустя. Но борьба за истинный интернационализм, к которой призывал Ленин, лежит в основе работы лиги.

To the Secretary of the Socialist Propaganda League
46 C. St. Fitzgerald, 20 Essex St., New York,
Mass.

Dear comrade!

We are extremely glad to get your letter. Your
opinion to the members of the Socialist Party to
struggle for ~~the~~ a new International, for clear-
cut revolutionary methods as taught by
Marx & Engels, and against the opportunism,
especially against those who are in fa-
vor of working class participation in
a war of defense, corresponds fully
with the position our party (Social Demo-
cratic Labor Party of Russia, Central Com-
mittee) has taken from the beginning of
this war & has always taken during
more than ten years.

We send you our sincerest greetings.

Первая страница письма В. И. Ленина секретарю Лиги
социалистической пропаганды. Ноябрь 1915 г. (на английском
языке).

Интернационализм. Это слово часто звучит по воскресеньям в
небольшом доме Рутгерсов в Манхэттен-Биче, где собираются члены
организационного комитета лиги. Здесь создается ее новый Манифест,

принимается решение о создании ее еженедельника «Интэрнэшионэлист», обсуждается каждодневная работа.

А когда дела закончены и люди устало замолкают, Себальд быстро вскакивает:

— Отдыхать, товарищи! Кто не умеет отдыхать, не умеет и работать. Ян, Вим, пошли с нами, — зовет он сыновей.

Хорошо подставить горячий лоб океанскому ветру. Хорошо бросить навстречу волне длинные сильные руки. Они плывут все вместе, перекликаются, отфыркиваются, когда соленая вода попадает в раскрытый смехом рот.

В Манхэттен-Биче появились новые жильцы. Еще в Токио Себальд узнал, что Сен Катаяма уехал в Калифорнию и работает там сельскохозяйственным рабочим. С ним его дочь Ясу. Приехав в Америку, Себальд сразу разыскал его.

А как-то раз в одной из нью-йоркских газет Себальд наткнулся на Маленькую заметку. В ней говорилось, что агенты японской полиции похищают в Калифорнии японских революционеров и на своих пароходах доставляют их в Японию, чтобы бросить в тюрьму.

— Барта, я хочу предложить Сен Катаяме и его дочери пожить у нас. Там ему грозит беда, — сказал Себальд, протягивая Барте газету.

— Конечно, мы сейчас вместе напишем ему.

Так Сен Катаяма поселился в Манхэттен-Биче и вскоре стал активным членом Лиги социалистической пропаганды.

Влияние лиги растет. 6 января 1917 года в Бостоне выходит в свет первый номер еженедельника лиги «Интэрнэшионэлист». Над заголовком газеты рабочая рука сжимает горящий факел. Расходящиеся во все стороны лучи падают на слова: «Рабочие мира, соединяйтесь!» Передовая «Наш Манифест» написана Рутгерсом.

Через несколько месяцев газета перебазируется в Нью-Йорк. Здесь она выходит под названием «Нью интэрнэшионэл». Символический факел заменен мужественной фигурой молодого рабочего. Его поднятая правая рука словно зовет к борьбе и победе. В левом верхнем углу слова: «Посвящается левому крылу социалистов». В правом — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь, вы можете завоевать мир!» Главный редактор газеты Фрэйна, в редакционной коллегии Ревитш, Розин, Рутгерс, Эдвард Фрейман.

Ян и Вим возвращаются из школы.

— Почисть-ка меня сзади, Ян, — просит Вим, поворачиваясь к брату

спиной, — мне не достать.

— Чисть, не чисть, пуговицы все равно вырваны с мясом, а штаны... Ох, и видик у тебя, Вим! Над глазом царапина...

— А у тебя синяк на скуле, — парирует Вим. — Ну и что? Мы их тоже здорово поколотили!

Дома, умывшись и переодевшись, мальчики обсуждают, как быть дальше.

— Не подпишусь я на этот заем, — упрямо твердит Вим. — Если нужно, буду снова драться.

Мальчишкам не пришлось больше драться. Взбешенный учитель, чтобы добиться стопроцентной подписки на военный заем в классе, сам подписался за Вима, а его выгнал из школы.

Себальду пришлось заявить протест директору школы, подкрепив его цитатами о правах человека, записанными в конституции Америки. Вим вернулся в школу. На следующий день он рассказывал:

— Мальчишки у нас в классе совсем сошли с ума. Они, как обезьяны, повторяют: это война за бога, отечество и святую американскую демократию.

Первый номер газеты «Интернэшионэлист», органа американской Лиги социалистической пропаганды, 1917 г.

«За отечество, за святую демократию» — под этими «высокими»

лозунгами разжигается шовинистический разгул, охвативший страну после 16 апреля 1917 года, когда правительство США объявило войну Германии. Все чаще рабочего, высказавшегося против войны, избивают до полусмерти. В городах и селах на западе Америки людей, отказавшихся подписаться на военный заем, вытаскивают из домов, обмазывают дегтем и вываливают в перьях.

В такой обстановке собирается конгресс Социалистической партии Америки, чтобы выработать свою позицию по отношению к войне. Наиболее прогрессивные члены партии вместе с Лигой социалистической пропаганды, несмотря на сопротивление Хилквита, добиваются резолюции против войны. Но в руках оппортунистического руководства она остается только на бумаге.

Положение членов лиги становится все сложнее, все труднее вести работу. «Нью интэрнэшионэл» удается выпускать только благодаря помощи русских товарищей политэмигрантов, которые печатают его вместе со своим «Новым миром». С русскими теперь считаются. После Февральской революции правящие круги США носятся с мыслью о политическом и военном союзе двух великих демократических республик — Америки и России.

Но лига продолжает бороться против войны.

— «Нью интэрнэшионэл», покупайте «Нью интэрнэшионэл»! — протягивает Себальд газету прохожим. На другой стороне улицы с небольшой пачкой газет стоит еще товарищ по лиге. Газет уже немного. Большинство их продано на собрании протеста против войны, организованном анархистско-синдикалистской группой Билля Шатова. Этой группе еще удастся проводить собрания, и члены лиги пользуются любой возможностью, чтобы выступить, призвать рабочих к единству, к борьбе против войны.

— «Нью интэрнэшионэл», — повторяет сосед Себальда, у которого осталось несколько номеров газеты. Рука полицейского ложится на его плечо. Рядом возникает второй полисмен:

— Вы арестованы.

Себальд и другой подросевший товарищ отправляются вслед за арестованным. Они хотят использовать свое право быть свидетелями в нью-йоркском ночном суде. Около двух часов ночи на стол полицейского судьи ложится обвинительный акт.

«Агитация против войны, продажа «Нью интэрнэшионэл». Судья выносит решение: дело передать завтра в суд. Арестованного в тюрьму или отпустить под залог в 100 долларов.

И тут обнаруживается: этих денег нет, а до Манхэттея-Бича далеко. Себальд вскакивает и быстрыми шагами идет к двери.

— Сейчас принесу деньги, — оборачивается он. — Ждите.

«Он живет где-то здесь, недалеко, в гостинице», — вспоминает Себальд об одном голландском инженерере, остановившемся в Нью-Йорке проездом из Южной Америки в Голландию. Правда, час для визита немного поздний, но...

— Поскорее и подождите меня около гостиницы, — говорит Себальд шоферу такси.

— Я разбудил вас, — извиняется Себальд перед сонным голландцем, — мне нужно до завтра сто долларов. Я...

— О, пожалуйста, никаких объяснений. — Инженер любезно протягивает требуемую сумму.

Около трех часов ночи трое товарищей покидают полицейский участок.

— Я впервые узнал, что стою так дорого — целых сто долларов, — шутит освобожденный. — А потери все же есть. у судьи остался номер «Нью интернэшионэл».

На следующий день Себальд передает дело адвокату. Необходимо в каждом отдельном случае показать себя во всеоружии и легальными мерами противопоставить американские законы полицейскому произволу.

На сей раз победа одержана. Суд отказался от обвинения. Но полицейская машина закрутилась. Луи Фрэйна арестован, о политической деятельности Себальда, конечно, знают: его имя стоит в «Нью интернэшионэл», он выступает на собраниях, распространяет крамольные газеты и листовки.

Первый номер газеты «Нью интэрнэшионэл».

Господин инженер Рутгерс сидел в своем бюро, когда к нему в кабинет вошли два агента тайной полиции.

— Мы хотели бы знать...

— Мне безразлично, что вас интересует, — надменно ответил Себальд, — но говорить с вами я буду только в присутствии моего адвоката. — И, берясь за телефонную трубку, подумал: «Вот сейчас пригодятся юридические способности Будина».

Будин, как всегда, блестящ и неподражаем.

— Ваше вторжение незаконно. Господин инженер Рутгерс ни в чем не нарушил американских законов. Американская конституция охраняет... американская конституция защищает... — Будин переходит в наступление, он перечисляет параграфы и пункты. Агенты вынуждены удалиться. Надолго ли?..

Октябрьская революция в России. Буржуазные газеты Америки начинают грязную клеветническую кампанию против Республики Советов. Волны ненависти, лжи, инсинуаций поднимаются все выше и выше. Либеральные круги Америки, приветствовавшие сотрудничество с правительством Керенского, сейчас неистовствуют вместе с другими.

— Существование «Нью интэрнэшионэл» — позор для Соединенных Штатов! — восклицает на заседании сената представитель одного из штатов.

Полиция немедленно запрещает открытое распространение газеты. Теперь приходится ее рассылать в запечатанных конвертах. Несмотря на полицейские преследования, денежные штрафы, угрозы и аресты, выходит «Новый мир».

Себальд и товарищи из Лиги социалистической пропаганды, связанные с «Новым миром», получают довольно точные сведения о положении в России. Удастся создать «Бюро большевистской информации». Себальд и другие участники бюро выпускают статьи и сообщения, рассказывающие правду о Стране Советов. Эти сообщения начинают печатать и отдельные буржуазные газеты.

Среди рабочих, прогрессивной интеллигенции и части буржуазии растет интерес к Советской России. Редакция «Нового мира», Лига социалистической пропаганды, «Бюро большевистской информации»,

пользуясь любым предлогом, организуют собрания, посвященные Стране Советов. Оратор сменяет оратора. Доклады о первых декретах Советской власти, рассказы о героизме красногвардейцев, о самоотверженности русских рабочих. Звучат революционные стихи, песни. Энтузиазм растет. Собрания часто заканчиваются сбором денег в помощь Советской республике. Женщины толпятся у трибуны, торопливо снимают серьги, брошки, кольца.

— Деньги — это еще недостаточно, — выступает на одном собрании молодой рабочий. — Я предлагаю организовать американский корпус добровольцев и послать его на помощь Красной гвардии.

У стола возникает очередь желающих записаться добровольцами. В Вашингтон летит телеграмма с просьбой снабдить добровольцев оружием.

Ответ правительства краток: сенаторы согласны с организацией добровольческого корпуса, но не в помощь Красной гвардии, а для войны с немцами на фронтах союзной Франции.

Президент Вильсон пытается наладить контакт с Лениным. Он предлагает вместе бороться за победу над Германией. Но Ленин через голову Вильсона обращается к трудящимся Америки. Посылая им революционный привет, Ленин призывает рабочих к борьбе за общее дело — победу над буржуазией.

«Оправдана ли моя работа здесь, в Америке? — спрашивает себя Себальд. — Как ничтожно мало все, что я делаю здесь по сравнению с тем, что делается в России».

Себальд знает хорошо: там, в России, не хватает инженеров, чтобы восстановить разрушенную войной и без того слабую промышленность.

Инженер и революционер Рутгерс решает: мое место там, где строится новая жизнь.

В комнатах в Манхэттен-Биче необычный беспорядок. Дверцы шкафов раскрыты, Барта сосредоточенно разбирает белье, одежду, посуду. Мальчишки помогают ей.

— Что за уборку ты затеяла, Барта? — удивленно спрашивает Себальд.

— Я начала готовиться к отъезду. Разве мы не решили уехать в Россию? — отвечает Барта вопросом на вопрос.

Срок отъезда еще не назначен, еще предстоит много дел. Но жизнь заставляет торопиться. В «Нью-Йорк тайме» опубликован список всех участвующих в выпуске «Бюро большевистской информации», среди них имя Рутгерса. Это тревожный сигнал. И уже прямой угрозой звучит сообщение директора голландской фирмы «Штокк и К°».

Шарль Штокк в хороших отношениях с правительственными кругами Вашингтона. Ему намекнули, что арест Рутгерса предрешен. Это нежелательный скандал для правительств обеих стран. Предупреждая Рутгерса о грозящей ему опасности, Шарль Штокк одновременно предлагает ему новую работу. Надо выяснить возможность разместить в не затронутой войной Японии заказы голландских фирм, которые Рутгерс представляет в Америке, и организовать в Иокогаме бюро, подобное нью-йоркскому.

Себальд принимает предложение: путь в Россию лежит через Японию. Начинается срочная подготовка к отъезду.

Себальд оставляет инструкции своему будущему заместителю в нью-йоркском бюро. У английского консула он получает визу для проезда через Сингапур, объяснив, что должен задержаться там по дороге в Голландскую Индию.

На совещании организационного комитета лиги товарищи вручают ему мандат, чтобы представлять лигу на любых конференциях революционных социалистов. Его просят выяснить, как отнесутся в России к приезду американских добровольцев в помощь Красной Армии. Сен Катаяма дает ему письма к товарищам в Японию.

— Передай привет Ленину, — говорят ему на прощание.

Теперь всё. Защелкнут замок последнего чемодана. Последний вечер в Манхэттен-Биче. Себальд, задумавшись, сидит в опустевшей комнате.

Впереди сложный путь. Может быть, все-таки лучше оставить Барту и детей?

Барта подходит сзади, кладет ему руки на плечи.

— Я всегда буду с тобой, Себальд, — говорит она и совсем иным тоном добавляет: — И вообще присутствие женщины уменьшает опасность.

Отъезд. Америка снова пересечена, на этот раз с востока на запад. В Сиэтле Рутгерсы садятся на пароход.

На пристани в Сингапуре два человека упорно встречают каждый проходящий из Америки пароход. Они первыми взбегают по трапу, проходят к капитану и быстро просматривают списки пассажиров. Наконец-то!

— Следуйте за нами, Рутгерс.

В небольшой комнате, куда доставлен арестованный и его багаж, тщательный обыск. Ничего подозрительного. Агенты тайной полиции выстукивают дно чемоданов, прощупывают каждый шов одежды, подошвы

башмаков. Ничего! Обыскиваемый возмущен:

— Я честный человек. Что вам от меня нужно? Я буду жаловаться.

Его не слушают. Его спину обрабатывают химикалиями, чтобы проступили симпатические чернила. Ничего!

— Вы Рутгерс? — настаивают агенты.

— Я голландский коммерсант Рутгерс, я буду жаловаться! — кричит взбешенный господин.

Наконец выясняется — этот Рутгерс не тот. Смущенные агенты рассыпаются в извинениях.

Тихоокеанские волны бьют о борта парохода. Рутгерсы едут из Сиэтла в Иокогаму. Далеко в стороне остается Сингапур. Лишь через много лет Себальд узнает, как предусмотрительно он поступил, оформив сингапурскую визу и направив полицию по ложному следу. Лишь через много лет он узнает, каких хлопот стоило почтенному коммерсанту сменить свою опасную фамилию.

В Иокогаме Себальд налаживает связь с заводами и фабриками.

Они сидят за крохотными чашками душистого чая — инженер Рутгерс и представители завода. Приветливые улыбки, любезный разговор о чем угодно, только не о делах. Так проходит добрых полчаса. А потом почти незаметно, среди комплиментов по адресу Голландии, директор завода намекает на то, что они всегда рады оказать услугу дорогому гостю, что они будут счастливы выполнить его заказы. Таков стиль деловых переговоров в Японии.

Себальд бывал на здешних заводах. Он убедился, что молодая японская промышленность еще не научилась создавать свое, но зато умеет блестяще копировать данные ей образцы. Справится ли завод с новыми, не освоенными им заказами для мостов и железных дорог, которые нужны голландским фирмам, или с машинами больших размеров, чем выпускали до сих пор? Ведь это не механическое увеличение масштаба. И если представители завода сразу берутся за все, инженер Рутгерс мягко сводит разговор к ничему не стоящим любезностям. Если же вместо цветистых обещаний и уверений начинает работать инженерная мысль, люди задумываются, прикидывают, обсуждают технические возможности, Себальд договаривается о работе. Так, постепенно, знакомясь с промышленными предприятиями Иокогамы, Киото и других городов, Себальд определяет возможности размещения заказов фирмы «Штокк и К^о» и Голландско-Индийской железнодорожной компании. Теперь уже

можно организовать в Иокогаме техническое бюро. Одновременно с подробным отчетом о налаженных связях и размещенных заказах Себальд направляет Шарлю Штокку и в Голландско-Индийскую железнодорожную компанию просьбу об освобождении его от работы.

— Я свободен, Барта, — удовлетворенно говорит Себальд, сдвигая на край стола два запечатанных конверта. — Я совершенно свободен. Можно форсировать подготовку к отъезду.

Когда сталкиваешься с людьми, знавшими Себальда Рутгерса, когда читаешь воспоминания о нем, невольно поражаешься, до чего по-разному говорят об этом человеке, как по-разному воспринимают его.

Коллеги Рутгерса по работе в Роттердаме, его первый руководитель де Ионг, инженеры, с которыми ему приходилось встречаться на международных конгрессах, говорят о блестящем инженере, новаторе в области техники.

Рабочие Роттердамской гавани и члены Голландской компартии помнят верного трибуниста товарища Себальда.

В деловых кругах Америки, в Нью-Йорке, в Голландско-Индийской железнодорожной компании Рутгерс остался образцом талантливого организатора, смелого распорядителя финансов.

В том же Нью-Йорке и в Бостоне старые члены Лиги социалистической пропаганды рассказывают о страстном агитаторе и пропагандисте, о создателе и распространителе «Нью интэрнэшионэл» Себальде, они не знают Рутгерса из его делового представительства.

Так и шла жизнь Себальда по двум линиям: инженера — представителя капиталистических предприятий — и члена партии, по двум линиям, которые, как две параллели, никогда не соприкасались друг с другом. Но после Октября семнадцатого года продолжать так Себальд уже не мог.

Знал ли Себальд, отправляя свой отказ от работы, что этот день станет началом его нового жизненного пути, что капиталистическая промышленность навсегда потеряла инженера Рутгерса? Знал ли он, что скоро в стране, где невозможное становилось возможным, две параллели сомкнутся, опрокидывая все законы математики, и появится единый Себальд Рутгерс — инженер-коммунист?

В основном все решено. Семилетнюю дочурку Гертруду нельзя подвергать случайностям сложного пути. Она остается в знакомой голландской семье Холстов в Иокогаме. Когда представится возможность, ее отправят в Голландию к бабушке и дедушке. Вим и Ян едут с

родителями. Начинаются сборы в дорогу.

Чемоданы заполняют бельем, теплой одеждой, обувью, в портпледы укладывают подушки и одеяла, в дорожную аптечку — всевозможные лекарства, ящики полны продуктов. Барта предусматривает все.

В Японии еще существует царский консул. Себальд запасается его визой и печатью, украшенной двуглавым орлом, рублями, с которых смотрит лицо свергнутого царя. Все это нужно — придется проезжать через области, занятые белыми. Последние дни, последние встречи с друзьями Сен Катаямы. Рядом с мандатом Лиги социалистической пропаганды ложится резолюция солидарности японских социалистов с большевиками. И опять приветы Ленину, Советской России. Поезд идет через Токио в Цуругу. Вместе с Рутгерсами едут двое товарищей. Себальд и Барта познакомились с ними перед отъездом из Иокогамы, Это русские эмигранты, приехавшие из Америки, чтобы любым путем вернуться на родину, В Цуруге всем шестерым с трудом удалось втиснуться на переполненный японский пароход, направляющийся к Владивостоку.

Это было в конце июля 1918 года.

Книга вторая

Из Владивостока в Москву. 1918

Еще в Иокогаме Себальд узнал из газет, что между Японией и Америкой заключено соглашение, по которому Япония посылает в Сибирь свои войска. В апреле 1918 года первые японские части высадились во Владивостоке. Предлогом для этого было явно спровоцированное убийство двух японцев. Затем через короткие интервалы новые и новые части высаживались во Владивостоке, накапливались и, наконец, хлынули в Сибирь. Началась интервенция.

Следом за японцами к Советской России протянули руки страны Антанты. Владивосток отрезали с моря корабли японцев и англичан.

В это время через Поволжье и Сибирь двигался сорокатысячный чехословацкий корпус. Организованный при правительстве Керенского из военнопленных чехов и словаков, он вместе с русскими воевал против немцев, а после Брестского мира был отпущен на родину с полным вооружением. Он должен был добраться до Владивостока, откуда был открыт путь в Европу. С его командованием договорились агенты Антанты. Вдохновленные союзниками, опираясь на контрреволюционные силы внутри страны, белочехи подняли восстания в центре России и в Сибири. Перед еще не окрепшими Советами оказалась хорошо организованная армия. В несколько месяцев были захвачены Самара, Сызрань, Симбирск, Казань, а в Сибири, сдавая один населенный пункт за другим, большевики вынуждены были отступить до Байкала.

Опираясь на военные успехи белочехов, подняли голову правые эсеры и меньшевики. Они организовали в Иркутске центральное правительство Сибири, которое поддерживали союзники.

Когда Рутгерсы прибыли во Владивосток, Себальд еще не представлял себе, какую крупную игру затеяла Антанта, но одно было ясно: в Сибири гражданская война.

Владивосток был полон самых невероятных слухов об ужасах гражданской войны, запустении, беззаконии, отчаянном голоде, который испытывает население Москвы и Петрограда. Трудно было понять, где правда, где ложь.

Уже три дня Рутгерсы жили в переполненном людьми Владивостоке, с трудом устроившись в плохой гостинице. Надо было получить разрешение на проезд, как-то устроиться с провозом большого багажа.

После дня утомительной беготни Себальд и Барта сидели в своем номере. Мальчики уже спали.

Что делать с ребятами? У них, Себальда и Барты, определенная цель, но вправе ли они при такой обстановке брать с собой Вима и Яна? Не лучше ли отправить их обратно в Иокогаму? Там есть друзья, помогут.

Утро встретило мальчиков неожиданным решением родителей: «Вы едете обратно в Японию».

— Ты уже большой, Ян, тебе четырнадцать лет. Справишься, — спокойно объяснял Себальд, положив руку на плечо сына. — Будет возможность, вернетесь в Голландию к бабушке и дедушке.

— Следи за Вимом, — добавила Барта.

— Я не маленький, — вскинув голову, заявил Вим, — мне уже двенадцать. А когда мы увидимся с вами?

— Я провожу отца в Москву, — ответила Барта, — а потом мы встретимся в Голландии.

— И получится, что мы вместе обогнем земной шар, ты, мама, с востока, а мы с Вимом с запада, — сообразил Ян. — Вот будет здорово!

Они были мужественными ребятами и спокойно стояли на борту парохода, увозившего их обратно в Японию. А Себальд и Барта долго смотрели вслед уходящему судну. В первый раз Барта так надолго расставалась с детьми.

Сыновья уехали, можно продолжать путь. Но Себальд уже встречал людей, отправившихся из Владивостока и вернувшихся обратно. Они утверждали, что проехать невозможно.

— У них просто не хватило воли и мужества, — говорит Себальд своим спутникам. — Есть сведения, что отдельные поезда доходят до пограничной станции Маньчжурия. Надо попытаться до конца использовать железную дорогу. В крайнем случае доедем до Харбина, а оттуда по реке Сунгари до Хабаровска и потом по Амуру.

Но тут возникает дополнительное препятствие для спутников Себальда — Михельсона и Райзмана. Получить разрешение на проезд через Сибирь евреям особенно трудно.

Себальд размышляет.

— Я думаю, что представитель такой колониальной державы, как Голландия, может позволить себе иметь переводчика и секретаря, — серьезно произносит Себальд. — На какой оклад вы претендуете, мой дорогой Михельсон? — с улыбкой добавляет он.

Но хитрость должна выглядеть совершенно правдоподобно. Быстро составляются два контракта:

«Я, Себальд Рутгерс, принимаю к себе на работу...»

Проставлен оклад, срок действия договора. Каждый документ в двух экземплярах — на английском и русском языках.

Теперь к голландскому консулу, который уже накануне обещал свою помощь. Он снабжает мейнхеера Рутгерса рекомендательным письмом к командующему чехословацким корпусом, заверяет контракты с Михельсоном и Райзманом.

Из консульства к представителю меньшевистского правительства. Голландская подпись и печать подкрепляется русской. Теперь сделано все возможное. Все удалось с почти невероятной быстротой.

Утром мальчиков посадили на пароход. А вечером Себальд, Барта и их спутники уже стоят на вокзале возле своих чемоданов. Поезд вот-вот подойдет.

Очень подозрительная группа, решает один из шныряющих по вокзалу полицейских.

— Открыть чемоданы, — требует он.

Себальд спокойно достает документы, Михельсон переводит. Полицейский отводит взгляд от элегантных рубашек и галстуков и в конце концов сам помогает путникам втиснуться в переполненный вагон. Поезд трогается.

А в вагоне Себальд растерянно вглядывается в Барту: куда делись ее длинные волнистые волосы? На Себальда смотрит лицо, помолодевшее от короткой мальчишеской стрижки.

— В дороге так удобнее, — поясняет Барта.

— Я, право, не думал, что стрижка тебе так к лицу, — одобрительно говорит Себальд. Ему очень хочется ободрить Барту, он хорошо понимает, как трудно ей в этот первый вечер без детей.

Невыносимо долго тянется ночь в душном, переполненном вагоне. Но вот наступает утро. Поезд останавливается на пограничной станции между Россией и Китаем.

S. J. Rutgers, C. E.

*Member Royal Institute of Civil Engineers
of Holland*

*Consulting Engineer to the Deli and Netherland
India Railway Companies.*

Bluff 26-d. Yokohama.

和蘭王國土木技師會員テライイ及
ネザラント・インデヤ鐵道會社顧問技師

エス・ジエー・ラットガース

横浜市山手町二十六番テ

**Визитная карточка Себастьяна Рутгера с ее оборотной
стороной.**

На перроне солдаты, офицеры, вооруженные патрули. Один за другим проходят воинские поезда. На открытых платформах пушки, пулеметы. Из теплушек доносятся заунывная солдатская песня, стоны раненых из санитарного поезда. Из салон-вагона выглядывают лица штабных

офицеров.

А их поезд все стоит. Наконец тронулись. Поезд движется медленно, часто останавливается, пропуская все новые воинские эшелоны. На одной из остановок рывком распахивается дверь. На пороге офицер, два солдата, в руках винтовки с примкнутыми штыками: проверка документов.

Малейшее подозрение — выбросят из вагона. Здесь не существует ни права, ни суда. Достаточно одного слова — «красный», и расстреляют тут же, у насыпи железной дороги.

Офицер останавливается возле Себальда, настороженный взгляд скользит по чемоданам, задерживается на смуглом лице Михельсона.

— Предъявите документы. Зачем едете?

Лицо Себальда невозмутимо. Медленным, спокойным движением он вынимает дорогой бумажник, достает синий голландский паспорт, визитную карточку. Ровным надменным голосом Себальд объясняет:

— Деловая поездка. Новая страна, большие возможности. Хочу выяснить, насколько выгодно помещение капитала.

Михельсон переводит.

— А эти? — офицер вновь подозрительным взглядом прощупывает лица спутников Себальда.

— Эти? — переспрашивает Себальд, небрежным жестом указывая на Михельсона и Райзмана. — Мои служащие: секретарь, переводчик, — и, легко наклонив голову в сторону Барты, добавляет: — Моя супруга.

Офицер, почтительно поклонившись, проходит дальше, солдаты следуют за ним.

Вторая проверка, третья. И опять подозрительная настороженность разбивается о невозмутимость Себальда. Он сидит, надменный, само достоинство, сама неприступность.

Так через двое суток доехали до Харбина.

Странное зрелище представлял в те дни харбинский вокзал. Вдоль стен, на полу, в проходах между корзин, узлов, тюков сидят, лежат люди. Среди них, наталкиваясь друг на друга, стремится в разные стороны человеческий поток. Крики, стоны, ругательства.

Оглушенные Себальд и его спутники остановились на перроне рядом с грудой своих чемоданов. Ни тележки, ни тачки, ни носильщика.

— Значит, получаем новую квалификацию, — бодро говорит Себальд. — Барта принимает вещи у выхода из вокзала. Райзман остается здесь, мы с Михельсоном перетаскиваем, — командует он, подхватив два увесистых чемодана. — Пошли.

С трудом добрались до гостиницы в европейской части города и, оставив багаж, отправились выяснять возможности дальнейшей поездки.

В городе безвластие. Вернее, официальная власть в руках царского генерала Хорвата. Его воинские части должны были охранять русские концессии вдоль линии железной дороги. Но генерал пополнил их разными головорезами и искателями приключений и бросал на поддержку любой контрреволюционной авантюры. Полностью деморализованные, солдаты Хорвата не могли обеспечить порядок в городе, ставшем гнездом политических интриг, шпионажа, спекуляций, бандитизма. Дошло до того, что для наведения порядка вызвали специальные части китайской полиции.

Таков был Харбин. Было нелегко разобраться в окружающей обстановке. Узнать удалось немного. Поезда в сторону пограничной станции Маньчжурия отправляются нерегулярно и до границы не доходят — там идут бои между красноармейцами и отброшенными ими контрреволюционными частями генерала Семенова, но Амурская область в руках большевиков. Добраться бы туда.

Четыре головы склонились над картой. Карандаш Себальда проводит тонкую линию вдоль голубой полоски Сунгари, скользит вдоль Амура и упирается в кружок Благовещенска.

— Говорят, что суда еще поднимаются по Сунгари, возможно, пароход отправится даже сегодня. Мы сделаем большой крюк, но зато минуем линию фронта, — предлагает Себальд и вопросительно смотрит на товарищей.

— Что ж, едем на пристань, — подымается Михельсон.

Дорога к пристани через китайскую часть города, наполовину затопленную начавшимся наводнением. Коляска по оси погружается в воду. То и дело она застревает в грязи. Проклиная всех к вся, извозчик понукает лошадей, и они, натужившись, медленно бредут дальше. Китайские пешеходы робко уступают дорогу. Вслед им несется грубая брань кучера. Наконец пристань и готовый к отплытию пароход.

На сей раз не помогли ни безукоризненный английский язык, ни представительный вид Себальда. Английский контрольный пост категорически отказался разрешить поездку и направил путников в контору управления пароходством. И здесь отказ: пароход идет через местности, занятые большевиками, необходимо разрешение многих представителей власти.

— А когда следующий пароход?

— Неизвестно, может быть, его вообще не будет. Обратно в город по темнеющим улицам. Неспokoйный сон вчетвером в маленьком номере

гостиницы. Среди ночи за окном выстрелы — один, другой, третий.

Утром Себальд и Барта идут к голландскому консулу. — Добровольно в большевистский хаос? Вы шутите, мейнхеер Рутгерс! — Консул вопросительно смотрит на Барту, словно она может объяснить невероятную прихоть мужа. Барта утвердительно кивает головой.

Консул пытается выяснить цель поездки, его вопросы таят коварные ловушки. Себальд, порой поддерживаемый репликами Барты, искусно обходит опасные места.

Очевидно, ответственная политическая миссия, решает консул. Что иное может связывать с большевиками члена Королевского общества инженеров! В Голландии?

Себальд учтиво благодарит, укладывая в бумажник рекомендательные письма к царскому консулу Харбина, к французскому консулу мосье Буржуа в Иркутске, частное письмо к другу консула, влиятельному коммерсанту на пограничной станции Маньчжурия.

Снова вокзал. Пассажиров, получивших разрешение на проезд, немного. Отдельное купе в вагоне второго класса. Поезд идет по направлению к станции Маньчжурия, доедет ли до нее, неизвестно.

— Во всяком случае, мы приближаемся к ней, — радуется Барта.

Первая спокойная ночь за много дней пути. А днем Себальд и Барта старательно повторяют за Михельсоном и Райзманом так трудно произносимые русские слова и весело смеются над ошибками друг друга.

Остановка. Стук в дверь. На пороге офицер и двое солдат. Проверка документов. Здесь властвует генерал Семенов, отброшенный сюда красными частями. Чтобы ехать дальше, нужно разрешение его людей. Повторяется уже не раз сыгранная сценка: синий паспорт, визитная карточка, супруга, переводчик, секретарь, концессии, деньги, капитал. Паспорт отмечен еще одним штампом — генерала Семенова. Поезд трогается. Утром радостная весть — едем до самой станции Маньчжурия.

Письмо голландского консула, полученное в Харбине, обеспечило Себальду и его спутникам радушную встречу и вкусный обед в доме друга консула, маньчжурского коммерсанта. Затем он познакомил путешественников с китайским префектом. С самыми лестными рекомендациями их направили оттуда к начальнику местного штаба. И здесь теплый прием, но вопрос о дальнейшей поездке отложен до завтра.

Ждать... А кто может знать, что будет завтра? Вещи оставлены на вокзале. На вокзальной площади несколько подвод. Михельсон начинает переговоры с владельцем одной из них.

Оказалось, что хорошая плата вполне заменяет разрешение штаба. На

проселочных дорогах нет охраны, а дорогу в сторону красных возчик знает хорошо.

— Провезу, — обещает он.

Вещи уложены, все уселись, и лошади тронулись в путь.

Поля, пестреющие цветами, синее небо, мягкая пыль проселочных дорог. Вдруг тишину нарушили шум мотора и песня. Все ближе мужские голоса. Путники насторожились. Из-за холма показался грузовик. В кузове люди в солдатских гимнастерках, ветер треплет красный флажок на кабине.

Грузовик поравнялся, проехал. Но Себальд и его товарищи еще долго махали вслед, и Барта кричала, старательно выговаривая слова: «До свиданья, товарищи!»

К вечеру добрались до первой станции, занятой красными частями. Впервые Себальд достал из потайного кармана свой партийный билет. На служебном паровозе их доставили в армейский штаб.

В тесной комнате штаба, освещенной мигающим огоньком коптилки, командиры и солдаты плотным кольцом окружили иностранных гостей. Вопрос за вопросом. Газеты здесь редки. Здесь мало знают о жизни за рубежом.

Себальд рассказывает о рабочем движении в Америке и Японии, о митингах сочувствия Советской России, о желании многих американцев вступить добровольцами в Красную Армию. Барте кажется, Себальд еще никогда не говорил с таким увлечением.

До поздней ночи продолжается беседа. И в ту же ночь служебным поездом вместе с командиром красных казачьих частей Себальд и его спутники уезжают в Читу.

Возле реки Шилки остановка. Большой железнодорожный мост разрушен. Тяжело нагруженные путники добрались до перевоза и потом долго шли до ближайшей станции, где их подобрал другой поезд.

Днем вышли на привокзальную площадь Читы. Посреди нее большой монумент в память жертв революции. Напротив каменные дома: городской Совет, штаб красных частей, несколько гостиниц, магазины с большими витринами и множеством реклам американских фирм.

Казачий командир провел их в городской Совет. Затем встречи с членами правительства Советской Сибирской республики. Себальд рассказывает о революционной борьбе за рубежом, о том, что удалось увидеть, проезжая по местам, занятым интервентами. Русские говорят о делах Советской страны.

— Особенно сложно положение на фронте под Иркутском, —

объясняют Себальду. — Но наша молодая Красная Армия становится организованней и сильней, все большая часть населения поддерживает Советскую власть. Впереди еще нелегкая борьба, но мы знаем — мы победим.

Эта вера в победу чувствуется во всем: в медном гуле военных маршей, в революционных песнях, в стремительном цокоте копыт пробегающих по площади казачьих лошадей.

Эта вера сквозит в каждом выступлении рабочих, командиров, солдат на проходящих под открытым небом массовых митингах. Себальд и Барта, стоя в толпе, заворуженно слушают.

Два дня в Чите, и снова поездом дальше на запад. Вечером приехали в Верхнеудинск, нынешний Улан-Удэ.

— Ох, и забота нам с этим багажом, — вздыхает Себальд, уже привычным движением берясь за ручку чемодана.

— Не грешите, Себальд, — возражает Михельсон, подхватывая очередной саквояж. — Эти чемоданы были нашим лучшим пропуском. Чего стоят одни наклейки таможен! Перед ними пасует любой белогвардеец. А, будь ты неладен, — неожиданно заканчивает он по-русски, — споткнувшись о придорожный камень.

— «Неладно» — это то же самое, что «к шпорту»? — заинтересованно выясняет Себальд.

Филологические изыскания прекращает приход торжествующей Барты — она нашла телегу, чтобы перевезти груз. Следующая победа — крохотная комната в плохонькой, грязной гостинице. Городок переполнен. Здесь много красноармейцев, представителей Советского правительства Сибири, прибывших сюда из Иркутска беженцев, не захотевших остаться у белых. Комната в гостинице, конечно, удача.

**Очерк С. Рутгерса о поездке из Владивостока в Москву,
напечатанный в голландской газете «Трибуна».**

Барта с удовольствием вытягивается на единственной узкой кровати, мужчины устраиваются на полу.

Утром отправляются к представителям правительства. Комиссар по иностранным делам радостно встречает их. Товарищи из-за рубежа! Из первых рук получить сведения о положении в капиталистическом мире. Рассказы Себальда вызывают огромный интерес.

— Товарищ Рутгерс, нам очень нужно, чтобы вы и ваши товарищи написали для нашей газеты статьи об Америке и Японии. Сделаете? — просит его комиссар.

Они сразу включаются в общественную жизнь города. Днем пишут и относят в редакцию свои статьи. Вечером присутствуют на собрании, где обсуждается положение на фронте. Не прошло и нескольких дней, как иностранные товарищи стали своими людьми в Верхнеудинске.

Но пора ехать дальше.

— Это невозможно, товарищ Себальд, — доказывают ему новые друзья. — Дорога на запад полна непреодолимых трудностей. Большая часть побережья Байкала в руках белых, они пытаются продвинуться к югу.

— Нам надо в Москву, — возражают Себальд и Михельсон.

— Мы не боимся трудностей, — поддерживает Барта.

— Тогда придется подумать. — Председатель горсовета и комиссар по иностранным делам намечают возможный путь: по реке до Байкала, его северной части, где стоят корабли красных. Оттуда на лодке — до западного берега. Если это удастся, можно потом пробираться к почтовому тракту, ведущему к югу на Иркутск.

— Я как раз еду к Байкалу, — говорит комиссар по иностранным делам, — и выясню все возможности. А вы дождитесь моего возвращения. Договорились?

Значит, еще несколько дней в Верхнеудинске. Себальду Рассказали, что невдалеке от города, в бывших лагерях для военнопленных, находится штаб-квартира интернационального отделения Красной Армии. Себальд и Барта едут туда. Просторные чистые бараки, служебные помещения, лазарет, большой зал для собраний с длинными столами и скамьями, убранный еловыми ветками и кумачом. На стене огромный портрет Маркса. Всюду образцовый порядок.

Дружеская встреча с австрийскими и немецкими товарищами. Они рассказывают, что многие бывшие военнопленные австрийцы и немцы объединились в интернациональные бригады и воюют в рядах Красной Армии. Остальные по договоренности с Советской властью остались в лагере. Они выбрали свой Совет, и в городском Совете есть их представитель.

Настроение в городе все тревожнее. Все громче слухи о поражении, об отступлении красных частей. Над городом появляется самолет белых, сброшены листовки, в них призыв к населению готовиться к встрече «законной власти». На противоположном берегу Шилки падают бомбы. Городской Совет готовится к эвакуации. Комендант города объясняет Себальду, что положение безнадежно.

— Уезжайте с нами. — убеждает он. А Себальд стоит на своем.

— Нам нужно на запад. Если можете, помогите. Комендант пожимает плечами. Потом пишет несколько строк, ставит печать и протягивает Себальду бумагу.

— Вот все, что я могу сделать. Это удостоверение, что вы и вся ваша группа пользуетесь полным доверием Советской власти. Возьмите, может, пригодится.

Вокзал — как развороченный муравейник. Огромный состав готов в любую минуту тронуться в путь. Вагоны облеплены людьми, они сидят на крышах, висят на поручнях, на буферах. Советские учреждения покидают город.

Группе Себальда предлагают немедленно сесть в поезд: это последняя возможность, завтра белые будут в городе.

— Мы не поедem, нам надо в Москву.

Ночью город погружен в темноту. Все слышнее звуки разрывающихся снарядов, грохот, выстрелы. Фронт приближается.

Наутро, оставив Барту в гостинице, мужчины идут на вокзал. Штатских почти не видно. На путях один за другим воинские поезда, группы красноармейцев в боевой готовности. Себальд и его друзья приближаются к путям. Короткий окрик. Они окружены. Ружья взяты наизготовку. Командир уже готов отдать приказ: расстрелять иностранных шпионов.

Михельсон прерывающимся голосом пытается что-то объяснить, его не слушают.

Себальд быстро достает удостоверение, полученное вчера у коменданта города, и протягивает его командиру. Дула ружей медленно опускаются.

— Зачем же вы здесь, на боевой позиции арьергарда армии? Мы прикрываем отход последних частей. Белые вот-вот вступят в город. Уходите, — торопливо бросает командир.

Молча идут в гостиницу. Навстречу Барта, бледная, задыхающаяся. Себальд крепко сжимает ее локоть. На пороге комнаты Барта освобождает свою руку и говорит:

— Садитесь за стол, я приготовила вам горячий чай.

Все ближе треск ружейных выстрелов, быстрая дробь пулеметов. Покрывая все звуки, режет уши паровозный гудок. Арьергард красных двинулся по направлению к Чите. По улице проносятся первые машины белых. Следом входит пехота.

Четыре пары глаз прикованы к окну. Себальд узнает бело-красные кокарды чехословаков, их четкий, отработанный шаг. За ними беспорядочно маршируют части меньшевистского правительства Сибири, одетые в серые мундиры. Дальше почти неорганизованные ряды насильно мобилизованных белыми рабочих, крестьян, интеллигенции. Колонну замыкают белогвардейские части — остатки царской армии.

Двери домов понемногу открываются. Жители выходят на улицы. Одни с восторгом встречают белых. Другие настороженно присматриваются, прикидывая, что ждет их при новой власти. Третьи с тяжелой ненавистью смотрят вслед проходящим войскам.

Себальд и его друзья хорошо понимают, как опасно их положение. Красные не успели вывезти из города все архивы. В нескольких номерах газет можно встретить имена Рутгерса и Михельсона. Их статьи достаточно недвусмысленны. В городе их могут опознать многие. А уж хозяйка гостиницы, конечно, знает, что за люди эти знатные иностранцы. Белые объявили розыск оставшихся красных и обещали хорошую награду указавшим их. По городу шныряют полицейские. Где уверенность, что из чувства страха, сочувствия белым или просто ради выгоды группу Себальда не выдадут?

Проходит первый день под властью белогвардейцев. Наутро разносится слух, что несколько поездов будут отправлены в Иркутск. Остаться в Верхнеудинске не менее рискованно, чем пытаться уехать. Вчетвером идут на вокзал.

Военный комендант в прекрасном настроении. Иностранец инженер, сопровождаемый супругой, секретарем, переводчиком, не вызывает у него и тени подозрения.

— Господину инженеру нужно в Иркутск? Пожалуйста. Только, простите, вагонов первого класса у нас еще нет. Вы согласны на общий

вагон? Извольте, Разрешение? Сию минуту.

Он быстро проставляет фамилии и передает Себальду бланк с подписью и печатью.

Вместе с толпой пассажиров втискиваются в теплушку. Где-то уже раздобыли доски, быстро сколачивают нары. А поезд все еще стоит в Верхнеудинске. Хоть бы скорей. Кто знает, не хватится ли доверчивый комендант, не начнут ли проверку другие патрули? Наконец поезд трогается. Впереди Иркутск. Еще на этап ближе к Москве.

Кто только не ехал в этом переполненном вагоне: люди, убежавшие от «страшных» большевиков, торговцы, спекулянты. Жалобы, хвастливые речи, преувеличенные рассказы об испытанных ужасах. Доморощенные политики толковали вкривь и вкось. Но общее мнение едино: большевикам приходит конец. Красная Армия уничтожена, Сибирь в руках чехословаков, белых, англичан, французов, японцев. В Москве восстание.

Эти слухи могли смутить хоть кого, только не Себальда. Через два дня пути увидели темно-синие воды Байкала. Отвесные скалы, головокружительно высокие стволы деревьев. Короткая остановка у полуразрушенного вокзала станции Низовая. С берега тянет гарью от трех сожженных советских кораблей. Поезд идет дальше, вздрагивая на мостах, перекинутых через глубокие ущелья, или уходя в туннели, вырытые в чреве скал. Себальд не отрывает глаз от двери теплушки.

— Еще один, — отмечает он, когда поезд ныряет в последний туннель. — Какое великолепное достижение техники! Я насчитал сорок туннелей, Барта. Интересная работа была здесь у инженеров.

Ближе и ближе Иркутск. Здесь резиденция французского консула мосье Буржуа, доверенного представителя Антанты. У Себальда в кармане рекомендательное письмо к нему, полученное у голландского консула в Харбине. Но все же лучше миновать этот город — штаб-квартиру контрреволюции.

На иркутском вокзале готовый к отправке поезд в Омск. У билетной кассы третьего класса пестрой змеей извивается бесконечная очередь. Вагонов второго класса в поезде нет. Но Михельсон в какой-то запасной кассе достает билеты в несуществующий вагон второго класса. Через час омский поезд увозит их на запад.

Контроль за контролем. Проверка за проверкой. Пассажиры настороженно присматриваются друг к другу, готовые предать любого, кто покажется им подозрительным. Незаметно, искусно Михельсон развивает версию о богатом американце, едущем в Россию по делам. Секретарь, переводчик, чемоданы производят и на этот раз неотразимое впечатление

на окружающих — конечно, именно так должны путешествовать американские дельцы. Группу Рутгерса уже приняли в свою среду, к ней уже доброжелательны, особенно после того, как Барта извлекла из своей дорожной аптечки поистине чудодейственное лекарство, которое сразу помогло внезапно заболевшей женщине. Так, минуя Омск, доезжают до Петропавловска.

Внезапная задержка: Челябинск перегружен, въезд туда запрещен. Оставив Барту на вокзале, мужчины отправляются в здание военной комендатуры. В коридорах не протолкаться: люди, люди, люди. Михельсону с трудом удастся пробиться к помощнику коменданта. Просьба о разрешении на проезд встречает категорический отказ. Михельсон возмущается.

— Как вы смеете здесь, в коридоре, среди этой толпы, задерживать господина американца? Предупреждаю, вы ответите, это вызовет дипломатические осложнения.

Помощник коменданта смотрит в сторону Себальда. Взгляд «американца» выражает оскорбленное достоинство.

«Черт с ними, — решает растерянный помощник. — Еще нарвешься на неприятности».

Устраиваясь поудобней в вагоне, Себальд серьезно говорит Михельсону:

— А вы ведь правы. Я действительно эксплуататор. Ваш оклад намного ниже ваших способностей.

— Прекрасно, — соглашается Михельсон. — В Москве мы договоримся о прибавке.

Дружный хохот прерван резким стуком в дверь: на пороге военный патруль.

— Прошу, господа, предъявить паспорта и пропуск.

Всегда разговорчивый и оживленный Михельсон все молчаливей и тревожней. Поезд приближается к Челябинску, городу, где жили его родные. Живы ли? Застанет ли он их? Барта пытается подбодрить и успокоить его. Челябинский вокзал, как все вокзалы этих дней: в зале ожидания, в проходах люди, вещи. Никто не знает, когда, куда идут поезда. Себальд и его спутники торопливо шагают через предместье к городу — от вокзала до центра далеко. Посчастливилось найти извозчика, и вот они уже стоят у дома, который не раз описывал Михельсон. Трое остаются на улице, Михельсон взбегает по лестнице. Проходит несколько минут, дверь распаивается, и вслед за Михельсоном на тротуар выбегают мужчины,

женщины, дети. Оглушенные приветствиями, окруженные людьми, — путешественники входят в дом.

За длинным обеденным столом Себальд познакомился со всеми многочисленными родственниками Михельсона. Самые разные люди были в этой семье: упрямые анархисты, убежденные сионисты, коммунисты. А во главе стола почитаемый всеми патриарх — отец.

Крупный купец, известный в городе своей неподкупной честностью в коммерческих делах, он ладил с представителями всех сменявшихся в городе властей.

— Кушать надо всем, — толковал он Себальду. — В любой армии солдаты — люди, им есть надо. Мое дело — честно продать им продукты. А о себе что говорить? При царе евреи ползком жили, одни униженья испытывали. Свет увидели только при большевиках, дай им бог здоровья.

Короткий период Советской власти остался в памяти многих. Рабочие, трудовая часть населения не хотели мириться с порядками, вводимыми белыми. Рабочие демонстрации проходили по улицам Челябинска. Ушедшие в подполье большевики не прекращали работы. Руководимые ими профсоюзы, сохранившие свое влияние, особенно среди горняков, организовали сопротивление новой власти. На старания белых обеспечить свою армию оружием и боеприпасами, пополнить ее путем мобилизации рабочие отвечали стачками и саботажем. Попытка арестовать руководителей профсоюзов кончилась массовой забастовкой. Арестованных вынуждены были освободить.

На заводах, фабриках, в рабочих казармах из рук в руки передавали подпольную рабочую газету. По просьбе одного из родственников Михельсона Себальд написал для этой газеты несколько статей.

Многочисленные хозяева города — меньшевики, эсеры, белогвардейцы и представители Антанты, подчас не знавшие, где начинается и где кончается их власть, не могли справиться с организованными рабочими. В управлении городом царил неразбериха.

Себальд и его товарищи испытали ее на себе, пытаясь получить разрешение на дальнейшую поездку. Десять дней их, как мячики, перебрасывали из полиции в военные организации, из одной иностранной миссии в другую. Все безуспешно.

Наконец, минуя городские власти, путешественники повели атаку на военного коменданта вокзала.

— Инженер Рутгерс с важным политическим поручением к представителю Антанты в Самаре, — наклонившись к коменданту,

таинственно произносит Михельсон. Себальд подтверждает его слова коротким кивком, вставляя традиционные «йес» и «окэй».

Поручение к представителю Антанты — это звучит убедительно. Еще убедительней вид Себальда. Разрешение получено.

Но эта радость омрачена страшной вестью: покушение на Ленина. Положение на фронтах отчаянное. Казань в руках белых, на юге царские генералы, поддерживаемые Антантой, Украина в руках немцев, с севера угрожают англичане.

Друзья сидят в вагоне подавленные, молчаливые, погруженные в невеселые думы. Барта касается плечом плеча Себальда и тихонько говорит:

— Не надо, товарищи. Ленин жив. Революция будет жить. Поезд идет на запад. Пограничный столб между Азией и Европой. Себальд наклоняется к Барте:

— Вот мы и вернулись в Европу. Семь лет прошло, как мы покинули ее.

— Семь лет, — повторяет Барта. — Да, Гертруде теперь семь. Как они там, наши ребята?

Самарский вокзал. Вещи сданы на хранение, комната в гостинице обеспечена.

— Раньше всего к Волге, — предлагает Себальд, — мы столько слышали о ней. А потом уж дела.

Прямо с берега Волги к дому, где заседает правительство, организованное в Самаре.

— Посмотрим, что это за люди, которые прикрываются названием интернационалистов, — размышляет Себальд, еще в Челябинске слышавший о самарском правительстве. — Говорят, они ведут себя довольно независимо. Попробуем договориться с ними о дальнейшей поездке.

Обезоруживающе приветливая встреча. Разговор о положении в Америке, Европе. По отдельным вопросам, замечаниям Себальд начинает подозревать: здешние «интернационалисты» люди совсем не свои. Он безуспешно пытается прервать слишком откровенные высказывания Михельсона и Райзмана. Опасения Себальда подтверждаются, когда в комнату входят несколько чехословацких офицеров и вступают в разговор. Теперь уже очевидно: самарское правительство, несмотря на свое название, враждебно относится к Советам и бессильно против военной власти белочехов. Надо уходить как можно скорее.

Выйдя на улицу, расстались. Барта и Райзман направились на вокзал,

Себальд с Михельсоном в гостиницу.

— Вы слишком разоткровенничались с ними. Боюсь, мы попали в плохую историю. В любом случае сохраняйте спокойствие и независимый вид, — тихо говорит Себальд, медленно шагая по улице.

Тревога оказалась не напрасной. Скоро они увидели автомобиль с несколькими чехословацкими офицерами и солдатами. Машина нагнала их и стала медленно следовать за ними.

— Спокойнее, Михельсон, вы жестикулируете нервно и говорите слишком громко, нужна полная непринужденность, — тихо роняет Себальд среди пустых, ничего не значащих фраз. «При личном обыске найдут партбилет и мандат лиги», — думает он и гортанно смеется, произнося очередное «окэй».

Машина проехала вперед, остановилась. Себальд и Михельсон поравнялись с ней. — Шесть солдат выскочили из машины, окружили их, блеснули штыки.

— Вы арестованы! — выкрикнул офицер.

Себальд вскидывает голову и хохочет, громко хохочет прямо в лицо ошалевшему белочеху.

Продолжая смеяться, он оборачивается к Михельсону и прерывающимся от хохота голосом повторяет:

— Какая чудесная шутка, господин Михельсон, ха-ха-ха, какая прелестная шутка!

Все еще смеясь, Себальд достает из бумажника рекомендательное письмо к командующему чехословацким корпусом, полученное им у голландского консула в Харбине, и сует его прямо под нос офицеру.

Глаза офицера растерянно пробегают по строчкам, останавливаются на печати. Рука сама тянется к фуражке:

— О, простите, досадное недоразумение...

Машина удаляется. Себальд и Михельсон продолжают путь к гостинице, твердо ставя готовые подогнуть ноги.

В гостинице обсуждают создавшееся положение. Общее решение — уезжать возможно скорее. Пусть сейчас удалось обмануть офицера. Разговор с «интернационалистами», весь путь Рутгерсов и их друзей достаточно подозрительны. Любая проверка грозит катастрофой.

А разрешения на поездку нет. В нем отказывают и комендант вокзала и министерство иностранных дел. Себальд и Барта отправляются в гостиницу, где разместились иностранные консулы. В роскошных приемных французского и английского консулов изысканные секретари с сожалением разводя руками:

— Консул отсутствует.

Себальд и Барта возвращаются к себе в гостиницу. За несколько часов город неузнаваемо изменился. По улицам проходят воинские части. Проезжают автомобили с солдатами и вооружением. На площади наскоро обучают новобранцев. Из здания государственного банка окруженные охраной солдаты вытаскивают тяжелые мешки. Слышно звяканье монет. Прохожие оглядываются, шепчут «золото».

— Проходить, не задерживаться! — командует начальник охраны.

В гостинице радостно возбужденный Михельсон торопливо рассказывает:

— Нам с Райзманом удалось узнать. Красные миноносцы по каналам Мариинской системы прошли из Петрограда в Волгу. Ночью они неожиданно штурмовали Казань. Белые в панике оставили город. Говорят, что Красный флот движется на Самару. В городе введено военное положение. Нам надо скорее сматываться... в этой неразберихе...

— Железная дорога исключена, мы не получили разрешения, — перебивает Себальд.

— Попробуем по Волге, — предлагает Михельсон.

На пристани узнают: ночью на Сызрань уходит пароход. С трудом добиваются свидания с начальником портовой полиции.

— Знатные иностранцы, — заводит Михельсон привычную пластинку.

— Раз иностранцы, давайте разрешение из министерства иностранных дел, — резонно возражает полицейский.

— Так мы прямо оттуда! — не задумываясь, восклицает Михельсон. — Нам разрешили. Вам должны были сообщить. Богатый американец с супругой...

Полицейский, махнув рукой, сдался.

Вечером они сидят на палубе речного парохода.

Пароход бросает якорь далеко от города. Волга мелеет, отступает от пристаней. Только в половодье суда могут подойти к высокому берегу Сызрани.

Во время получасового пути по песчаной отмели Себальд прикидывает, какие работы следовало бы здесь провести.

— Подумай, Барта, — задумчиво говорит он, — сколько рек в России. Огромные гидротехнические работы предстоят здесь. Мы видели страну только из окна вагона, но мимолетного взгляда довольно, чтобы понять, какие задачи встанут перед Советской властью.

А пока сложная задача стоит перед группой Себальда. В Сызрани ждут

наступления Красной Армии. Город окружен военным кордоном. Железнодорожное движение на запад прервано.

Единственная возможность ехать дальше — повторение опыта Маньчжурии — нанять лошадей. Михельсон отправляется на базар, переходит от телеги к телеге, от возчика к возчику. Наконец какой-то крестьянин согласился подвезти их. Он возвращался домой. Недалеко от его деревни были места, занятые красными.

— За тыщу рублей провезу вас так, что ни один черт не встретится, — пообещал он.

Вещи уложены в две крестьянские телеги. Пассажиры уселись. И под скрип немазанных колес пошло трясти по колеям и ухабам, по лесным и проселочным дорогам.

Возчик умело избегал селений и патрулей. К ночи были за чертой военного кордона. Остановились в маленькой деревеньке — людям и лошадям нужен был отдых. После тряской телеги сон на застланном соломой полу казался блаженством. С рассветом двинулись дальше. Тишину леса и полей лишь изредка нарушал отдаленный ружейный выстрел. За весь день ни селений, ни встречных. А вечером, когда тоненький серп луны едва освещал дорогу и усталые кони медленно двигались к уже недалекому дому, из темноты внезапно возник черный силуэт вооруженного всадника.

— Стой, предъявить документы.

В темноте с трудом разглядели форму чехословацкого корпуса.

Себальд достает из кармана уже раз выручившее его письмо к командующему чехословацким корпусом. Всадник, наклонившись с седла, читает документ, освещенный неверным светом зажигалки. Дорога свободна.

— Хорошо, что это был чех, — замечает Михельсон, — от белого мы не избавились бы так просто.

— А будь он хоть сам черт с рогами, — парирует Себальд. — Теперь уж мы доберемся до Москвы.

Далеко за полночь доехали до дома возчика. Спать, спать. И потом еще день отдыха в доме гостеприимного хозяина.

Как везде, как всегда, Себальд интересуется жизнью, настроением людей. Запас его русских слов невелик, он недостаточно понимает окружающих, и Михельсон неустанно переводит.

— Что ж, власть вроде подходящая: земля мужику — это правильно, и лесом пользоваться можно, — доверительно объясняет Себальду пожилой крестьянин. — Мы не против Советов, а вот насчет коммунистов

сомневаемся.

С этим разграничением Советской власти и коммунистов Себальд встречается вновь и вновь. Советской власти — полное доверие, о коммунистах говорят с опаской. Попытки Себальда поставить между этими понятиями знак равенства встречают недоверчивым покачиванием головы.

Назавтра снова в дорогу, и к вечеру второго дня доезжают до Кузнецка. Здесь уже твердо Советская власть.

Сразу с утра в городской Совет. Наконец можно попрощаться с надоевшей ролью знатного иностранца, раскрыть свой партийный билет, рассказать об истинной цели поездки. Разрешение на проезд оформляется без всяких проволочек.

Поезд уходит вечером. А пока они бродят по городу, пользуясь каждым удобным случаем, чтобы еще раз произнести слово «товарищ». Потом сидят над номерами «Правды», вслушиваясь в каждое слово, которое переводит Михельсон.

— Смотри, Барта, Розин в Москве, — радуется Себальд. Тот самый Розин, с которым в Бостоне создавался первый номер «Интэрнэшионэлиста» и Манифест Лиги социалистической пропаганды, сейчас член президиума ВЦИК. В другом номере газеты большая статья голландской поэтессы Роланд-Гольст — старого товарища по партии. Мелькает еще много имен зарубежных друзей.

На следующее утро Пенза. В старинном дворянском особняке пензенский горсовет. Вопрос о поездке в Москву немедленно урегулирован. Потом обед в общественной столовой. Вечером Барта и Себальд встречаются с иностранными коммунистами. Это бывшие военнопленные австрийцы. У них свой клуб, своя газета на немецком языке.

Перед самым отъездом в Москву на вокзале последнее путевое приключение. Знаменитые чемоданы, иностранный говор, покорявшие белогвардейцев, смутили дежурного красноармейца.

«Жулики, спекулянты или, чего доброго, иностранные шпионы», — решает он. Себальд и Барта арестованы. Объяснения Михельсона и Райзмана не помогают. На всякий случай задерживают и их.

Конец недоразумению положил работник пензенской ЧК. Ознакомившись с документами арестованных, он для проверки связался с секретарем горсовета.

— Простите, товарищи. Вы свободны. Не обижайтесь, знаете, какое время.

Нет, они не были обижены, хотя московский поезд успел уйти.

— Красноармеец совершенно прав, — утверждает Себальд. — Мы, конечно, можем вызвать подозрение. Все равно, теперь уже ясно — 23 сентября мы будем в Москве.

Книга третья

Встречи с Лениным. Амстердамское бюро, подготовка к Кузбассу (Советская Россия, Голландия, Италия). 1918— 1921

Так вот она какая, Москва! Переполненные трамваи, торопливые пешеходы, извозчики. На домах красные флаги. На скорую руку написанные названия учреждений. Михельсон и Райзман едва успевают переводить и объяснять старое и новое назначение зданий. Как не похож этот город, живущий полной, напряженной жизнью, на безлюдную, разрушенную анархией и голодом Москву, которую так живописно рисовали буржуазные газеты!

Себальд готов часами бродить по улицам и площадям, вглядываясь в лица людей, вслушиваясь в обрывки разговоров. Но времени нет. В первый же день его захлестнула кипучая, деятельная жизнь.

Редакция «Правды». Надо передать письмо японских социалистов об их солидарности с большевиками. Московский Совет. Встреча с Чичериным и Караханом в Народном комиссариате иностранных дел.

Рутгерсам предоставляют комнату во втором доме Советов — бывшей гостинице «Метрополь».

Новые знакомства, старые друзья. Розин ведет его в Кремль, ставший резиденцией Советского правительства, знакомит с председателем ВЦИК Свердловым. Среди многочисленных обязанностей Свердлова — подбор руководящих кадров для ответственных отраслей хозяйства.

Инженера Рутгерса — опытного гидростроителя Свердлов направляет к Павловичу, руководителю строительных работ.

— Я договорился о работе, Барта, — рассказывает Себальд, вернувшись вечером домой. — Меня назначили генеральным инспектором водных путей.

Каждый день приносит новое. Однажды Себальд, придя домой, сразу сел за письменный стол. Перо скользит по бумаге. Он обещал сделать доклад для товарищей из ВЦИК, их интересует положение за рубежом.

В зале ВЦИК члены правительства и руководители партии. Ленина нет. Он еще не оправился после ранения. Себальд рассказывает об

Америке, Японии, Голландии, о жизни в колониях, о поездке через Сибирь, через три фронта.

Так проходят первые недели в Москве. Все необычно здесь. И комната в гостинице «Метрополь», где рядом с Рутгерсами в таких же комнатах живут многие ответственные работники, и скромные обеды в Кремле. Там руководителей партии и народных комиссаров изредка балуют картошкой, там событие — английские консервы, захваченные при бегстве англичан из Архангельска и присланные красноармейцами в подарок правительству.

Да, люди живут трудно. Скучный двухдневный хлебный паек порой приходится растягивать на три дня. Квартиры и учреждения отапливаются плохо, электрические лампочки в домах горят тускло и часто гаснут, недостаточно освещены улицы, убога одежда. Но кино, театры и клубы переполнены. Люди спокойны и бодры. Они знают — впереди победа. Они знают, во имя чего терпят лишения, они не думают о них.

Себальд помнит, сколько раз буржуазия всех стран утверждала, что большевики не продержатся и месяца. А Советская республика существует, несмотря на кольцо интервенции, и Москва готовится с воодушевлением встретить первую годовщину Октября.

Красная площадь 7 ноября... Себальд и Барта глядят, как шагают мимо Кремля части молодой Красной Армии. Колонна за колонной проходят рабочие московских заводов и фабрик. Революционные песни, красные знамена.

Барта стремительно подымается навстречу Себальду.

— Здесь был товарищ из Кремля. Завтра в четыре часа Ленин просит тебя быть у него.

— Ленин — меня? — Себальд проводит рукой по волосам. — Подожди с ужином, Барта. Я должен подготовиться к этой встрече.

— Входите, товарищ Рутгерс, — ровно в четыре часа говорит секретарь.

Навстречу Себальду из-за письменного стола подымается Ленин.

— Приветствую вас, комрад Рутгерс, — по-английски произносит Владимир Ильич, дружески пожимая руку Себальду.

Минутное замешательство Себальда уже прошло. Беседа касается вопросов мировой политики. Несколько коротких ленинских слов направляют разговор, и Себальд рассказывает. Ленин спрашивает о Сибири, об Америке, Японии и Голландии. Себальд говорит о позиции американских социалистических партий, об оппортунизме их вождей Хилквита и Лее, об оппозиционных группах и роли ИРМ. Особенно

интересовало Ленина, как откликнулась Америка на революцию в России.

— Как реагировали массы? — спрашивает он.

Себальд не представлял себе, как много известно Ленину. Он знает о марксистской группе «Нью ревью», о колебаниях Будина, о Лиге социалистической пропаганды и ее газетах «Интэрнэшионэлист» и «Нью интэрнэшионэл».

Себальд рассказывает о работе нью-йоркского «Бюро большевистской информации».

Ленин спрашивает о политическом положении в Японии, радуется известиям о Сен Катаяме. Резолюцию солидарности японских товарищей Ленин уже видел в «Правде».

Затем говорили о Голландии. Многих трибунистов Ленин знал лично. Он осуждает сектантство и механистические взгляды «голландской школы», интересуется деятельностью Гортера, Роланд-Гольст, Вайнкопа.

Сколько продолжалась их беседа? Время прошло совершенно незаметно. Ленин поднялся.

— Большое спасибо, комрад Рутгерс, это было очень интересно, — говорит он Себальду, провожая его к двери. Внезапно остановился, заботливо спрашивает: — Вас и жену хорошо устроили? Как снабжение? — и добавляет: — Передайте вашей жене привет от меня.^[2]

Себальд медленно идет из Кремля к «Метрополю», мысленно повторяя весь разговор с Лениным, и, войдя, тихо говорит:

— Ленин велел передать тебе привет, Барта.

Гибкие пальцы разворачивают плотные рулоны ватмана, разглаживают вмятины на синьке. Зоркие глаза всматриваются в чертежи и расчеты. Инженер Рутгерс, генеральный инспектор водных путей, знакомится с многочисленными проектами водных сооружений, оставшимися еще от царского времени.

Чертежи доказывают лживость легенды об отсталости русских инженеров. Каждый до мельчайших деталей разработанный проект говорит о блестящей инженерной мысли, стоящей на уровне современной техники. Особенно заинтересовал Себальда проект об использовании сибирского угля для металлургии Урала и грандиозный проект о создании большого металлургического комбината в Сибири, в районе реки Тельбес.

И все эти проекты лежали мертвым капиталом, задавленные косностью царского строя. Советская власть открывала новые возможности преобразования страны.

А сейчас Себальду нужно обследовать важнейшие водные пути

России, на месте установить, что следует делать. Железнодорожное сообщение дезорганизовано и разрушено войной. Быстрое восстановление пароходства имеет теперь огромное значение.

Вместе с прикомандированным к нему переводчиком Себальд едет в Петроград. По Неве к Ладожскому и Онежскому озерам; по Мариинской системе, соединяющей морскую гавань Петрограда с Волгой; оттуда по Оке до Нижнего Новгорода и вниз по Волге до Казани. Записные книжки полны заметок, планов, предложений, расчетов. Наступившая зима прерывает поездку, и Себальд поездом возвращается в Москву.

Себальд представляет правительству подробный доклад. Он дает ряд предложений по механизации труда, по ремонту гаваней и судов, советуя использовать для этих работ наступающую зиму. Предлагает построить небольшие гидростанции, которые будут столь рентабельны при существующей нехватке топлива и смогут дать ток для мелких предприятий и освещения. Советует направить на периферию кадры квалифицированных инженеров, без пользы сидящих в центре.

17 декабря 1918 года Латвия провозглашена Советской республикой.

Президент новой республики Стучка приглашает Себальда в качестве технического консультанта правительства по портовым и гидротехническим сооружениям. Себальд охотно соглашается. Его привлекает и то, что в Латвии, где большинство населения знает немецкий язык, он сможет обходиться без переводчика.

Первого января 1919 года Стучка выезжает в Ригу. Вместе с ним едут Себальд и Барта и другие товарищи, возвращающиеся на свою освобожденную родину. Среди них Розян.

— Всего два года прошло с тех пор, как мы с вами обождали в Бостоне дела Лиги социалистической пропаганды, — задумчиво говорит Себальд Розину. — А как много изменилось! Советская Россия, Советская Латвия.

В Риге Себальд, как когда-то в Роттердаме, занимается усовершенствованием гавани. Одновременно ведется подготовка к регулированию Двины.

Открытие Первого конгресса Третьего Интернационала назначено на март 1919 года в Москве. Барте Рутгерс дается партийное поручение — поехать в Голландию, чтобы пригласить на конгресс делегатов европейских стран и одновременно получить для Себальда мандат делегата от Коммунистической партии Голландии.

— Вернешься в Москву вместе с товарищами, — говорит Себальд, прощаясь с Бартой. — Не боишься? Прежде нас было четверо, теперь ты

едешь одна.

— Ничего, справлюсь. Я рада поездке. В Голландии наконец-то узнаю о детях, может быть, даже увижусь с ними.

Барте предстояла нелегкая дорога. Советская Россия в кольце блокады, прямого пути на Запад нет. Между Латвией и Восточной Пруссией широкая полоса ничейной земли.

26 января, в отчаянный холод, закутанная в огромный тулуп, Барта уселась в сани. Молодой красноармеец натянул вожжи, гикнул, и кони понеслись навстречу ветру и снегу. К вечеру добрались до постоянного двора. Красноармеец поехал обратно, Барта осталась ночевать. На следующее утро, доверившись первому попавшемуся вознице, она продолжала санный путь по ничейной земле до первой железнодорожной станции Восточной Пруссии.

Трудно сказать, что погасило подозрительность пограничной полиции, может быть, бесчисленные печати в паспорте, может быть, самый паспорт, но после некоторого колебания Барте выдана проездная виза.

Сброшен тулуп. В скромном платье, схваченном у ворота дорогой брошью, с золотой цепочкой на шее, с кольцами и браслетами на руках, Барта сидит в поезде, направляющемся в Берлин. Ей непривычны и тягостны эти дорогие побрякушки. Но Барте не зря вручили их, они несут двойную службу. Будущим делегатам конгресса надо создать материальную возможность приехать в Москву, а Барте они по могут сойти за богатую даму, удравшую на Запад из большевистского ада.

Расчет оказался правильным. Немецкие офицеры, сидевшие против Барты в купе, сперва с недоверием отнеслись к пассажирке, едущей с востока. Затем, увидев ее величественную позу и драгоценности, стали изысканно любезны.

— Госпоже удалось вырваться от большевиков? — все еще настороженно спрашивает один из попутчиков.

Барта медлит с ответом. Она настолько не привыкла лгать, что боится выдать себя неверным словом.

— Не понимаю, очень плохо понимаю по-немецки, — отвечает она, нарочито коверкая немецкие слова и сопровождая их самой обольстительной улыбкой.

— Разрешите предложить вам папиросу? — раскрывает перед ней портсигар другой спутник.

— О, мерси! — Барта снова пленительно улыбается и на мгновение задерживает руку над портсигаром. Она никогда не курила, но ей кажется

— с папиросой в руке будет удобней играть свою роль.

Офицеры убеждены: конечно, эта дама не может иметь ничего общего с большевиками — такие манеры, такие руки... В Берлине они любезно помогают Барте выйти из вагона.

О, этот тулуп! В нем не походишь по улицам Берлина. Барта едет в дом к знакомому банкиру, с которым Себальд был связан по делам голландских фирм. Любезный прием, веселые шутки над маскарадной одеждой. Тулуп оставлен на хранение. Барта отправляется по данным в Москве адресам.

Партийные поручения выполнены. Немецким товарищам переданы приглашения на конгресс. Барта беспрепятственно садится в поезд, отправляющийся в Голландию.

На голландской границе тщательная проверка. Но что может быть предосудительного в этой меврау, возвращающейся на родину? Аккуратно записав имеющиеся у нее драгоценные вещицы, Барте разрешают ехать дальше. После восьмилетнего отсутствия она переступает порог родительского дома.

Радостные вести ждали ее здесь: с детьми все в порядке, Гертруда по-прежнему в Японии, а Ян и Вим находятся на пароходе на пути в Голландию. Барта даже не могла себе представить, как трудно пришлось ее мальчишкам.

Когда Себальд и Барта отправляли сыновей из Владивостока, они рассчитывали, что мальчики будут жить в их прежней квартире, оставленной Себальдом его будущему заместителю, который должен был приехать из Америки, и что при первой возможности ребятам помогут отправиться в Голландию.

Все оказалось не так. Заместитель еще не приехал, и в Иокогаме мальчиков встретила пустая квартира. Бывшая работница Рутгерсов открыла ребятам их прежнюю комнату и взялась вести несложное хозяйство.

Пользуясь каникулами, Ян и Вим по примеру родителей ездили по Японии, осматривая все, что их интересовало.

Наконец заместитель Себальда приехал, но возможности отправить ребят он не нашел. Лишь когда он сам решил вернуться в Америку, он предложил Виму и Яну поехать вместе с ним. Пароход причалил к гавани Сан-Франциско. Ян и Вим уже спускались по трапу. Тут их задержала береговая охрана.

— Несовершеннолетним, приехавшим без родителей или родственников, проезд в Америку запрещен, — заявил им чиновник. — Вас отправят в приемник для беспризорных. Когда будет пароход в Японию,

поедете обратно.

Голландцы, с которыми они приехали, были бессильны помочь.

Вцепившись в поручни, Ян и Вим готовы были силой отстаивать свое право высадиться в Сан-Франциско. Сила, конечно, не помогла бы. Выручил счастливый случай: один из друзей Себальда — Винсент ван Гог, тезка и племянник знаменитого художника — пришел на пристань, чтобы встретить приятеля. Ван Гог стал просматривать список пассажиров и наткнулся на фамилию Рутгерс. Инициалы не те, но это, наверно, ошибка, решил ван Гог и пошел разыскивать Себальда и Барту. Вместо родителей он увидел ребят. Они узнали знакомого, бывавшего у отца, рванулись к нему.

Ван Гог, давно живший в Америке, взял ребят на поруки и быстро оформил все необходимое. Угроза приемника для беспризорных и отправка в Японию миновали. А дальше Ян и Вим решили никого не ждать, ни на кого не надеяться. Совершенно одни они пересекли Америку, дождались парохода, отправлявшегося в Голландию, и поехали домой. Храбрые мальчишки оказались достойны своих родителей.

Об этом путешествии, которое Вим потом с юмором описал в одном голландском молодежном журнале, Барта не знала.

Успокоенная за детей, она быстро справилась с данными ей поручениями: мандат Голландской компартии для Себальда получен, все делегаты оповещены о приглашении на конгресс. Не дожидаясь приезда мальчиков, Барта пустилась в обратный путь — Себальду она нужнее, чем здесь. На границе неожиданная задержка. Протесты Барты не принимаются во внимание, выезд из Голландии ей запрещен.

— Где ваши украшения? — упорно допытываются пограничные чиновники. Барта не может ни предъявить бывших у нее вещей, ни объяснить их исчезновение. Ей приходится вернуться обратно.

— Буду дожидаться мальчиков, — решает Барта.

Отказав Барте в разрешении на выезд, власти не успокоились. Они предприняли розыск украшений. История попала в газеты. Когда через две недели в Амстердаме и Роттердаме началась большая стачка рабочих гавани, буржуазные газеты вновь подняли шум вокруг исчезнувших драгоценностей, стоимость которых от статьи к статье росла с головокружительной быстротой. Теперь уже писалось о «московских бриллиантах», привезенных агентом русских коммунистов Бартой Рутгерс для финансирования стачек, для ниспровержения в Голландии буржуазного строя.

— Объясни мне толком, в чем дело, расскажи, какая она в действительности, Советская Россия, — расспрашивал невестку отец Себальда старый Ян Рутгерс. — Я внимательно слежу по газетам за каждым сообщением об этой стране, ее травят и ненавидят, о ней не пишут ни одного хорошего слова. А ты говоришь, что Себальд предан ей телом и душой. Какая же она, эта Россия?

И Барта рассказывала.

Чуть подавшись вперед, Ян Рутгерс слушал, стараясь не проронить ни слова. Иногда останавливался, переспрашивал и снова слушал. Потом начинал мерить комнату большими шагами.

— Я понимаю Себальда. Великий социальный эксперимент проводят коммунисты, и они добьются своего. Я согласен с Себальдом.

И вдруг как гром среди ясного неба. Короткое сообщение в одной из буржуазных газет: «Третьего мая в Москве скончался известный голландский инженер С. Рутгерс». Ни объяснений, ни комментариев.

С невероятными трудностями Яну Рутгерсу через голландского посланника в Осло удалось послать телеграмму в Москву. Ответная телеграмма гласила: «Рутгерс был тяжело болен, теперь поправляется, находится в санатории». Адрес санатория был указан.

Что же случилось с Себальдом?

В марте его вызвали из Риги в Москву на Первый конгресс Коминтерна. Из Голландии никому не удалось приехать, и Себальду, хоть он и не имел мандата, предложили представлять на конгрессе Компартию Голландии. Кроме того, по мандату лиги он являлся делегатом от левой оппозиционной части Социалистической партии Америки.

Жестокая зима 19-го года длилась и длилась. Несмотря на конец марта, ледяной ветер гулял по заснеженным улицам Москвы. Незадолго до окончания конгресса, когда оставалось несколько дней до отъезда в Ригу, Себальд заболел. Вернувшись к себе в номер, он почувствовал жестокую боль в боку и груди.

Утром Себальда нашли лежащим без сознания. — Двустороннее воспаление легких, положение очень тяжелое, — сказал врач. — Вести в больницу в таком состоянии нельзя.

Эти трудные дни голода, холода и блокады показали, что значит истинное товарищество. Днем и ночью сменялись дежурные у постели Себальда в комнате «Метрополя». День и ночь ждали наготове кислородные подушки. Две недели, пока Себальд лежал без сознания,

друзья самоотверженно боролись за его жизнь.

Наконец он пришел в сознание. Непосредственная опасность миновала, но силы восстанавливались медленно, необходимо было усиленное питание. Себальд так и не узнал, откуда брались яйца, масло, молоко, которыми его кормили. К началу мая он был уже в таком состоянии, что его можно было отправить в санаторий.

На носилках, укрытого с головой одеялами, его выносят из «Метрополя». Прохожие останавливаются, снимают шапки перед мнимым покойником. Кто-то спрашивает: «Кого несут?» — Кто-то отвечает: «Иностранец, Рутгерс его фамилия». Слух дошел до ушей одного из иностранных корреспондентов. Не проверив, он передает сообщение о смерти в голландскую газету.

Через две недели после его опубликования Себальд получает в санатории телеграмму отца: «Восхищаюсь и волнуюсь. Ян Рутгерс».

Только осенью Себальд смог покинуть санаторий. Почти полгода тянулась его болезнь и выздоровление. Почти полгода его выхаживали и берегли от всего, даже от плохих вестей. А их было немало. За время болезни Себальда в Латвии победила контрреволюция, с мая 1919 года там вновь утвердилась власть буржуазии. Погиб Розин.

Россия в кольце блокады. С юга наступает Деникин, под Петроградом Юденич. В стране голод. Буржуазные газеты всего мира кричат о неизбежной гибели большевиков, о паническом бегстве Красной Армии. Связь с Западом прервана. Непосредственные сношения Коминтерна с отдельными входящими в него партиями чрезвычайно затруднены. Необходимо основать в Западной Европе бюро Коминтерна с особыми полномочиями. Ленин считает Голландию самой подходящей страной для местопребывания бюро.

Себальду поручают передать западным товарищам инструкции о деятельности бюро и организовать его работу.

— Используйте малейшую возможность в этих труднейших условиях держать связь с нами. И готовьтесь к отъезду.

В Москве находится представитель английского парламента полковник Малон. Он прибыл в Россию, чтобы ознакомиться с ее положением и выяснить возможность завязать дипломатические отношения с Советским правительством, его принимали Чичерин и Карахан. В Москве сейчас и латвийские дипломаты, приехавшие установить связи со своим большим соседом. 14 октября полковник Малон и латвийцы должны уехать из Москвы. Народный комиссариат иностранных дел выделил для них

специальный вагон, следующий до Латвии. В этом вагоне с полковником Малоном, латвийцами и одним американским журналистом уедет и известный голландский инженер Рутгерс.

Завтра отъезд. Себальд получает последние указания, прощается с друзьями. Лишь в полночь он возвращается домой. Сваливается в постель и мгновенно засыпает.

Тук-тук-тук... — доносится сквозь сон. «Что это, стрельба?» — просыпаясь, думает Себальд. Стук продолжается, и сквозь него доносится:

— Товарищ Рутгерс, товарищ Рутгерс, откройте. В дверях человек в форме.

— Простите, товарищ Рутгерс, но это очень срочно. Ленин просит вас немедленно прийти к нему. Он хочет видеть вас до вашего отъезда.

Через несколько минут они едут в Кремль по пустынным улицам Москвы. Три часа ночи.

Ленин встречает Себальда легким кивком головы. Он стоит, опершись о письменный стол, окруженный людьми. Многих из них Себальд видел уже раньше. Сейчас на их лицах тревога.

Всю ночь Ленин провел у прямого провода. На Южном Фронте развертывает наступление на Орел армия Деникина.

— Положение серьезно, — доносится до Себальда голос Ленина.

Звонит телефон. Кто-то поднимает трубку.

— Владимир Ильич, фронт.

Ленин слушает, изредка бросая короткие слова, крепко прижав к уху трубку.

Закончив разговор, он обращается к Себальду:

— Товарищ Рутгерс, простите, что я просил вас прийти ночью. Я хочу лично дать вам несколько инструкций. Может быть, связь с нами будет трудной.

Если вы в пути услышите, что Тула взята, то вы можете сообщить нашим зарубежным товарищам, что мы, быть может, вынуждены будем перебраться на Урал.^[3]

Вам придется самостоятельно принимать решения, конечно, в контакте с нашими друзьями за границей. В Берлине разыщите Пауля Леви, Фукса и Бронского-Варшавского, свяжитесь с венскими товарищами Францем Коричонером и Карлом Грюнбергом, в Италии наладьте связь с Любарским.

Ленин называет еще много разных имен, дает практические указания. И в этот решающий момент, когда смертельный враг революции стоит почти перед воротами Москвы, Ленин говорит, что русская революция

выполнила свою важнейшую задачу: она разоблачила буржуазную демократию и создала в советском строе новые формы пролетарской диктатуры.

— Этого уже, — сказал Ленин, — нельзя уничтожить! Несмотря на серьезность момента, Ленин остается верен себе — своей постоянной заботе о людях. Он не забывает спросить, все ли сделано, чтобы поездка Себальда была сопряжена с возможно меньшими опасностями, и успокаивается, лишь когда узнает, как организован переезд через латвийскую границу.

— Товарищ Ленин, пожалуйста, напишите несколько слов иностранным товарищам, — просит его Себальд.

Вновь звонит телефон, Ленин берет трубку. К нему подходят с вопросами. Он слушает, отвечает, что-то пишет. Себальд уже решил, что его просьба осталась без ответа. Конечно, сейчас не до нее.

— Товарищ Рутгерс, — поворачивается к нему Ленин. — Пожалуйста, вот несколько слов, написанных по-немецки. До свидания.

За дверью Себальд читает ленинскую записку; 14 октября 1919 г.

«Дорогие друзья! Шлю вам наилучший привет. Наше положение очень трудное из-за наступления 14 государств. Мы делаем величайшие усилия. Коммунистическое движение во всех странах растет замечательно. Советский строй повсюду стал для рабочих масс практическим лозунгом. Это — огромный всемирно-исторический шаг вперед. Победа международной пролетарской революции, несмотря ни на что — неизбежна.

Ваш Н, Ленин. ^[4]

Голландский инженер Рутгерс, приехавший из России в специальном вагоне вместе с правительственной делегацией Латвии, представителем английского парламента и американским журналистом, не вызвал и тени подозрения у латвийских пограничников. Себальд вновь видит знакомые места, по которым менее года назад проезжал вместе с товарищами Стучкой и Розиним. Надо быть очень осторожным, его могут узнать, вспомнить, кто он.

«Обойдется, — думает Себальд, — в Латвии мы задержимся недолго». Все оказалось сложнее, чем представлялось. Железнодорожное

сообщение дезорганизовано, рельсовый путь во многих местах разрушен. Всею группой они часами продвигаются пешком, сопровождаемые телегой, которая везет их багаж, и эскортом латвийских солдат. Потом с трудом втискиваются в переполненную теплушку. За десять километров до Риги поезд останавливается. Пассажиры в панике. Носятся слухи, что Ригу обстреливают, что она уже в руках немцев.

Латвийским дипломатам удается по телефону связаться с Ригой. Получив у правительства разрешение на въезд в город, они настаивают, чтобы машинист довел до Риги паровоз с вагоном, в котором находится их группа. Себальд, полковник Малон и американский журналист подкрепляют это требование кругленькой суммой. Паровоз трогается.

На подъезде к городу бросаются в глаза следы войны: покинутые окопы, ряды колючей проволоки, огромные воронки от снарядов. Большинство мостов разрушено. Паровоз медленно проезжает по спешно наведенным деревянным мостам. Последние два километра приходится идти пешком. Возле Риги их останавливает военный патруль. Проверка проходит благополучно благодаря присутствию латвийцев. Их рекомендация помогает получить номер в гостинице «Рома».

Малоуютно в этой гостинице. С противоположного берега Двины, где стоят немецкие части генерала Вермонт фон дер Гольца, долетают снаряды. Немцы твердо решили завоевать мящую себя самостоятельной маленькую Латвию. Разрывы все чаще и ближе. Американец, махнув на все рукой, улегся спать, а Себальду и Малону не спится — уж очень глупо попасть под шальной снаряд.

— Пойдем погулять, — предлагает Себальд. — В другой части города как будто спокойней, ее еще не обстреливают.

Они медленно идут по затемненным улицам. Вдруг Себальд встречает внимательный взгляд прохожего, видит, что тот готов броситься ему навстречу, и мгновенно узнает знакомого официанта гостиницы, в которой они ежедневно обедали вместе со Стучкой, Розиним и другими коммунистами.

«Нельзя, чтобы он заговорил со мной при Малоне», — и взгляд Себальда приказывает: ты меня не знаешь. Человек понял, он медленно проходит мимо.

Вдалеке треснул выстрел.

— Какая прекрасная ночь! — говорит Себальд.

— Восхищаетесь ночью? А я считал, что голландцы к этому равнодушны, — отвечает Малон.

— Почему? Я люблю прекрасное. Особенно меня радует живопись.

Где бы я ни бывал, обязательно пойду в картинные галереи, часами готов простаивать перед полюбившимся полотном. Однако вернемся, надо попытаться уснуть.

На следующее утро они предпринимают все, чтобы скорее уехать из Риги. Нужно получить разрешение на проезд через Эстонию. Эстонский консул, повертев в руках пестрый от виз паспорт Себальда, потребовал разрешения английского консула.

— О, это будет сделано, — любезно говорит Малон.

Вместе доехали до Ревеля. Здесь их пути разошлись. Американец и Малон возвращались на родину морем, Себальду надо было проехать через Германию. Нужна виза.

— Меня не проведешь званием инженера, господин Рутгерс. Я призван защищать свое отечество от вторжения коммунистических идей, — заявляет немецкий консул. — Визу вам я не дам.

Себальд идет к голландскому консулу. «Здесь, пожалуй, будет еще хуже, — думает он. — Голландцы знают обо мне».

Но Себальду явно везет. В кабинете консула ему навстречу подымается старый роттердамский приятель. Они не раз встречались на вечерах у директора де Йонга.

— Какая приятная неожиданность! — радуется консул. — Сколько лет прошло после Роттердама! Вы обязательно должны прийти к нам домой, жена будет рада вас видеть.

— К сожалению, не могу, надо срочно ехать, — благодарит Себальд.

— На родину? Знаю. — Консул усмехается. — С полчаса назад мне звонил мой немецкий коллега. Он счел нужным предупредить меня, что в Голландию собирается вернуться коммунист, и сообщил, что отказал вам в проездной визе через Германию.

— А вы? — спрашивает Себальд.

— О, я уже объяснил немцу, что мы не столь боязливы. Инженер Рутгерс может спокойно вернуться в Голландию. Я убедил его изменить решение. Виза вам разрешена.

В Берлине Себальд немедленно связывается с членами ЦК Германской компартии. Компартия в Германии официально не запрещена, но ее деятельность требует строгой конспирации. Заседания ЦК проходят нелегально. Странной была эта нелегальность. Для пущей конспирации собрания руководителей партии проходят в великолепной вилле, специально снятой для этой цели. Порой, чтобы замести следы, встречаются в роскошном отеле или за изысканным дорогим обедом в

первоклассном ресторане. Себальд пытается указать на это нездоровое положение. Действительно, роскошь, которой окружал себя ЦК, вызывала отчуждение масс и способствовала появлению в среде партии крайне левых тенденций.

Себальд подолгу беседует с представителями ЦК. Они обсуждают возможность наладить связи с Москвой, договариваются об участии немецких товарищей в работе будущего Амстердамского бюро, о нелегальной пересылке партийных документов, литературы и писем в другие европейские страны. Все партийные документы, привезенные из Москвы, Себальд просит отправить вслед за ним нелегальным путем — брать их с собой рискованно.

Предосторожность оказалась не напрасной. На голландской границе Себальда задержали.

Длительный допрос, тщательнейший обыск. Перетряхнута каждая вещь в чемодане, простуканы крышка и дно. Не менее строг и личный обыск. Ничего предосудительного найти не удается. Но полицейские не отказываются от своих подозрений. Себальд проводит ночь в комнате пограничной охраны. Утро не приносит изменений.

— Вы будете отвечать за свои действия, — наступает Себальд на начальника пограничной полиции, — это произвол.

Полицейский мнется.

— Одно из двух, — продолжает Себальд. — Либо вы немедленно даете мне возможность ехать дальше, либо отправляете мою телеграмму.

— Телеграмму? — На это полицейский, наконец, соглашается.

«Незаконно задержан на границе. Прошу немедленного вмешательства. Инженер Рутгерс», — пишет Себальд. А сверху адрес министра Эйселштейна, который был начальником Себальда еще во время его работы в Роттердаме.

Неизвестно, был ли получен ответ на телеграмму Себальда или подействовал самый факт обращения к члену правительства, но Себальд вскоре был освобожден.

Сидя в поезде, увозящем его в Роттердам, Себальд облегченно вздыхает. Первые шаги, чтобы выполнить задание, полученное в Москве, пройдены — он в Голландии. Есть договоренность с ЦК Германской компартии об ее участии в Амстердамском бюро, о нелегальных связях с другими странами Европы. Партийные документы в безопасности.

В Роттердаме свидание с отцом. Почти десять лет они не виделись. О многом надо было рассказать. Кажется, никогда еще они так не понимали друг друга, не были так близки.

— Барта сказала, что ты однажды был у Ленина, — говорит Ян Рутгерс.

— Дважды, — отвечает Себальд.

В тот же вечер он выезжает в Амерсфорт, где поселилась Барта с Яном и Вимом. А Гертруда еще в Японии.

Нужно ли описывать эту встречу, где радостные возгласы, расспросы и рассказы беспорядочно сменяли друг друга. Лишь поздно вечером, когда ребята, наконец, уснули и Себальд устало вытянулся в кресле, Барта обеспокоенно взгляделась в его лицо.

— Ты выглядишь совершенно измученным, Себальд. Ты плохо поправился после болезни. Завтра мы идем к врачу.

— Резкое переутомление. Нужен длительный отдых, — заявил врач после тщательного осмотра. — И разве вы не знаете, что у вас сахарная болезнь? Строжайшая диета. Ни грамма сахара, только сахарин. Никаких сладостей. Как можно меньше хлеба, картофеля, вообще мучного. Это на всю жизнь.

— И больше никак нельзя лечить эту болезнь? — спрашивает Барта.

— Пока нет. Мы работаем над новым средством — инсулином, но оно еще в стадии разработки.

— Теперь ты будешь лечиться и отдыхать, — говорит Барта на обратном пути домой.

— Диету я буду соблюдать, это еще одна забота тебе, Барта. А отдыхать — нет.

Амстердамское бюро было основано. В него вошли Гортер, Паннекук, ван Равеотейн, Роланд-Гольст, Вайнкоп и Рутгерс, выполнявший обязанности секретаря. Главной задачей бюро было подготовить созыв Второго конгресса Коминтерна, вести широкую пропаганду в поддержку Октябрьской революции. Воззвания, декларации, манифесты под единым лозунгом «Руки прочь от Советской России!» рассыпались во все страны, с которыми удавалось наладить связь.

Был создан специальный аппарат, занимавшийся нелегальной переброской людей через границы, пересылкой партийных документов, газет, брошюр. Бюро готовилось к созыву Международного совещания в Амстердаме, оно должно было решить, где и когда будет созван Второй конгресс III Интернационала, подготовить программу его работы.

Но деятельности бюро все больше мешают серьезные разногласия между его членами, особенно в оценке международного рабочего движения.

— В высокоразвитых европейских странах революционный переворот невозможен. Русская революция — местное явление, — утверждает ван Равестейн.

Гортер и Паннекук идут еще дальше Равестейна в недооценке Октябрьской революции. Они считают, что в России совершен исторически незрелый эксперимент.

Рутгерс и Вайнкоп не сдаются. Всюду, где возможно, они отстаивают свое мнение:

— Первое государство рабочих и крестьян, новая демократическая форма Советской республики имеют мировое историческое значение. Это надо постоянно разъяснять всем трудящимся, на примере России учить их борьбе против буржуазии своих стран.

Роланд-Гольст со свойственным ей поэтическим лиризмом страстно восклицает:

— Советская Россия живет и будет жить! Товарищи, вы не видите основного — жертвенной радости революционеров, которая напоминает самозабвенную веру первых христиан. Мужество наших русских братьев беспримерно.

Примирить эти мнения нельзя. Совместное сотрудничество становится невозможным. В результате вся повседневная работа ложится на плечи Вайнкопа, Роланд-Гольста и Рутгерса. Предвидя, что раскол неминуем, они прилагают все усилия, чтобы сохранить бюро и созвать Международное совещание.

Весной 1920 года начинается съезд делегатов в Амстердам. Из Англии, Америки и ряда европейских стран им удается приехать вовремя. Делегаты Германии, Австрии и Швейцарии приезжают с опозданием. Многих задерживают на границе и вынуждают уехать обратно. Клару Цеткин, которая переходит границу нелегально, арестовывают уже в Голландии и под стражей привозят в Амстердам. Добиться ее освобождения смогли только благодаря вмешательству левого социал-демократа Вибаута, занимавшего пост бургомистра города.

В специально снятом помещении — втайне от полиции и в стороне от посторонних глаз — собираются приехавшие на совещание. Среди делегатов Себальд узнает старого товарища по работе в Лиге социалистической пропаганды редактора «Нью интэрнэшионэл» Фрэйна.

— Халло, Рутгерс! Вот мы и встретились, — обрадованно говорит Фрэйна. — А это наш второй делегат — Носовицкий, — знакомит он Себальда со своим товарищем. — Мы вдвоем представляем Америку.

Мандаты обоих в порядке, но английские делегаты говорят о каких-то смутных подозрениях в отношении Носовицкого. Себальд, как секретарь Амстердамского бюро, ставит вопрос на обсуждение. Англичане не могут привести ничего конкретного в подтверждение своих сомнений; Фрэйна с возмущением отстаивает Носовицкого. Собрание признает его своим полноправным участником.

Два дня, никем не тревожимая, проходит работа собрания. А на третий день во время заседания вдруг слышится какой-то странный шорох. Он доносится со стороны бывшего в комнате стенового шкафа. Многие еще не успели ничего сообщить, когда несколько товарищей кинулись к шкафу и распахнули его. Все увидели сжавшегося в комок жалкого, дрожащего шпиона. Мгновение, и его выбросили из помещения.

Значит, кто-то выдал место собрания.

«Неужели Носовицкий? — подумал Себальд. — Неужели он навел полицию на наш след и англичане все же были правы?»

Это подозрение подтвердилось значительно позже. В сентябре 1925 года в американской газете «Нью-Йорк Америкз» были опубликованы мемуары агента английской и американской тайной полиции Носовицкого.

Работа делегатов в дальнейшем проходила на части квартиры у одного профессора, сочувствовавшего трибунистам, а с запоздавшими товарищами из Германии и Швейцарии Себальд встречался у себя дома в Америксфорте.

Международное собрание закончилось. Были обсуждены вопросы о роли профсоюзов, участии в буржуазном парламенте, об идеологической поддержке Советской России и другие, сформулированы тезисы для будущего конгресса Коминтерна, выпущен бюллетень.

Амстердамское бюро допустило немало ошибок, Там, где не удавалось привлечь массы, оно опиралось на мелкие революционные группы, которые далеко не всегда оказывались действительно революционными. Поддерживая немногочисленные революционные профсоюзы в разных странах, оно не обращало внимания на работу в массовых реформистских профсоюзах.

То же сектантство, тот же левый уклон сказались и в тезисах о парламентаризме. Не отвергая полностью использование парламента, бюро недостаточно понимало, какое значение имеет участие в парламентских выборах, и допускало бойкот парламента.

Самой серьезной ошибкой была недооценка руководства секциями Коминтерна революционной борьбой в разных странах.

Этот левый уклон в работе Амстердамского бюро отразился и в решениях Международного собрания и был резко осужден Лениным в его

работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

«Для меня брошюра Ленина «Детская болезнь», — пишет в своих воспоминаниях Себальд, — была решительным уроком, который я всячески стремился усвоить».

Гортер и Паннекук остались верны своим заблуждениям. Даже Роланд-Гольст не смогла следовать ленинским принципам, принять непримиримость политической борьбы. Она скатилась к религиозному мистицизму, к идеям христианского всепрощения.

Конец весны 1920 года. Советская Россия отразила натиск Деникина и Антанты. Настало время мирного сосуществования с Западом. Теперь РКП(б) имела возможность непосредственно наладить связи с братскими партиями разных стран. Открытие Второго конгресса Коминтерна было назначено в июле в Москве. Существование Амстердамского бюро стало ненужным.

Делегацию голландских коммунистов на конгресс Коминтерна возглавил Вайнкоп. Себальд не смог поехать с ними. Состояние его здоровья все ухудшалось.

У Рутгерсов большая радость. Семья Холстов, у которой Гертруда жила два года, давно искала возможность отправить ребенка в Голландию. Наконец нашли английскую чету, которая уезжала из Японии и согласилась взять с собой в Лондон девятилетнюю девочку.

Маленькой пассажирке уже вручили на пароходе радиogramму Себальда о том, что он и Барта будут встречать ее в Лондоне. До приезда оставались считанные дни.

Но Себальд не учел одного. Английская полиция хорошо запомнила фамилию инженера Рутгерса. Это тот самый, которого несколько лет назад должны были арестовать в Сингапуре. Тогда из-за него обвинили ни в чем не повинного человека. Во всяком случае, настоящему Рутгерсу въезд в Великобританию запрещен. Он и Барта занесены в черные списки.

Кто же встретит Гертруду в Лондоне, кто привезет ее домой?

Себальд вспоминает: добрый друг, Винсент ван Гог, теперь снова в Голландии. Год назад он выручил Вима и Яна, помог им высадиться в Америке. Теперь надо просить его помочь Гертруде.

Ван Гог охотно согласился.

Пароход пришвартовался в лондонской гавани. Гертруда тщетно ищет глазами в толпе встречающих мать и отца. Никого! Наконец ее окликают Винсент ван Гог:

— Добрый день, Трюс. Скорей на другой пароход. Коротенький

переезд в Голландию, и ты будешь дома.

Гертруде очень обидно, но нельзя показать это доброму Винсенту, надо быстро вытереть набежавшие слезы.

Капитан судна, направлявшегося в Роттердам, знал о маленькой путешественнице, возвращавшейся из Японии к родителям. Когда пароход подошел к роттердамскому причалу, но пассажиров еще не выпускали с судна, одной Гертруде разрешили сбежать по широкому пустому трапу.

Внизу уже ждали Себальд и Барта.

— Здравствуй, папа! Здравствуй, мама!

Сырая, холодная голландская осень. Врач советует Себальду уехать на юг, провести зиму в Италии.

— Теперь ты меня не уговоришь, — настаивает Барта. — Дальше откладывать отдых и лечение невозможно. Это значит просто стать инвалидом.

Себальд сдается:

— Хорошо. Италия так Италия. Мне есть над чем подумать и поработать там.

Амстердамское бюро оторвало Себальда от многих мыслей, возникших, когда он знакомился с проектами, покоившимися в московских архивах. Он стосковался по инженерской работе, а эта работа уже была для него неразрывно связана с Россией. Но теперь ему казалось недостаточным просто предоставить в распоряжение Советской власти свои знания и опыт. Он хотел вернуться в Россию с большим планом восстановления промышленности. В Италии он возьмется за него.

Мальчиков решили оставить у друзей в Голландии — им предстоял учебный год, Гертруду — взять с собой и самим заниматься с ней.

Накануне отъезда вышли погулять, попрощаться с городом. От дома напротив отделился человек и последовал за ними.

— Бедняга останется безработным, — смеется Себальд. — Я уезжаю из Амерсфорта от двойного надзора — врачей и полиции. Здорово изменилось время, правда, Барта? Марксов призрак коммунизма стал явью, а вот тот, что следует за нами, поистине превратился в этакое полицейское привидение.

Себальд оборачивается и смеется, глядя на изумленного шпика.

После туманной холодной Голландии Италия ослепила солнцем и синевой. Рутгерсы и приехавшая вместе с ними голландская писательница Августа де Вит поселились в Леричи, маленьком итальянском селе под

Специей, на берегу Лигурийского моря. Они сняли виллу, стоявшую на возвышении в огромном запущенном саду.

Несколько дней устройства и безделья, а затем в доме введен четкий распорядок. С шести утра до семи Себальд и Барта работают. Они пишут воспоминания о поездке из Владивостока в Москву. Потом занятия с Гертрудой.

— Целое — это вот что, — говорит Себальд, держа на ладони большое красное яблоко. — Оно у тебя одно, и не можешь ты одна съесть его, если к тебе пришла подруга. Значит... — Нож разрезает яблоко на две половины. — Вот тебе две части целого. А если пришли три девочки... — Снова движение ножа, и сочное яблоко делится на четыре части. — Было целое, потом две половины, а теперь четыре четверти.

Так проходит урок арифметики. Барта занимается с Гертрудой географией и историей. Августа де Вит преподает голландский. После обеда девочка отправляется в деревенскую итальянскую школу. Таков закон семьи. Где бы ни были Рутгерсы, дети посещают местную школу.

— Будут знать язык окружающих людей, — говорит Себальд, — и кроме того, человек должен общаться с людьми той страны, в которой живет, и иметь среди них друзей.

После школы девочка свободна. Она играет в саду со своими итальянскими подругами, бегает с ними по морскому берегу. А Себальд часами сидит за письменным столом. Он вновь Перелистывает свои московские записи. Давние мысли складываются а стройный план.

Квалифицированные рабочие, инженеры, современная американская техника и организация в условиях социалистического управления — вот что сейчас необходимо, думает Себальд. Если рабочие из стран с высокоразвитой техникой приедут в Россию и вместе с русскими рабочими примут участие в строительстве, можно будет создать современное образцовое предприятие в Сибири, наиболее быстро и успешно разрабатывать ее богатые недра. Можно будет...

Размашистые строки покрывают белые листы.

А вечером все отдыхают. Потрескивает пламя камина в большой комнате, распространяя тепло и запах леса. Августа де Вит читает главы своего нового романа. Себальд и Барта вспоминают эпизоды поездки из Владивостока в Москву. Гертруда рассказывает о школьных новостях, старательно вставляя итальянские слова, которые запомнила в течение дня. Так проходят вечера. Их разнообразят игры, шутки, смех. Особенно весело стало, когда в гости к Августе де Вит приехал ее родственник студент. Тут были и шарады и игра в пословицы, забавные задачи на сообразительность,

загадки.

В селении жил один из немногих оставшихся в живых воинов Гарибальди — седобородый, седовласый старец. Себальд с интересом слушал его исполненные романтики рассказы о героях освободительного движения. Любил Себальд перекинуться словом и со своим ближайшим соседом итальянцем, присматривавшим за садом, и с его восемнадцатилетней дочерью, черноглазой Джиной, помогавшей Барте в их хозяйстве.

Барта только добродушно посмеивалась, слушая, как Себальд, старательно выговаривая итальянские слова, говорил Джине ничего не значащие любезности, а Джина хохотала, поправляя его ошибки.

Однажды в день ярмарки Рутгерсы приняли участие в народном гулянье. Люди пили, пели, танцевали. Увлеченный общим весельем, Себальд, пригласив Джину, стал танцевать.

— Чудесный был вечер, — вспоминал Себальд на еле дующее утро за завтраком, — вообще я чувствую себя совершенно здоровым.

Резкий стук в дверь, и сразу вслед за ним в комнату входит молодой итальянец.

— Вы танцевали с моей невестой, синьор, — гневно произносит он, положив руку на заткнутый за пояс нож и наступая на растерянно поднявшегося ему навстречу Себальда.

Барта мгновенно оценила положение. Себальд не успел промолвить ни слова, как она кинулась к нему, и перед молодым итальянцем была разыграна нежная супружеская сцена.

— Мио карио, — ласково приговаривает Барта.

— Миа кара, — вторит ей Себальд. Обиженный жених постепенно успокаивается.

— Я, право, никого не хотел оскорбить, — объясняет Себальд ревнивому итальянцу, усаживая его завтракать. Барта выходит из комнаты и возвращается с Джиной. и бутылкой старого вина. Мир заключен под веселые тосты за здоровье двух присутствующих пар.

— Миа кара, — поддразнивал Себальд Барту, когда ушел успокоенный гость. — Удивительно, до чего женщины умеют разрядить опасное положение! Государственные деятели должны бы подумать об этом.

С каждым днем все больше часов проводит Себальд за письменным столом. У него обширная переписка с партийными руководителями в Неаполе и Риме, с товарищами из разных других стран. Но основное время занимает разработка Сибирского плана.

— Надо серьезно изучать русский язык, Барта. Я думаю, мой план будет принят, и тогда мы надолго останемся в России. Нельзя работать с людьми, не зная их языка. Хорошо бы использовать свободное время здесь для занятий русским. Но где найти учителя?

На помощь пришла Августа де Вит. Она рассказала, что недавно навестила подругу в туберкулезном санатории в Давосе и познакомилась там с чудесной девушкой — Бронкой Корнблит, польской революционеркой, за плечами которой нелегальная работа в царской России. Свое пребывание в Давосе она оплачивает работой в лаборатории.

Писательница восхищалась энергией этой девушки, ее волей к жизни. Бронка согласилась на сложную операцию, была у профессора Зауербруха в Берлине его вторым пациентом, который решился на торакопластику. У нее укорочены ребра и сжато правое легкое, но это спасло ее. А теперь она мечтает о том, чтобы вернуться к жизни, к работе.

— Италия была бы ей полезна. Думаю, она согласится приехать и заниматься с вами, — закончила свой рассказ Августа де Вит.

В тот же день Бронке было отправлено письмо с приглашением приехать в Леричи. Ответ не заставил себя ждать.

«Дорогие товарищи Рутгерс, я с радостью принимаю ваше предложение. Скоро год, как я живу под врачебным надзором, как комнатное растение под стеклом. Но я не оставляю надежды вернуться к прежней жизни. Приеду обязательно в самые ближайшие дни», — писала Бронка.

Бронка сдержала обещание. Занятия русским языком пошли полным ходом. Бронка не только превосходный учитель. Стосковавшись по деятельной работе, она скоро становится незаменимым секретарем Себальда, страстно увлекается его мыслями об освоении Сибири. Себальд все чаще говорит, что он уже здоров и пора браться за осуществление его плана.

Неожиданные события приближают время отъезда из Леричи.

Себальд не раз замечал, что его обширная переписка привлекает внимание полиции, многие письма приходят перлюстрированными. Он понимал, что находится под негласным надзором полиции, и строго придерживался норм легального поведения. Положение в Италии сложное. Социал-демократическая и коммунистическая партии еще существуют открыто, но фашизм уже готовится к наступлению. Демократический строй страны рушится.

Начинаются насилие и произвол, террор по отношению к прогрессивным рабочим. Полиция на все закрывает глаза.

Чернорубашечники Муссолини выступают в поход.

Очередная провокация — в кинотеатре Милана взрывается бомба, есть человеческие жертвы. Одна из реакционных газет открывает бешеную травлю против коммунистов — они виновники взрыва. Сенсационные статьи следуют одна за другой. Обвинение уже направлено против иностранных коммунистов. И наконец, в одном из номеров газеты вновь вытаскивается на божий свет история «московских бриллиантов». Статья снабжена фотографией «агента Москвы» Барты Рутгерс.

Ночью в доме, где живут Рутгерсы, вылетают стекла, выбитые неизвестными хулиганами, а через несколько дней на рассвете, когда все еще спят, дом окружают карабинеры.

Несколько часов идет обыск. Все разворочено и перевернуто вверх дном. Себальда, Барту и девятилетнюю Гертруду выводят из дома под усиленной охраной.

К дому сбегаются жители Леричи. Молча гневно смотрят они на карабинеров. Из толпы выходит старик гарибальдиец. Демонстративно, не обращая внимания на стражников, он торжественно пожимает руку Себальду, Барте и Гертруде.

— Аддио, камерадес.

Августу де Вит и Бронку Корнблит вплоть до особых распоряжений оставляют в Леричи под надзором полиции. Арестованных на катере перевозят в Специю.

Длительный допрос. Себальд протестует, его не могут обвинить ни в одном противозаконном действии, но кого интересует закон? Есть указания из Рима: выслать инженера Рутгерса за пределы Италии. Ему предоставлено единственное право — выбрать границу, к которой он будет доставлен.

Ночью они выезжают, из Специи в сопровождении агента полиции, который едет с ними до границы с Австрией. До последней минуты их пребывания на итальянской земле агент не спускает с них глаз.

— А храбрый старик этот гарибальдиец, — вспоминает Себальд, устраиваясь в поезде, идущем в Вену. — Его прощание с нами может стоить ему пенсии. Обидно, что приходится уезжать. Я еще хотел побывать в Риме и Неаполе. Ну, в другой раз.

— Аддио, Неаполи, — тихонько напевает Барта.

В Вене Рутгерсов приютил член Австрийской компартии Ганс Вертгейм, литератор и талантливый пропагандист. До сих пор знакомые лишь по переписке, Себальд и Ганс становятся близкими друзьями. Эту дружбу, продолжавшуюся много лет, оборвала трагическая смерть

Вертгейма, погибшего в дни гитлеровского террора.

А пока он знакомит Себальда с австрийскими коммунистами. Они долго бродят вдвоем по улицам австрийской столицы, и Себальд все больше поддается особому обаянию этого города.

Через несколько дней Рутгерсы уезжают в Берлин. Здесь они должны расстаться: Барта с Гертрудой возвращаются в Голландию, Себальд едет в Москву. Проводив своих, Себальд заходит на почту. Ему вручают телеграмму из Леричи:

«Единственная настойчивая просьба: обеспечьте визу. Хочу ехать с вами Советскую Россию. Бронка».

«Значит, кончился домашний арест, и Августа и Бронка могут свободно уехать», — облегченно вздыхает Себальд. Он стоит, глубоко задумавшись. «Вправе ли я взять с собой Бронку? Она была бы хорошей помощницей. Но она больна. Сибирь, холод. Но она хочет работать. Она коммунистка и не может жить по-другому».

Прямо с почтамта Себальд идет оформлять визу Бронке Корнблит.

До ночного поезда несколько свободных часов. Себальд шагает по улицам Берлина, подставив лицо встречному ветру. Мысли обгоняют друг друга. Через два дня — Москва.

Книга четвертая

Кузбасская эпопея (Сибирь). 1921—1927

Пограничная станция Негорелое. Снова Себальд в Советской России, Как не похож этот его приезд на прошлый, два года назад. Интервенты разбиты, война закончена. Настала пора восстановления и строительства.

— Старайся, старик, — тихо подбадривает Себальд паровоз, когда он замедляет ход на подъемах. — Скоро мы накормим тебя хорошим углем. Тебя и твоих сибирских братьев.

Себальд вспоминает: в прошлую поездку его поразило, | что паровозы по ту сторону Урала отапливаются дровами, в то время как сибирские недра таят неисчислимые запасы угля.

«Промышленность Урала должна быть обеспечена сибирским углем, — думает Себальд. — Рабочие из Америки приедут со своими машинами и инструментами, примут участие в строительстве советской промышленности».

В США есть Общество технической помощи Советской России. Себальд думает об инженере Мартенсе, с которым он познакомился в редакции «Нового мира» в Нью-Йорке. Мартене был неофициальным представителем Советской России в США. Он знает настроение американских рабочих. Если Мартене в Москве, Себальд обратится к нему.

В Москве, возможно, и Билль Хейвуд. Год назад американский суд приговорил его к двадцати годам тюремного заключения за революционную деятельность. Ему удалось уехать в Москву. И с ним надо связаться. Бывший горняк, один из основателей и руководителей организации «Индустриальные! рабочие мира», он знает ее членов, среди них немало сочувствующих нам.

Иммиграция квалифицированных иностранных рабочих; в Россию... Тезисы написаны. Через двадцать четыре часа Москва.

Паровоз мчит через ночь. В топке пылает уголь. «И в Сибири будет уголь для паровозов», — засыпая, думает Себальд.

Май 1921-го. На улицах Москвы слышен разноязыкий говор. Сюда съехались делегаты Третьего конгресса Коминтерна и Первого конгресса Профинтерна. Сколько старых друзей! Здесь и Клара Цеткин и Роланд-

Гольст. И Хейвуд в Москве. Себальд рассказывает ему о своем проекте:

— Иностранные рабочие в Сибири. Гигант индустрии на социалистической основе.

Хейвуд сразу загорается, распрямляет широкие плечи, светится его немолодое лицо.

— О чем-то подобном говорил и Кальверт. Надо немедленно встретиться с ним. Он старый член ИРМ, работал металлистом у Форда. Сейчас он здесь, на съезде Профинтерна.

Кальверт встречает проект Себальда потоком восторженных слов:

— Американская техника, наши рабочие... Мы поставим на ноги советскую индустрию. Русская революция и американская техника. Тысячи членов ИРМ пойдут с нами.

Хейвуд вторит ему:

— Наши ИРМ — это настоящие ребята. Дело пойдет. Надо сейчас же обратиться к Ленину.

— Не торопитесь, — сдерживает их Себальд. — Ознакомьтесь с моим проектом. Подумайте о том, что, по-вашему, надо изменить или дополнить. Основным я считаю то, что иностранная колония должна иметь свое автономное управление, свои подсобные предприятия. Мне она представляется как замкнутая хозяйственная единица в советской системе. Иностранные рабочие должны привезти с собой машины, инструменты, продовольствие на свои собственные средства. Может быть, придется организовать сбор денег среди сочувствующих в Америке. Но вся прибыль предприятия поступает Советскому государству. Вы читали мои тезисы. Вот проект письма к Ленину. Мы привлечем к этому и русских товарищей, в первую очередь инженера Мартенса.

Через два дня Ленину отправлено письмо на английском языке:

«12 июня 1921 г. Москва.

Дорогой товарищ Ленин!

Вместе с т. Мартенсом и членом организации ИРМ т. Кальвертом мы представляем на Ваше рассмотрение план промышленных трудовых колоний иностранных рабочих и специалистов из промышленно развитых стран, как-то: США, Германия и т. д.

Мы считаем возможным начать дело только, если Вы, со своей стороны, окажете ему полную поддержку.

Мы обращаем Ваше внимание особенно на следующие пункты:

а) Непосредственным результатом деятельности предприятия будет увеличение производства угля, причем первоначально только небольшая часть его пойдет на развитие этого района. Это увеличенное производство угля позволит Сибирской магистрали и примыкающим к ней железнодорожным линиям улучшить транспорт. Это обеспечит вывозку большего количества продовольствия для Европейской России...

в) Настоятельно необходимо, чтобы рабочая колония пользовалась свободой действий в том, что касается ее собственных дел и для стимулирования любых усилий, направленных на развитие предприятия. Правление должно фактически обладать всей полнотой власти в колонии без всяких бюрократических помех...

с) Возможное возражение, основанное на том, что Кузбасс следовало бы отдать на концессию капиталистам, нельзя считать серьезным, так как в настоящий момент шансы на добросовестную концессию на базе немедленного вложения крупного капитала весьма малы. Кроме того, чрезвычайно важно было бы, чтобы район, имеющий такое колоссальное значение для дальнейшего развития промышленности, не попал в руки наших классовых врагов.

д) Отсутствующий капитал можно будет добыть следующим образом: в первую очередь мы выпустим воззвание к американским рабочим, желающим приехать в Кузбасс, с просьбой о содействии путем взносов их сбережений, которые мы расцениваем в среднем по 200 долл., не считая стоимости транспорта...

...Мы хотели бы обсудить вместе с Вами целесообразность этого плана, а в случае Вашего согласия безотлагательно получить полномочия на обследование Кузнецкой области с точки зрения возможности создания промышленной рабочей колонии.

С братским приветом

С.Ю. Рутгерс, Л. Мартене, Герберт, С. Кальверт».^[5]

Проходит день, два, три, неделя, Ответа нет. Себальд в недоумении. Он знает, как быстро реагирует Ленин на обращения к нему, как быстро он принимает решения. Только через десять дней Себальд узнает, что Ленин в

это время отдыхал под Москвой. Лишь 20 июня Ленин получил посланное ему письмо и сразу откликнулся. Утром 22 июня Владимир Ильич пишет:

«т. Мартенс!

Должен Вас упрекнуть за то, что Вы неправильно направили бумаги об американских колониях в России.

Я прочел их только 20/VI. Надо было не через Бухарина передавать, а формулировать практические предложения по-русски в 20 строках и направить в СТО, копию — мне лично с коротким письмом.

Опоздание произошло из-за неправильного направления дела.

По существу. Я — за, если американские рабочие и колонисты вообще будут привозить с собой:

- 1) продовольствие на два года (Вы пишете, что это бывало; значит, возможно);
- 2) одежду на тот же срок;
- 3) орудия труда.

1-ое (и 2-ое) важнее всего. 200 долларов менее важны. Если будет 1-ое, я согласен всячески поддержать.

Чтобы ускорить, изготовьте тотчас проект постановления СТО и внесите сегодня (если успеете до 3-х часов), сегодня же в СТО, в 6 час. — решим; если опоздаете, все же внесите в СТО в 6 час, создадим комиссию и решим в пятницу, 24/VI.

Проект постановления: 1) условия — три выше приведенные, 2) заведуете (Вы + 1 американский рабочий + 1 от НКТруда?), 3) мы помогаем (даем землю, лес, рудники и пр.), 4) финансовые отношения такие-то.

Ответьте, пожалуйста, с подателем.

Пред. СНК

В. Ульянов (Ленин)». [\[6\]](#)

В тот же день, 22 июня, СТО под председательством Ленина выносит постановление «Об американской промышленной эмиграции», которое отвечает на ряд предложений иностранных рабочих оказать производственную помощь Советской России.

Первый пункт постановления гласит:

«Признать желательным развитие отдельных промышленных

предприятий путем сдачи их группам американских рабочих...».

Ряд пунктов посвящен предложению группы Рутгерса:

«...4. Предоставить т. Рутгерсу и его сотрудникам в числе 12–15 человек возможность немедленно выехать на Урал и в Кузнецкий бассейн для выяснения на месте предприятий и источников сырья, которые могут быть предоставлены американской промышленной эмиграции, и необходимых для этого условий.

5. Поручить Президиуму ВСНХ немедленно выдать т. Рутгерсу под отчет 2 миллиона рублей на расходы по поездке и исследованию...»^[7]

На следующий день Рутгерсу и Кальверту официально сообщают о предстоящей поездке. 24 июня полученные мандаты удостоверяют: Рутгерс — руководитель экспедиции, Бронка Корнблит — его секретарь и переводчик, Геллер и Школьник — заместители Мартенса. В экспедиции принимают участие еще двое американских рабочих.

Рутгерс получает ряд указаний, официальные отношения к разным организациям, в которых просят оказывать максимальную помощь членам экспедиции.

Нельзя терять времени. Москва переполнена, снабжение ез скудно, железные дороги перегружены, и пассажирские поезда ходят нерегулярно. Добиться чего-нибудь нелегко. Где только не мелькала в эти дни подвижная фигура Себальда, где не звучал настойчивый голос Бронки!

В течение трех дней подготовка к поездке закончена: выделен специальный вагон, продукты на дорогу. 28 июня группа Рутгерса выезжает из Москвы, ее вагон прицеплен к транссибирскому экспрессу.

Задержки, остановки. Огромные составы, переполненные людьми, грузами, отправленные срочно, вне расписания, по особому назначению, оспаривают право первыми занять путь. А вагон с группой Рутгерса то передвигают на запасной путь, то загоняют в тупик.

И снова и снова неутомимая Бронка предъявляет их мандат, спорит, доказывает, требует:

— Товарищи, это срочно, мы должны ехать дальше. Вот просьба ко всем организациям оказывать помощь группе Рутгерса. Нам нужно в Ново-Николаевск.

Вагон прицепляют. Они едут дальше на восток.

6 июля прибыли в Ново-Николаевск, нынешний Новосибирск.

Армия Колчака разбита, но террористические банды, поддерживаемые кулаками, еще прячутся в лесах; в городе еще чувствуется дыхание войны, улицы полны красноармейцами. А Сибирский ревком уже занят налаживанием мирного строительства. Предревкома Смирнов радостно

встречает членов экспедиции.

— Мы приехали более чем вовремя, — торопливо переводит Бронка. — Ревком как раз принял решение послать экспедицию в Кузнецкий бассейн, чтобы выяснить возможности в современных условиях начать восстановительные работы.

Обеим группам — московской, руководимой Рутгерсом, и сибирской, организованной Смирновым, — выделяется местный поезд. Конечная цель поездки — Кузнецк.

Продвигаются поездом, лошадьми, порой пешком.

В Гурьевске бездействующий металлургический завод, основанный еще во времена Екатерины II. Печально глядят развалины разрушенной домны. В стороне высятся толстые широкие стены цехов, сплошные, без оконных проемов. Внутри в стены ввинчены железные кольца. Прикованные к ним цепями, работали здесь каторжане.

Во многих местах вблизи Кузнецка уголь метровым слоем лежит на поверхности.

На обратном пути остановка в Кемерове.

Пожалуй, лучшего места для центра колонии не найти. Здесь шахты, железнодорожная линия, река. Здесь еще до войны началась стройка химического завода, его надо будет достроить и пустить в производство. Да, здесь, на берегу Томи, будет штаб-квартира, решает Себальд.

Себальд шагает по Кемерову, по-хозяйски вглядываясь в окружающее. Небольшие, неглубокие шахты, их бессмысленная близость друг от друга — все говорит о неразумном, о хищническом хозяйничании французско-бельгийского акционерного общества «Копикуз», имевшего здесь концессию до революции.

«Что ж, это естественно, — думает Себальд. — Концессионеры — капиталисты... Открытие каждой шахты — это газетная шумиха, новые акции на Парижской бирже, новые спекуляции, новая прибыль французской и русской буржуазии. Теперь мы заведем здесь свои порядки — социалистические».

Первого августа группа Рутгерса возвращается в Ново-Николаевск. Сибирский ревком выносит решение по его докладу и отправляет в СТО письмо, в котором приветствует решение Правительства организовать в Кузнецком бассейне индустриальную колонию американских рабочих.

Экспедиция отправляется дальше. В Омске обсуждаются вопросы транспортировки и сбыта угля. Дальше, в Томск. Переговоры с руководителями горсовета о возможности создания подсобных предприятий: колонистам потребуется одежда, обувь, предметы домашнего

обихода. Надо подумать и о медицинском обслуживании и об учебе детей колонистов. Все должно быть предусмотрено, запланировано.

В Томске группа живет в своем вагоне. Город переполнен беженцами из голодающего Поволжья. За страшным неурожаем следовали эпидемии. Были случаи холеры. Беженцы занесли ее в Томск. Многие умирали от голода и болезней в это жаркое сухое лето 1921 года.

Себальд упорно работает над своим докладом правительству. Он много видел, о многом договорился. План организации колонии принимает конкретные формы.

В конце августа группа направляется в Екатеринбург (нынешний Свердловск). Здесь назначена встреча с Мартенсом.

В Екатеринбурге было много старых инженеров, которые до Октябрьской революции работали у владельца завода барона Таубе. Они все еще не теряли надежды на возвращение прежних порядков. Разговаривая с этими специалистами, Себальд сразу почувствовал их враждебность и отпор. Участие, передовых американских рабочих в хозяйственном строительстве Советской России противоречило их целям и планам.

— Только капиталистическая концессия может принести пользу. Это наше глубокое убеждение, инженер Рутгерс. Все остальное иллюзии, — доказывали они.

Но партийные и советские руководители Екатеринбурга были за Себальда и обещали ему поддержку.

Мартенс все еще не приехал, и Себальд решил, не дожидаясь его, осмотреть Надеждинский металлургический завод на Северном Урале.

Здесь запустение. Из семи доменных печей работает одна, и та на древесном угле. Цехи пусты. Заводское оборудование в беспорядке, новые машины под открытым небом. Себальд с горечью смотрит на обескровленный, полумертвый завод.

Лишь 2 сентября Мартенс приехал в Екатеринбург. В тот же день состоялось совещание. Было обсуждено множество вопросов. Мартенс согласился с проектом Себальда: богатство недр Кузнецкого бассейна должно быть использовано для промышленности Урала. Мартене еще оставался на Урале. Он обещал немедленно отправить в Москву положительный отзыв о проекте.

5 сентября группа Рутгерса вернулась в Москву. Руководитель английских профсоюзов Том Манн и многие участники Первого конгресса Профинтерна одобрили проект Себальда. В Высший Совет Народного Хозяйства направлена резолюция за многими подписями.

Через несколько дней Себальд встретился с работником СНК Горбуновым, которому были поручены переговоры с представителями американских рабочих. Переговоры начались. И вдруг, совершенно неожиданно, вместо обещанного Мартенсом положительного отзыва телеграмма: «Воздержаться решением плана Рутгерса до моего возвращения. Мартенс».

Себальд в недоумении. Что делать? Время не ждет. С Мартенсом все было согласовано, а теперь грозит задержка. 15 сентября Себальд по телефону связывается с Лениным. На следующий день он отправляет Ленину подробное письмо с ответом на все вопросы, которые задал ему Владимир Ильич, и настоятельной просьбой ускорить дело.

«Очень важно, чтобы решение было принято поскорее, так как организация должна приступить к выполнению своих функций в Сибири в начале весны, а небольшие группы должны начать подготовительные работы еще до зимы, — писал Себальд.

...Напоминаем о Вашем обещании побеседовать вскоре после получения этого письма со мной, Хейвудом и Кальвертом с тем, чтобы мы могли подробнее обосновать важность и возможность нашего плана. Ваше личное заявление в защиту плана имело бы величайшее значение для заграницы.

Было бы очень прискорбно, если бы вмешательство Совнархоза привело к ненужной волоките. Американцы требуют непосредственного подчинения Совету Труда и Оборона...

С коммунистическим приветом С. Ю. Рутгерс».

Письмо отправлено 16 сентября. 19-го Ленин встречает Рутгерса, Хейвуда и Кальверта крепким рукопожатием.

— Я хотел бы получить ответ на ряд вопросов, — говорит Ленин. — Есть ли у вас связи с солидными инженерами и техниками? Представители каких массовых организаций США будут привлечены к делу? Имеют ли американские рабочие и специалисты, на участие которых вы рассчитываете, достаточно средств, чтобы оплатить дорогу и привезти с собой оборудование и машины?

— Американская техника и русская революция — это грандиозно! — декламирует Кальверт. — Колония в Сибири — это гигантское предприятие будет иметь громадное значение для будущего советской индустрии.

Себальд нервничает. Еще несколько подобных фраз, и Ленин, возмущенный этой болтовней, не станет заниматься колонией, а без помощи Ленина колонии не бывать. Разногласия в ряде инстанций могут погубить дело.

Словно поняв тревогу Себальда, Ленин прерывает словоизвержение Кальверта и, кинув на Себальда лукавый взгляд, говорит:

— Привлечение нескольких тысяч квалифицированных и имеющих достаточный производственный опыт американских рабочих и специалистов при всяких обстоятельствах должно быть полезно для Советской России.

Себальд облегченно вздыхает. Сжато и четко он формулирует Ленину свои соображения о задачах колонии, обязательства, которые они берут на себя, перечисляет, в чем им нужна помощь Советского правительства, заверяет, что в Америке после войны есть много рабочих, обладающих достаточными средствами и желающих поехать в Советскую Россию, просит разрешения присутствовать при рассмотрении вопроса в СТО.

Беседа окончена.

Перебрасываясь короткими фразами, Себальд и его товарищи возвращаются из Кремля.

— Только бы поскорее Ленин смог заняться этим делом, — говорит Себальд.

А Ленин сразу после их ухода пишет Куйбышеву:

«19.1X.1921 г.

г. Куйбышев!

У меня сейчас были

Рутгерс,

Кальверт

и Хейвуд,

представители группы американской рабочей колонии, желающей взять Надеждинский завод и ряд предприятий в Кузнецком бассейне.

Они просят, чтобы их представитель (с переводчиком) лично был в СТО в пятницу. Я думаю, это надо разрешить.

Затем обращаю Ваше внимание и прошу сообщить всем членам комиссии и подкомиссий следующее:

(1) Надеждинский завод, по их мнению, и экономически и технически связан с группой предприятий в Кузбассе, ибо он даст тракторы для их сельскохозяйственных хозяйств; тракторы и всякие другие сельскохозяйственные орудия для крестьян; починку машин для предприятий их группы в Кузбассе, оборудование водного транспорта, связывающего с Сибирью, и т. д.

(2) в Кузбассе они берут 12 000 десятин земли и ряд

предприятий, желая создать большое и законченное экономическое целое.

(3) Просят, они всего 300 000 долларов деньгами. Иное мнение ошибка.

(4) Хотят сверх того хлеба и одежды, чтобы быстрее двинуть необходимые строительные работы тотчас, Надо-де начать этой же зимой, чтобы к весне 1922 успеть сделать.

(5) Они подчеркивают, что создадут твердую администрацию их рабочей группы; а всю группу (3000–6000 рабочих) подберут из лучших рабочих, большей частью молодых и холостых, практически изучивших соответствующее производство, живших в климатических условиях, похожих на русские (Канада или север Соединенных Штатов).

(8) Они хотят непосредственной зависимости от СТО. Нечто в роде автономного государственного треста из рабочей ассоциации.

Между прочим. Она говорят, что здесь, в «эмигрантском доме» живут 200 американских лесоробочих. Большая часть без работы. Тоскуют по работе. Отправьте-де 30 из них в Надеждинский завод и 15 в Кузбасс тотчас, дав им полное снаряжение и пищу, и они тотчас начнут постройку деревянных барачков. (А потом и все 200 поедут). Весьма просят поспешить с отправкой...

Прошу учесть все это.

Пред. СТО В. Ульянов (Ленин)». ^[8]

Вопрос об основании колонии должен решаться в СТО. Но ждут приезда Мартенса, и решение откладывается со дня на день. Наконец 27 сентября в Екатеринбург отправлена телеграмма:

«Передайте по телеграфу в Нижний Тагил Мартенсу, что Рутгерс настаивает на немедленном решении его дела о сдаче части Кузбасса и Надеждинского завода группе американских рабочих, мотивируя спешность необходимостью для представителя группы Кальверта выехать в Америку немедленно. Я в затруднении, ввиду Вашей просьбы отложить до Вашего приезда, ибо не хотел бы решать без Вас. Сообщите: первое, когда будете, в Москве; второе, как оцениваете по существу

торопливость Рутгерса, считаете ли действительно абсолютно неотложным вынесение немедленного решения, или советуете настоять на том, чтобы Рутгерс дождался Вашего приезда. Рутгерс заявляет, что Вы с ним согласны вопреки Вашей телеграмме.

Пред. СТО Ленин».^[9]

Несколько раз на заседаниях СТО обсуждается Кузбасский проект. Изменяются отдельные пункты, вносятся новые. С особым удовлетворением встречает Себальд четыре пункта, предложенные лично Лениным в проекте подписки, «которую должны дать (в случае подписания договора) Рутгерс и все его люди, до каждого рабочего включительно...

1. Мы обязуемся провести это и коллективно отвечаем за то, чтобы ехали в Россию только люди, способные и готовые сознательно вынести ряд тяжелых лишений, неизбежно связанных с восстановлением промышленности в стране, весьма отсталой и неслыханно разоренной.

2. Едущие в Россию обязуются работать с максимальным напряжением и наибольшей производительностью труда и дисциплиной, превышающими капиталистическую норму, ибо иначе опередить капитализм и даже догнать его Россия не в состоянии.

3. Обязуемся все случаи конфликтов без изъятия, какого бы рода эти конфликты ни были, передавать на окончательное решение высшей Соввласти России и добросовестно выполнять все ее решения.

4. Обязуемся не забывать крайнюю нервность голодных и измученных русских рабочих и крестьян вокруг нашего дела и всячески помогать им, чтобы создать дружные отношения, чтобы победить недоверие и зависть».

^[10]

Себальд уже может повторить эти пункты наизусть.

А решения все нет. И Мартенса тоже нет. Нервы Себальда напряжены до предела. Всегда сдержанный, владеющий собой, он на очередном заседании СТО раздражается гневными упреками.

Ленин сразу делает все возможное, чтобы успокоить его. 30 сентября он пишет Троцкому:

«...Мы сейчас (7 1/2 часа вечера) постановили в СТО вызвать Мартенса не к 15.X, а немедленно (от имени СТО). Тов. Рутгерс держал в СТО речь «угрожающую» (выражаясь мягко), что-де мы ждать не хотим и не будем, вы поддаетесь саботажику, «мы не из-за денег» работаем и т. п.

Возбуждение Рутгерса и заставило нас пойти на уступку (мы хотели

подождать 15.X — день приезда Мартенса). Очень бы важно было, чтобы тов. Троцкий лично воздействовал на Рутгерса в направлении: не уезжайте! не нервничайте! дождитесь Мартенса! (Побаиваюсь, что кое-кто из окружающих Рутгерса боится и имеет основания бояться критики Мартенса.)

(Мартенс считает несолидным Кальверта. Хейвуд — только агитатор, полуанархист. Рутгерс — прекрасный товарищ, пропагандист, едва ли администратор. Такова вся руководящая тройка.)

Ленин». [\[11\]](#)

Об этом письме Себальд и не подозревает. Ему в голову не приходит, что Мартенс, который помнит его по Нью-Йорку как партийного работника, не знает его как администратора и инженера.

Он не знает, что на Урал уже отправлена телеграмма:

«Екатеринбург, Уралэкономсовет, Жукову

Ввиду противоречивых сведений о приезде Мартенса в Москву предлагаю вызвать его немедленно к прямому проводу и получить подтверждение его сообщения о приезде в Москву не позднее 15 октября. Ваш телеграфный ответ за подписями Мартенса и Вашей должен быть не позднее завтрашнего дня.

Предсто Ленин». [\[12\]](#)

В тот же день СТО поручает А. Аниксту и В. Аванесову обратиться с письмом к группе Рутгерса. Ленин просит их объяснить Себальду, что задержка окончательного утверждения договора вызвана исключительно необходимостью согласовать вопрос с Мартенсом, который собрал на местах разные технические ездения и сведения об отношении уральских рабочих к этому вопросу. [\[13\]](#)

И в тот же день после заседания СТО на Урал отправляется вторая телеграмма:

«Срочно Екатеринбург Уралпромбюро В отмену предыдущих решений и телеграфных сообщений СТО в заседании 30/IX постановил: «Немедленно вызвать Мартенса в Москву».

Посему предписываю Мартенсу выехать немедленно и телеграфно сообщить время своего выезда.

Предсто Ленин».^[14]

Мартенс приехал. Да, он действительно противник проекта Себальда.

— Наша главная цель — восстановление Урала, — убеждает он Рутгерса. — Проект Кузбасса — это дальнейшая задача. Возможно только кооперативное предприятие, в котором американские рабочие будут заинтересованы в общей прибыли, а государство — в продукции. Личная заинтересованность членов предприятия — вот конкретная основа, которая обещает технический и экономический успех. Все остальное, товарищ Рутгерс, мне кажется нереальным. Я не отрицаю значения международной солидарности, но его нельзя переоценивать.

— Наоборот, товарищ Мартенс, наоборот, — возражает Себальд. — Международная солидарность рабочего класса — это основное, решающее. Вы недооцениваете огромного пропагандистского значения предприятия. Рабочие, которые отдают свои сбережения, покупают машины, привозят инструменты, отдают свой опыт, свой труд на службу Советскому государству. Рабочие из капиталистических стран, создающие образцовое предприятие без капиталистов, без эксплуататоров, отказываются от прибыли для общего блага... Как вы не понимаете, какую притягательную силу это будет иметь для рабочих Европы и Америки!

Два уважающих друг друга человека, два инженера, два коммуниста не могут согласиться друг с другом.

Значит, Мартенс против. И председатель ВСНХ Богданов решительно против. Куйбышев, наверно, за, многие колеблются. Но Ленин — это Себальд ясно чувствует — за.

И это чувство не обманывало Себальда. Нет, Ленин не принимал безоговорочно его проект, он предлагал уменьшить сумму, которую должно предоставить Советское правительство, он хотел пополнить инициативную группу, он думал даже о том, нельзя ли уговорить американского капиталиста Хаммера финансировать группу Рутгерса, он тщательно взвешивал «за» и «против». В записке перед заседанием Политбюро, на котором должен был рассматриваться вопрос о соглашении с группой Рутгерса, Ленин писал:

«...Предлагаю сначала^[15] решить в ЦК: вопрос политический. И обязано вмешаться Политбюро, ибо расход золота...

Вопрос трудный:

за: если, американцы выполняют обещанное, польза будет

гигантская. Тогда не жаль 600 000 рублей золотом.

против: выполняют ли? Хейвуд — полуанархист. Больше сентиментален, чем деловит. Рутгерс — как бы не впал в левизну. Кальверт — архиговорлив. Гарантий деловых у нас нет никаких. Увлекающиеся люди, в атмосфере безработицы, наберут группу «искателей приключения», кои кончат склокой. А мы тогда теряем часть данных нами 600 000 рублей золотом...

Риск немалый.

За: Смирнов И. Н. и Максимов (уральский) — местные люди, и они за.

Против: Мартенс должен хорошо знать американцев, и он против.

Ленин».^[16]

В своих «Воспоминаниях о Владимире Ильиче» А. Аникст пишет: «Владимир Ильич чрезвычайно серьезно ценил это начинание. Помимо политического международного значения, — ибо организация «Кузбасса» широко пропагандировала симпатию к Советской России, вербуя участников этого общества для поездки в Россию, — это должно было иметь производственное значение в буквальном смысле этого слова, а также чисто показательное значение».

А дело тянется и тянется от одного заседания СТО к другому. Уже изменены отдельные пункты, уже согласованы другие, Себальд гибок и настойчив. Он принимает одно, решительно отстаивает другое. Конца обсуждению не видно.

«Значит, и сегодня не будет принято решение или оно будет отрицательным, — думает Себальд. — Но я не соглашусь на кооперативное предприятие, подчиненное тысячам ведомств, зависимое от ВСНХ и местных организаций. Предприятие требует свободы...»

Дискуссия продолжается. Себальд все больше нервничает. Кто-то передает ему сложенный листок бумаги. Себальд разворачивает, читает:

«Дорогой т. Рутгерс! Не волнуйтесь, дело обстоит хорошо, я Вам гарантирую не только некоторую свободу, но и полную свободу. Ленин».^[17]

Соглашение еще не подписано, но 19 октября Ленин уже пишет записку В.М. Михайлову и, прилагая к ней проект решения ЦК РКП(б) по вопросу о соглашении с группой Рутгерса, просит «пустить его поскорее в круговую для членов Политбюро. Очень спешно».^[18]

В этом проекте ЦК поручает СТО:

«1) считать соглашение с группой заключенным;
2) предложить т. Богданову немедленно изготовить и дать на подпись предСТО телеграммы с наиболее срочными распоряжениями о начале заготовки дров, леса и т. п.;...

4) выдать т. Рутгерсу в субботу, 22.Х., 5000 \$ [долларов]». ^[19]
21 октября в Сибпромбюро и Сибревком отправляется телеграмма:

«Соглашение с Рутгерсом достигнуто. Согласно договору мы обязуемся заготовить к весне 50 000 бревен для работ в Кузбассе. Примите необходимые меры для безусловного исполнения. Доносите о принятых мерах телеграфно.

Пред. Совнаркома Ленин». ^[20]

Еще несколько дней, и 25 октября 1921 года договор с организационной группой американских рабочих об эксплуатации ряда предприятий Кузбасса и Урала заключен.

«Совет Труда и Оборона, с одной стороны, и организационная группа американских рабочих в лице тт. Хейвуда, Рутгерса, Байера, Кальверта и Баркера, с другой стороны, заключили между собой следующий договор...»

Быстро распределяются обязанности. Хейвуд остается в Москве представителем АИК Кузбасс, Кальверт и Баркер уезжают в Нью-Йорк организовать бюро по вербовке рабочих и специалистов для колонии. Байер вместе с имеющимися в русской эмигрантской колонии американскими сезонными рабочими отправляется в Кемерово, чтобы немедленно начать строительство жилья для будущих колонистов. Себальд едет в Голландию. Отсюда он будет координировать деятельность всех членов организационной группы, руководить подготовкой к переезду колонистов и вербовать членов колонии в странах Западной Европы.

Все дела закончены. Через несколько часов отъезд. Кажется, продумано все, но Себальд неспокоен. Если бы можно было, он поехал бы в Америку сам, но въезд туда ему запрещен. Едет Кальверт.

...Кальверт. Лоб Себальда прорезает глубокая морщина. Нет, это не недоверие. Кальверт искренне увлечен идеей Кузбасса, он хочет работать. Но Себальд слишком хорошо знает его способность преувеличивать, увлекаться собственными домыслами, его недостаточное умение разбираться в людях.

Себальд вспоминает старого нью-йоркского друга, товарища по лиге Юлиуса Хеймана. «Умница, безупречно честный, трезвый и деловой — вот кого надо будет просить следить за работой бюро. Пусть он не будет его членом, но его глаз необходим. Он сумеет вовремя предупредить меня, если возникнут трудности, вовремя даст Кальверту дельный совет». Лицо Себальда проясняется.

— Бронка, пожалуйста, запиши и срочно передай. «Председателю СТО товарищу Ленину.

Прошу расширить мои полномочия и разрешить мне самостоятельно назначать и отводить членов организационного комитета до окончательного утверждения их СТО. Рутгерс».

Через два часа Куйбышеву передают записку:

«24. X. 1921 г.

тов. Куйбышев!

Прошу Вас обсудить это с Богдановым.

Если не согласны, позвоните мне.

Я за, ибо это не есть общее полномочие, а лишь право опротестовывать личный состав «Орг. комитета»...

Ленин».

Р. С. Очень спешно, ибо Рутгерс уезжает в 5 часов».^[21]

За полчаса до отъезда раздается телефонный звонок:

— Алло, товарищ Рутгерс! Говорит Куйбышев. Мы согласны с вашим предложением. Ваши полномочия утверждены. Всего хорошего, счастливого пути.

— Спасибо, товарищ Куйбышев. До свидания.

Берлин. Себальд налаживает крупные закупки для Кузбасса и, оставив Бронку в качестве своего заместителя для дальнейшей работы, уезжает в Голландию, где находится Барта с детьми.

— Что ж, Барта, скоро, значит, опять в дорогу, — говорит Себальд, когда кончилась веселая суматоха встречи. — Пожалуй, следует заранее начинать готовиться к отъезду. Едем надолго. Надо взять с собой продовольствие, одежду, обувь, многое другое. Яну придется остаться в Голландии — ему предстоят экзамены на аттестат зрелости и в институт, а Вим и Гертруда поедут с нами. Я думаю, что через несколько месяцев я закончу свою работу здесь и можно будет ехать.

— Везет же Виму! — с завистью говорят юные филателисты,

жадными глазами провожая почтальона, разгружающего свою сумку у двери Себальда. Письма приходили отовсюду: из России, Германии, Бельгии. С Англией Себальд поддерживал связь через Тома Манна. Но больше всего писем было из Америки, от Юлиуса Хеймана и Кальверта. Эти письма были неутешительны.

Несколько человек из утвержденных в Москве кандидатов Американского бюро Кузбасса отпали: двоих не удалось разыскать, один американский коммунист, на которого рассчитывали, по горло занят, другой — против кузбасского плана. Есть опасение, что американская секция оргкомитета Кузбасса может попасть в руки руководителей ИРМ, которые все враждебней: относятся к Профинтерну и Коминтерну. Рабочее ядро бюро Кузбасса создать не удастся. Об этом сообщал личный представитель Рутгерса Юлиус Хейман.

Вслед за его письмом пришло паническое послание Кальверта: «Руководители ИРМ начали кампанию травли против Кузбасского плана. Они требуют. возвращения Хейвуда и Байера, называя их изменниками. В бюро, кроме меня, остались лишь Баркер и Госгров. Прошу утвердить членами бюро мою жену и финского товарища Мулари», — заканчивал Кальверт.

В ответ немедленно послана телеграмма:

«Госпожа Кальверт отклонена. Мулари утвержден. Включите в. бюро еще двух коммунистов и двух технических работников. Никаких споров с руководителями ИРМ. Активнейшая пропаганда во всех доступных газетах, также буржуазных.

Рутгерс».

Себальд не ошибся, настаивая на широкой пропаганде. Идея автономной индустриальной колонии в Кузбассе сочувственно встречена американской прессой. Журнал «Нэйшн» публикует содержание договора между председателем СТО Лениным и представителями американских рабочих. Четыре пункта, внесенных Лениным, приведены дословно. В буржуазном еженедельнике «Воскресный мир» о Кузбассе рассказывает статья Шарля Вуда. В Нью-Йорке и других городах страны проводятся собрания, посвященные организации АИК Кузбасс. Тем более непонятно, что «Дейли уоркер» отрицательно относится к этому плану. «Я надеялся, что они помогут нам пропагандой, но они отказались», — пишет Хейман.

Все равно идея автономной колонии в Кузбассе уже завоевала

авторитет, уже имеет своих почитателей.

Постепенно дела налаживаются. Бюро пополнено утвержденными Себальдом товарищами. Опубликован проспект АИК Кузбасса. По мнению Себальда, он слишком оптимистичен, но в основном правилен.

Решено выпускать ежемесячник «Кузбасский бюллетень».

Workers of the World, Unite!

KUZBAS

A Bulletin devoted to the Affairs of the Industrial Colony Kuzbas

Vol. I No. 1.

May 20, 1922

New York, N. Y.

5 Cents

KUZBAS

AN EFFORT TO STRENGTHEN SOVIET RUSSIA

By S. J. Rutgers (Engineer and Member of Management Board)

KUZBAS is being surrounded by so much romanticism that many workers are likely to lose sight of the solid foundation and practical importance of the project. To clear the ground of the glamour that has arisen around a rather sober "Prospectus" it would be well to state briefly what Kuzbas is NOT.

KUZBAS is no "Empire" in the sense of having any form of territorial autonomy. It is a solid part of the R. S. F. S. R. under the supervision of the Council of Labor and Defense and its institutions and will continue so to be. "Autonomous" Colony means that the Soviet authorities have guaranteed a sufficiently free hand to manage their own interior affairs in order to make possible the highest degree of efficiency. No more.

KUZBAS is no place for theorists nor for dreamers nor is it a place to try out the plans for a future society. It is a place to work and to work hard to produce as much as possible in order to strengthen the Worker's Soviet Republic's economic front against Capitalism, by the increasing production of machine industry. If we win out, then the New Society will develop its special forms; if we lose, then we will be the old slaves again.

KUZBAS is no solution for unemployment in America. Unemployment will last as long as capitalism rules, and American capitalism can continue to draw upon the workers' reserves in the devastated countries as well as the newly created countries in Europe and even Asia. Kuzbas has not been started to save individuals but to utilize the vast heritage seized from capitalism and reconstruct it on a machine basis for use of the Workers' Republic.

KUZBAS is no place for those who insist on receiving the full product of their labor in the sense that he shall have a lien on the products he produces or on the equivalent for such products. The products of labor are a social possession and no particular group of workers has a right to a

greater amount of products of his because he happens to work under more favorable social or natural conditions than the average of his fellows. The products belong to the workers only in the sense that no parasites, stockholders and the like should be allowed to share in the results of common labor.

KUZBAS is no co-operative, no productive association with possibilities for those who participate to get rich amid a starving population. The products belong to the R. S. F. S. R. and the Americans will only receive a higher standing of living for the time being because they require this standard to work with the highest efficiency. Industrial efficiency is the key to Kuzbas.

KUZBAS is no effort of workers to isolate themselves. We have had enough experience with "Socialist" colonies in capitalistic countries not to know the utter impossibility of such efforts. The only chance that Kuzbas has lies in it being a part of the R. S. F. S. R., although with sufficient autonomy to develop the highest possible technical and social efficiency. Those who do not believe in the Soviet Republic should stay home. There must be close co-operation and mutual understanding with the Soviet Government. Antagonism would only help the "Whites" and the Allied property owners. If the Soviet Government cannot stick it out, then Capitalism will swallow Kuzbas and its workers. The strengthening of the Soviet Government is not only the avowed purpose of Kuzbas, but also the most essential conditions for its continued existence.

Therefore all friends of Soviet Russia must be the natural friends of Kuzbas, and all friends of Kuzbas must see in their efforts the most efficient support of Soviet Russia in its struggle for existence, in its struggle against hunger and disorganization. Soviet Russia needs foreign engineers and workers with their skill, tools and machinery. Here is an opportunity for only those who are willing to support in PERSON by THEIR LABOR Soviet Russia.

Первый номер «Кузбасского бюллетеня», вышедшего в Нью-Йорке 22 мая 1922 года с передовой Себальда Рутгерса.

Для его первого номера Себальд пишет большую статью о будущей колонии. Он подчеркивает, что Кузбасс не уголок для мечтателей, не способ разрешить проблему безработицы в США. Тем более там не место искателям приключений или ищущим прибыли дельцам. Кузбассу нужны квалифицированные, желающие работать, самоотверженные люди, умеющие смотреть в глаза трудностям и преодолевать их.

Первый номер «Кузбасского бюллетеня» выходит в Нью-Йорке 20 мая 1922 года. С интересом встречают читатели статьи о жизни в Стране Советов. Число желающих ехать в Россию растет. «Кузбасский бюллетень» призывает к сбору денег, одежды, инструментов, медикаментов, книг для колонистов, печатает списки пожертвованного.

Себальд сообщает в Москву, что первые 150 колонистов выезжают из Нью-Йорка. Вскоре трогаются в путь будущие «айковцы» из европейских стран. Следом выезжают и Рутгерсы, в Берлине к ним присоединяется Бронка.

В один и тот же день в конце мая 1922 года из Петрограда в Голландию были отправлены два письма.

«Дорогой Ян! Я поздравляю тебя с днем рождения и желаю много, много счастья. Мы в Петрограде. И другие из Голландии уже приехали. У нас были Нелл и Коос Фис. Много здесь и американцев. Я ела щи и попробовала маленький кусок черного хлеба. Много черного хлеба я не могу есть, у меня от него болит живот. Я ложусь спать, когда еще светло. Это белые ночи, говорит мама. Мы живем в гостинице «Астория». Здесь ужасно пахнет. Это хлор, говорит папа. Вим не дает мне писать. Целую тебя крепко. Трюс».

Второе письмо получила в Амстердаме мать Нелл Фис, жены голландского техника.

«...Пароход шел к Петрограду мимо Кронштадта. Мы все были на палубе. Трудно передать, с каким глубоким чувством мы смотрели на крепость и приближающийся город. Мы все думали о тех тяжелых боях, которые еще недавно велись здесь. Никогда не забыть, как хорош был Петроград в это светлое утро.

Около девяти часов мы вошли в гавань. У причала стоял оркестр, много молодежи, рабочие в рабочих костюмах, женщины, солдаты, матросы. Мы сначала не могли понять, почему здесь так много народу. Потом нам сказали, что это встречают нас, пассажиров «Варшавы», что петроградцы пришли приветствовать иностранных рабочих, приехавших в Россию.

Когда мы ступили на землю, раздался «Интернационал». Ты знаешь, мама, так торжественно он не звучал никогда.

А потом был митинг. Ораторы говорили, какое большое значение имеет приезд иностранных рабочих для Советской России, какое политическое значение это будет иметь для тех стран, откуда мы прибыли. Мы все чувствовали, что нас принимает первое рабочее государство в мире. И в конце митинга снова раздался «Интернационал». Мы пели его все вместе: американцы, французы, венгры, немцы, голландцы. У меня слезы стояли в глазах.

А потом прошла колонна жителей Петрограда. Они не кричали, не пели, шли молча, и по лицам этих людей можно было угадать, сколько им пришлось перешить. Мы пошли к трамваям, которые ждали нас, чтобы отвезти в город. Мы знали, что была интервенция и гражданская война, знали про неурожай и голод. Но сейчас мы своими глазами увидели эти вагоны с пустыми или забитыми досками глазницами окон, увидели дома со следами войны и нужды, увидели мужчин, женщин, детей в одежде защитного цвета. И лишь сейчас мы хоть немного поняли, какое значение имеет то, что мы здесь. Эти впечатления у нас останутся навсегда.

Нас привезли в Смольный. В этом роскошном здании прежде был институт благородных девиц. Во время революции здесь был Петроградский комитет. Мы спим в больших залах. Мы обедаем в огромном зале вместе с русскими солдатами. Обед — это щи и черный хлеб. Завтра мы, вероятно, поедем дальше, для нас заказан специальный поезд. Часть едет в Екатеринбург и оттуда на Надеждинский завод, остальные в Кемерово... Ты не волнуйся за меня. Я рада, что я здесь».

Когда Себальд после полугодичного отсутствия вернулся в Россию, в стране начала осуществляться новая экономическая политика. Все силы и средства были брошены на то, чтобы восстановить промышленность, облегчить жизнь обнищавших во время войны крестьян и рабочих. Но Ленин говорил, что в настоящее время невозможно ни содержать все предприятия, ни восстановить крупную промышленность целиком, что надо выделить то, что лучше оборудовано, что обещает большую производительность, большую отдачу. В первую очередь стране нужен был уголь. Договор с группой Рутгерса был поэтому крайне своевременен.

«...Несомненно, что Надеждинский завод на Урале, с одной стороны, и Кемеровские копи, с другой, являются предприятиями высокой государственной важности и поддержка их чрезвычайно необходима.

...Условия текущего хозяйственного года с особой наглядностью показывают нам, что своими собственными средствами мы не можем

посягать в ближайшее время на развертывание таких крупных хозяйственных единиц, почему и весь договор с экономической точки зрения является для нас крайне целесообразным», — писал председатель Госплана Кржижановский заместителю управляющего СТО В.А. Смольянинову.

Но объем работ, предусмотренных договором с группой Рутгерса, был очень велик и требовал больших капитальных вложений, невозможных при существовавшем финансовом положении, Кржижановский предлагал:

«...Немедленно прекратить набор новых рабочих в Америке, вызвать членов правления — американцев для переговоров здесь, на месте, и переделать весь договор, задавшись гораздо более скромными целями; разработать деловую программу будет, конечно, нелегко, но все же эта задача разрешима, в особенности по отношению к Сибири, где больше всего нуждаемся в надлежащим образом подготовленных рабочих и техническом персонале».

Между тем СТО назначил своим представителем в правлении АИК Кузбасс вернувшегося из Америки русского В.С. Шатова. После Октября он отказался от своих анархистских заблуждений и отдался делу революции. Себальд, приехав из Петрограда в Москву, поспешил встретиться с ним.

Из разговора с Шатовым становится ясным, что прежний договор нужно переделать и присутствие Себальда для этого необходимо.

А из Кемерова поступают тревожные сообщения о спорах, серьезных конфликтах между американскими сезонными рабочими и местными руководителями Кузбасстреста. Необходимо немедленное вмешательство. В начале июня Хейвуд выезжает в Кемерово Себальд остается в Москве, чтобы закончит работу над изменением договора.

7 июня Шатов представляет доклад СТО:

«Положение Кузбасса (группа Рутгерса) следующее: американские рабочие начали прибывать в Россию отдельными партиями...

Все прибывающие рабочие снабжены продовольствием на год, инструментом и одеждой. Кроме того, первая партия привезла с собой трактор, семена и проч., а очередная партия привезет с собою, помимо горного инструмента для Кемеровских копей, еще 3 трактора...

После отъезда первой партии рабочих мы приступили к реализации полученных в свое время смет на постройку жилья в Сибири и обработку 3000 дес[ятин] земли...

Тем временем Концессионный комитет ВСНХ разработал проект дополнительного соглашения с колонией, и теперь остается только

согласовать его с Рутгерсом. В общем и целом тов. Рутгерс, оставаясь на почве основного договора, согласен внести в него определенные коррективы и уточнения...

Учитывая все трудности перенятия предприятий Кемеровского района в условиях нашей новой экономической политики, тт. Рутгерс и Хейвуд склоняются к мысли о необходимости оставления этих предприятий в руках нынешней администрации с тем, однако, чтобы переход их в ведение колонии осуществился не позже начала следующего операционного года, т. е. к 1 октября с.г. До этого срока американские рабочие будут частично заняты постройкой жилья и подготовительной работой на ферме, а остальные должны будут начать работать под началом нынешней администрации, пополненной представителем колонистов...»

Через несколько недель предварительный проект нового договора закончен. На Волхонке, в московской штаб-квартире, как ее называет новый управляющий делами АИК Кузбасс Борис Фут, облегченно вздыхают: «Теперь как будто все!»

На следующий день Себальд уехал в Петроград, за Бартой и детьми.

Месяц, который Себальд провел в Москве, Барта не потеряла даром. Перебравшись из «Астории» в детский дом в Царском Селе, она старательно учила воспитательниц детдома английскому и немецкому и сама с увлечением занималась русским. Вим и Гертруда не отставали от нее. Теперь, разговаривая с отцом, они с гордостью вставляли в голландскую речь русские слова и фразы.

— Ну, ну, — посмеивался Себальд. — Если такая энергия и темпы будут у всех колонистов, успех обеспечен.

Снова к транссибирскому экспрессу прицеплен специальный вагон. Председатель правления АИК Кузбасс с семьей и секретарем Бронкой едет к месту своей работы. Медленно тянутся дни. Долгие остановки на вокзалах. Печально и робко смотрит Гертруда на спящих вдоль поезда маленьких оборванцев, на их нарочито нахальные лица и грустные глаза. В ее русский лексикон входит новое слово — «беспризорник».

Поезд идет и идет. Наконец-то Екатеринбург. Здесь Себальд решает сделать остановку, чтобы посетить Надеждинский завод. Год назад он видел его полумертвым. Сейчас вместо одной домны работают три. Ожили прокатный цех и литейная, теплым запахом смолистой стружки встречает столярная мастерская. Несколько жилых домов ждут новых поселенцев.

Полгода назад прислали сюда группу иностранных рабочих, уже находившихся в России. Около двух месяцев назад приехали первые

рабочие Автономной индустриальной колонии — «айковцы». Сейчас здесь около 70 колонистов, а как изменился завод!

Оказалось, что завод был не так разрушен, как думали сначала. Половина оборудования, валявшегося под открытым небом, не была безнадежно испорчена. Его чистили, приводили в порядок, ремонтировали. Лишь десятая часть была совершенно погублена. Но рабочие могли бы сделать гораздо больше, если бы инженеры не мешали им на каждом шагу.

Колонисты быстро нашли общий язык с местными рабочими. Особенно сдружились с ними два француза, Гайер и Форже. Они учили своих новых товарищей прогрессивным методам труда, рационализации работ.

Мало-помалу русские и иностранные рабочие вместе преодолевали скрытое хитрое противодействие администрации, целиком состоящей из прежних специалистов. Эти люди до сих пор оставались верны своему прежнему шефу, бывшему владельцу завода барону Таубе. С бессильной яростью смотрели они, как постепенно оживает завод под руками «этих полуголодных пролетариев и примчавшихся к ним на помощь иностранных рабочих».

Себальд сумел дать энергичный отпор приверженцам Таубе — у него были не только полномочия, но и солидные инженерные знания. Попытки специалистов доказать невозможность той или иной работы разбивались о них.

— А если будут новые вопросы, которые мы сейчас не можем обсудить, вы решите их с нашими специалистами, которые скоро приедут, — невозмутимо добавлял Себальд.

Саботажники поняли, что их независимому положению наступает конец. Единственное, что им оставалось, — доложить о грозящей опасности своему бывшему хозяину. Через несколько дней после приезда Себальда два ведущих инженера отправились в Екатеринбург к Таубе.

— Что нам делать? Это неслыханно. Современная наука и техника идут на службу к коммунистам.

Угощая своих приближенных крепким чаем, Таубе спокойно объяснял им, какая тактика теперь нужна, чтобы обломать крылья проклятому голландцу.

А в тот же вечер в клубе Надеждинского завода состоялось партийное собрание русских и иностранных коммунистов. Много надо было обсудить, о многом посоветоваться. Мысли латвийца Симона Берга подкреплял практический опыт французов Гайера и Форже. Вносили свои предложения русские коммунисты. Себальд сводил выступления всех в

четкий технический план. Вронка еле успевала переводить. И лишь одно не требовало перевода — слово «интернационал».

Этим словом и закончил свое выступление Симон Берг:

— Мы приехали сюда из разных стран, чтобы вместе с русскими товарищами участвовать в строительстве советской индустрии. У нас здесь маленький интернационал, так будем верны его заветам — вместе бороться и побеждать.

Снова в поезде. Вим и Гертруда читают. Барта, Себальд и Бронка глядят в окно.

— Они еще зададут нам работу, — прерывает молчание Себальд, — барон Таубе и компания. Они крепко засели здесь. Все наши нововведения они встречают в штыки, распространяют о нас чудовищные слухи.

— Но если ты это так твердо знаешь, почему ты не требуешь их устранения? — спрашивает Бронка.

— Устранить их не так-то просто. Они пытаются нас дискредитировать, ссылаясь на свой опыт, свои знания техники, убеждают, что мы не справимся. Мы должны бить их их же оружием, доказать, что можем без них добиться технических успехов, доказать силу нашей организованности. В конце концов многие поймут это и придут к нам, а тех, кто останется по ту сторону... Но мы должны доказать, что мы можем.

Поезд идет на восток, за окном вагона тянутся бескрайние сибирские леса.

Ново-Николаевск. Управляющий Кузбасстреста Бажанов встречает Себальда со сдержанной любезностью.

— Но знаете ли вы, товарищ Рутгерс, что у руководства Кузбасстреста есть серьезные соображения, по которым мы считаем нецелесообразным передать вашей колонии предприятия Кемеровского района? — говорит он.

— По этому вопросу имеется решение СТО, — возражает Себальд.

— Я ничего не понимаю, — возмущается Бронка по дороге на вокзал. — Он ведь не связан с прошлым, как инженеры в Надеждинске. Он коммунист. Почему он против?

— У него другой взгляд на вещи. Может быть, не верит в наши силы, может быть, считает, что без иностранного капитала не обойтись и нужна простая концессия, или хочет справиться сам, своими силами.

В конце мая прибыли в Томск. Барта и дети остались здесь: в Кемерове еще нет средней школы, которую должен посещать Вим. Себальд и Бронка поехали дальше.

Какой сюрприз готовит Кемерово? Около ста эмигрантов-сезонников, присланных из Москвы, работают там с декабря. Удалось ли Хейвуду

справиться с ними?..

Себальд знал быт американских сезонников. Зимой они пилят и рубят лес. Живут в бараках, которые сами построили. Холод такой, что стволы звенят. Здоровенные, крепкие, независимые парни, сами себе хозяева. Весной и летом они отправляются на восток, работают в крупных сельских хозяйствах, опять далеко от хозяйского глаза. Здесь они становятся шоферами, трактористами. Они привыкли к этой свободной жизни, большинство из них тяготеют к анархистам. Как и Хейвуд, они члены ИРМ.

Ранним утром Себальд и Бронка начали первый обход Кемерова. С высокого правого берега они увидели поселок, лежащий на низком левом берегу Томи. Маленькие деревянные дома с подслеповатыми оконцами, порой окруженные огородиками. Несколько деревьев, кустиков. В конце селения длинные кирпичные строения, предназначенные под мастерские. Большинство мастерских не работает. В стороне каменные фасады начатых до войны химического завода и электростанции. Строительство давно заброшено, лишь две огромные трубы смотрят в небо.

А здесь, на правом берегу, круто обрывающемся в реку, каменный дом бывшего управляющего концессией «Копикуз». Вдали видны деревянные вышки шахт, одноэтажные деревянные дома служащих Кузбасстреста. Ближе к лесу большой незаконченный двухэтажный дом — первая работа американских сезонников. По обеим сторонам Томи в вагонах, в палатках живут колонисты, недавно приехавшие из Америки. Лишь немногим нашлось место в бараках. Изредка по канатной дороге над рекой проплывает вагонетка, груженная углем, и пустая возвращается обратно.

Колонисты уже ждали приезда Рутгерса. На него посыпались жалобы, обвинения, упреки:

- Паровые котлы, станки, машины валяются беспризорными.
- Нет порядка, нет руководства.
- Нам не дают работы!

И во всех жалобах — на английском, немецком, голландском, венгерском — одно и то же имя: Ангевич. «Ангевич не дает нам работать». «Ангевич не пускает нас к машинам».

Первая группа колонистов — 62 человека — прибыла в конце мая, недавно приехали еще 100, и все твердят одно: «Мы болтаемся здесь, как бездельники».

— Вот посмотрите. — В руку Себальда ложится бумажка. В ней черным по белому:

«Американский колонист Джон Вебе по небрежности и неумению неправильно включил мотор в лесопилке и сжег его. По вине этого

неквалифицированного рабочего предприятию нанесен большой ущерб. Впредь всем приехавшим из-за границы колонистам строго запрещается работа у машин и во всех мастерских Кемерова.

Ангевич, управляющий Кемеровского района.

Кузбасстрейта».

— А Хейвуд? — спрашивает Себальд. — Разве он не мог отстаивать ваши права?

— Что Хейвуд! Он торчит у своих сезонников. Больше ему ни до чего нет дела.

Себальд и Бронка направились к двухэтажному деревянному дому, построенному американскими сезонниками, пока единственному достижению колонии. Перед ними развернулась ошеломляющая картина. Возле дома на груде досок, окруженный строителями, восседал Хейвуд. В левой руке он держал клочок бумаги, в правой — карандаш. Сделав какую-то отметку, он засовывал бумажку в левый карман, а из оттопыренного правого доставал пачку денег, отсчитывал несколько купюр и передавал их стоящему возле него рабочему. Потом подходил другой, и все начиналось заново. Бумажка в левый карман, деньги из правого в руку рабочего. Так выглядели методы расчета и бухгалтерии, принятые в ИРМ.

И все-таки в течение немногих месяцев они построили этот двухэтажный дом более чем на двести человек, с общественной столовой. Но это построено без всякого проекта. Все делается по-домашнему: работа и зарплата, без контроля, без плана.

Себальд знал стиль работы американских сезонников. Технические вопросы до мельчайших деталей каждодневно обсуждались на собрании рабочих. Часами длились обсуждение и споры. Было чудом, что при такой трате времени работа все-таки шла. Все это надо изменить, и немедленно. Себальд энергично взялся за дело.

Поддерживаемый партийной организацией и профсоюзом, Себальд вынуждал Ангевича принимать все свои предложения, все больше ограничивал его власть, шаг за шагом отвоевывал почву у прежнего правления.

Руководство работой временно передали треугольнику: Себальду, Хейвуду и Ангевичу. Приказ не допускать колонистов к машинам отменили.

Среди первой группы приехавших в Кемерово колонистов был голландский инженер-строитель Баарс, ему поручили возглавить строительство домов.

— Пора кончать с собраниями и дискуссиями, с решением

технических вопросов путем голосования, — объяснял Себальд сезонникам. — Вами будет руководить инженер Баарс.

Зная, что Баарс в течение долгого времени работал в голландских колониях на Яве, Себальд не забыл предостеречь его: надо ясно представить себе сложность положения. Надо проявлять большой такт. Сезонники исключительно дельные и способные люда, но они, как дикие кони, не привыкли к узде.

Себальд не предотвратил стычку инженера с сезонниками. Собравшись однажды по старой привычке на излюбленном месте собраний под открытым небом, они, бросив работу, обсуждали какой-то технический вопрос.

— К черту! — заорал подбежавший Баарс. — Что за разговоры? Вы обязаны делать так, как я приказываю. Довольно болтовни, здесь решаю я.

— Проклятый плантатор!

— Ты думаешь, мы тебе индийские кули!

— Хватайте его, ребята, в реку!

Сильные руки сезонников уже протянулись к Баарсу.

Положение спасла оказавшаяся невдалеке Бронка.

— Товарищи, товарищи! — на бегу кричала она. — Мы должны вместе... Вы — рабочие и инженеры. Надо работать дружно. Товарищи, вы должны подчиниться...

Постепенно Себальд всё крепче брал в свои руки бразды правления. «Дисциплина — это основное», — с этой мыслью он начинал свой рабочий день. Это требование определяло все его поступки.

Колонистов, открыто проповедующих анархизм и противящихся каждому распоряжению, без долгих разговоров отправили на родину. Таких было 23 человека.

Во Владимирской шахте до сих пор почти не велись работы. Ее полностью передали колонистам.

Одну из двух имеющихся лесопилок также передали «аиковцам». Заказы для дома-коммуны и жилых домов теперь выполняли сами колонисты. В механической мастерской, которую отдали в их распоряжение, иностранные механики, по определенным заданиям изготавливали инструмент и детали, нужные производственникам.

Вскоре приехала новая группа американцев. Среди них было несколько долгожданных специалистов. Горного инженера Пирсона назначили начальником шахт. Коммунист Ган, имевший большой опыт административной работы, взял на себя заведование всеми материалами. Их учет, систематизация, прием и выдача были теперь в надежных руках.

Уже чувствовался порядок, контроль, разумное руководство.

И все-таки каждый день мог грозить неприятными неожиданностями: единого коллектива в колонии еще не было.

Американская колонистка Дойл, издалека пленившаяся Кузбассом, приехав сюда, быстро разочаровалась. Никакой специальности у нее не было, единственное, что она умела, — шить. Ей выдали ордер на комнату в доме-коммуне с тем, что она будет одновременно использована под жилье и швейную мастерскую.

— Хоть какая-нибудь польза будет от Дойл, швейных работ всегда много, — говорил Себальд, подписывая вместе с Хейвудом ордер на вселение.

И вот сейчас Дойл стоит в конторе Себальда, визжа и ругаясь, угрожая и проклиная всех.

Себальд был очень занят, его ждали в мастерской. Дойл загородила дверь.

— Комрад Рутгерс, комрад Рутгерс! — кричала Дойл. — Это неслыханно, это насилие!

— Успокойтесь, я вернусь через час и тогда выслушаю вас.

— Нет, сию минуту, я не выпущу вас. Это насилие, насилие. Мои вещи выбросили из комнаты. Мою комнату заняли...

— Что случилось? Кто занял?

— Эти три парня, эта банда. Они ворвались в мою комнату, выбросили мои вещи.

— А вы предъявили товарищам ордер, который получили от управления?

— Ордер? Вы знаете, что они сказали? «Катись со своим ордером!»

— Успокойтесь, товарищ Дойл, комната останется за вами. — Обернувшись к Бронке, Себальд сказал: — Это очень серьезно. Сегодня после конца работы созови, пожалуйста, общее собрание колонистов. Присутствие всех обязательно.

Зал для собраний переполнен. За длинным столом в президиуме Себальд, Бронка, Хейвуд, два шахтера. Председательствует Хейвуд.

— На собрании один вопрос — дисциплина, — объявляет Хейвуд. — Слово имеет товарищ Рутгерс.

— Дисциплина, опять дисциплина, надоело! — раздаются выкрики в зале.

Себальд терпеливо ждет, пока наступит тишина.

— Товарищи, созвать это собрание меня вынудил сегодняшней случай. Трое колонистов силой захватили комнату в доме-коммуне, которая была

предоставлена товарищу Дойл под жилье и мастерскую. Ордер подписан мной и Хейвудом. Те, кто самовольно нарушил наше распоряжение, должны немедленно освободить комнату.

— И не подумаем. Мы шахтеры. Мы целый день под землей. Мы устаем, как собаки, нам нужен отдых. А тут какая-то мещанка, лодырь, шитейная барышня получает хорошую комнату!

— Правильно, правильно! — кричат в зале. Хейвуд тщетно пытается навести порядок.

— Голосовать! — кричат колонисты. — Кто за то, чтобы Джон, Билль и Генри остались в комнате?

Лес рук подымается кверху.

Себальд спокойно ждет, пока установится тишина, и говорит медленно, четко выговаривая слова:

— Вы прервали меня и решили вопрос самостоятельно. Большинство голосов вы решили не подчиняться постановлению, принятому руководством. В таком случае вы должны проголосовать еще раз.

Себальд останавливается, смотрит на Хейвуда. Тот утвердительно кивает головой. В зале мертвая тишина.

— Так вот, вы голосуете вторично. Дело в том, что товарищ Хейвуд и я решили отказаться от руководства колонией. Либо вы считаетесь с нашими распоряжениями и будете считаться с ними впредь, либо... Товарищ Хейвуд, прошу провести голосование.

Минутную тишину разрывают взволнованные выкрики. Джон, Билль и Генри вскакивают:

— Товарищ Рутгерс, мы освободим комнату. Товарищ Рутгерс, мы совсем не так думали. Да ну ее к черту, эту Дойл: Но мы за руководство, мы за дисциплину.

— За наше руководство, за дисциплину, — многоголосо поддерживает собрание, и кверху снова взлетают руки.

Собрание закончено. Но колонисты не расходятся. Общее напряжение разряжается веселыми шутками, смехом. Люди собираются кучками, обсуждают происшедшее. «Ну конечно, мы за дисциплину. Нашу, пролетарскую, революционную».

— Это была проба сил, Себальд. А если бы они голосовали против? — спрашивает Бронка на обратном пути домой. — Ты был так уверен в благополучном исходе?

— Совершенно уверен. Мы строители, Бронка. У нас есть планы, и мы хотим творить. Но если у нас нет материала или материал негодный, как можем мы построить? Здание все равно скоро рухнет. Но ты видишь, у нас

хороший материал.

3 октября Себальд получил телеграмму. Его вызывали на заседание комиссии СТО по рассмотрению бюджета АИК.

Заседание, посвященное рассмотрению бюджета АИК Кузбасс, открывает председатель Госплана Кржижановский. Первое слово предоставляется члену Госплана инженеру Федоровичу, бывшему директору-распорядителю французско-бельгийского акционерного общества «Копикуз».

Федорович говорит спокойно, уверенно, тщательно взвешивая каждое слово.

— Так называемая АИК кажется нам экономически нежизнеспособной.

Он приводит арифметические выкладки. Цифра следует за цифрой. Они убедительно доказывают, что при нынешних условиях превратить АИК в прибыльное предприятие невозможно.

— Я понимаю сложность своего положения, — продолжает Федорович. — Все знают, что я был служащим прежних владельцев Кемеровских шахт, но честность требует, чтобы я откровенно высказал свое мнение. При трудном хозяйственном положении страны нам может помочь только иностранный капитал. Сдача Кемеровских рудников иностранной концессии — единственное, что, по моему убеждению, может быть выгодно для хозяйства нашей Родины.

Кржижановский слушает молча. Когда выступление кончено, он произносит:

— Спасибо. А ваше мнение, товарищ Рутгерс?

— Аргументы инженера Федоровича приводят меня к противоположным выводам. Даже при том, что средства, которые может предоставить нам сейчас Советское правительство, невелики, при том, что оборудование, инструмент, продовольствие, привезенное колонистами, далеко не достаточно удовлетворяют наши нужды, я считаю, что независимость предприятия от иностранного капитала имеет решающее экономическое и политическое значение.

— Спасибо. Инженер Рабинович, слово предоставляется вам, — произносит Кржижановский. Его руки листают докладную записку, заранее представленную Рабиновичем, руководителем угольной промышленности. Она направлена против колонии. Что же он скажет еще?

— Я полагаю, что руководители колонии слишком упрощенно представляют себе ее бюджет. Учитывают ли они, что расходы будут непрерывно возрастать? Я просил бы, чтобы инженер Рутгерс ответил

нам... — Он предлагает вопрос за вопросом, и каждый, как удар. Известно ли, что не хватает этого, не хватает того? Сплошные минусы. — Конечно, цели АИК благородны, но... Приходится учитывать факты, цифры, расчеты. Да, инженер Рутгерс, мы вынуждены считаться с печальной действительностью. Впрочем, имеется и письменное мнение профессора Бокия, которое уже передано нашему председателю.

Записка профессора Бокия лежит перед Кржижановским, его заключение уклончиво, но не уничтожающее.

Бронка смотрит на Себальда. Его лицо уверенно и спокойно. Ей кажется, он даже не слушает толком, что говорят противники. Но ведь никто не сказал ни слова «за».

— Себальд, — тихонько говорит она, — о чем ты думаешь? Наше дело проиграно.

Себальд поворачивается к ней. В его глазах усмешка.

— Проиграно? Ничего подобного. Кржижановский за нас.

— Откуда ты знаешь? Он не сказал ни слова.

— Именно поэтому.

— Я не понимаю тебя, Себальд. У тебя совсем отсутствующий вид. О чем ты думаешь?

— Я? О письме, которое мне давно хочется написать Ленину.

Кржижановский поднимается для заключительного слова.

— Комиссия Госплана за дальнейшее развитие АИК Кузбасс и будет оказывать колонии всемерную поддержку. В договор следует внести некоторые изменения...

24 октября. Осенние сумерки спустились над Москвой. Настольная лампа освещает человека за письменным столом, голова оперлась на ладонь. Зоркие глаза под высокими надбровьями сосредоточенны и задумчивы. Человек выпрямляется, придвигает бумагу, и размашистые строчки догоняют друг друга.

«Дорогой товарищ Ленин!

Радостный и растроганный, я снова пишу Вам несколько слов о Кузбассе.

Я считаю, что неизбежные вначале трудности в основном преодолены. Мы закончили техническую и организационную подготовку и жаждем приступить к настоящей работе. За это короткое время приобретенный нами довольно богатый и ценный опыт показал следующее:

1. Что касается деталей, то первоначальное соглашение не выполнено и не может быть выполнено, основная же идея остается правильной.

2. Число предусмотренных для работы в Кузбассе рабочих может и должно быть сокращено, число же техников и инженеров увеличено. Эти последние должны быть частично завербованы за высокую цену на американском рынке...

Достигнутые результаты:

На Над[еждинском] заводе группа рабочих, численностью около 70 человек, во главе с инженером Ван-Гоффеном, проделала очень интересную работу... Группа не только отремонтировала и оборудовала необходимые дома, но также продемонстрировала свою компетентность и энергию при ремонте и монтаже одной громадной машины и в других заводских операциях.

...Все ошибки в организации были учтены, и на этой основе можно было составить новую и более гибкую программу. Сейчас планы обсуждаются в Госплане, причем фирма «Барон Таубе и компания» делает все возможное, чтобы защитить старые методы и воспрепятствовать внедрению новых.

В Кемерове начало работ было менее удовлетворительным из-за нехватки технического персонала. Я смог прибыть на место только 1 августа, и вскоре после этого туда приехал также один очень дельный американский горный инженер, Альфред Пирсон, имеющий большой опыт практической работы в Америке. Нам быстро удалось организовать технический штаб и ввести необходимую дисциплину. 23 человека рабочих, которые, по нашему мнению, не подходили для бригады, были отосланы обратно. И все-таки был построен большой двухэтажный дом-коммуна, рассчитанный на 200 жильцов, половина которого вместе с общественной столовой уже находится в эксплуатации. Затем построили несколько домов и один барак и провели ряд ремонтных работ. Была построена лесопилка и оборудованы служебные помещения.

...Американские горнорабочие, которые до настоящего времени работали вместе с русскими, теперь самостоятельно работают в одном из рудников под руководством инженера Пирсона. Для обеспечения внутренних потребностей колонии оборудован целый ряд мастерских.

Было также положено начало нашему механизированному сельскому хозяйству — четырьмя тракторами было вспахано 1200 акров земли, а кроме того, построено несколько зданий.

Теперь перед нами стоит задача немедленно взять под наше попечение химический завод, так как иначе он придет в совершенную негодность. В области химии у нас работает один очень дельный и опытный инженер из Америки, доктор Малер, а также три молодых ассистента.

Отношения между американскими и русскими рабочими очень хорошие, несколько хуже с русскими техниками...

Нам будет нужна довольно большая свобода действий в делах управления, так же как и твердая поддержка при преодолении большого и малого, противодействия, которое Вам хорошо известно...

С сердечным приветом

С. Ю. Рутгерс».

30 октября Рутгерс и член правления АИК американский коммунист Риз направляют в СТО предложения по изменению договора с АИК Кузбасс.

«...Вполне ясно... что первоначальный договор не был и не мог быть выполнен, так как был заключен до того, как нэп успел принять теперешнюю форму... В то же время ясно, что первоначальная форма организации, основанная больше на пропаганде, чем производстве, с организационным комитетом и правлением в числе 15 человек, должна быть отменена... Самой лучшей формой является правление из трех лиц: одного в Кемерове, одного в Надеждинском заводе, одного в Москве, причем это правление имеет полную власть и контроль над всеми работами в Нью-Йорке и других странах, а каждый из членов отвечает за свою работу...»

Необходимость более жесткой организации была связана с нэпом. Теперь требовался строжайший хозрасчет, резкое повышение производительности труда, максимальная отдача на каждый вложенный рубль. Добиться этого можно было только при единой четкой линии руководства, при единоначалии.

СТО принял предложения Рутгерса и Риза. Был разработан новый договор с АИК Кузбасс и утверждено правление колонии из трех лиц — Рутгерс, Шатов и Риз.

Ноябрь 1922 года. IV конгресс Коминтерна. Ленин делает доклад «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции».

После доклада Ленин усталый идет по коридору Большого Кремлевского дворца. Себальд хочет заговорить с ним, но не решается. Ленин узнает его, подходит, крепко пожимает руку.

25 декабря подписан новый договор с представителями АИК Кузбасс. Себальд возвращается в Кемерово.

Бланк правления АИК Кузбасс.

Четвертый час длится собрание колонистов. Обсуждается новый договор, введение 17 категорий, дифференцирующих зарплату, и вопрос об удержании стоимости питания из заработка.

«Неужели каждый из трехсот присутствующих хочет высказать свое мнение? Ведь этому не будет конца, — думает Себальд. — И опять эти люди, которые вечно мешают и разрушают дисциплину колонии».

Разгоряченные лица, страстные речи анархистов, не желающих подчиняться ничему и никому.

— Еще двадцать человек неисправимых последователей ИРМ не удержатся здесь, — тихо говорит Себальд сидящей рядом Бронке.

Один из этих двадцати особенно возбужден. Он взлетает на сцену, яростно ударяет кулаком по столу.

— Товарищи! — кричит он. — Мы за принцип равенства. Инженер будет получать первую категорию, а я, рабочий, десятую. Измена революции!

Слово берет голландский инженер коммунист Струйк.

— Наша колония не благотворительное учреждение, а хозяйственное предприятие. Она должна работать без убытка. При существующем положении самое главное для Советской России — поднять производительность труда. Это возможно лишь при дифференцированной оплате.

— Правильно! — раздаются возгласы.

— Мы хотим работать, работать с напряжением всех сил Для Советской России.

— Нас привела сюда не жажда наживы.

Выступают представители райкома партии и профсоюза. Наконец голосование. Подавляющее большинство за принятое в стране изменение системы заработной платы. Около тридцати человек голосуют против.

— Себальд, ты преуменьшил число недовольных, — замечает Бронка.

— Что ж, значит, не двадцать, а тридцать человек вернутся в Америку. Хорошо, что среди них Дойл.

В колонии введены 17 категорий заработной платы, но независимо от ее размера у каждого колониста вычитается 60 процентов заработка за питание, жилье, прачечную и другие коммунальные услуги. При этом каждый получает достаточное количество продуктов на месяц или трехразовое питание в общественной столовой.

Таким образом, всем в одинаковой степени обеспечен жизненный стандарт и при этом введена новая система заработной платы.

Колония избавилась от балласта. Смутьяны уехали. Но едва они пересекли советскую границу, как стали распространять чудовищные рассказы о Кузбассе. Особенно старалась, приехав в Ригу, Дойл. Жалоба следовала за жалобой, обвинение за обвинением.

Буржуазное правительство Латвии с восторгом прислушивалось ко всему, что можно было обратить против Советского государства. Но полностью Дойл развернулась в США. «Нью-Йорк тайме» стала печатать фантастические истории об ужасах Кузбасса. Чем чудовищней клевета, тем выше она оплачивается. Дойл не была одинока. Нашлись и другие недовольные, которые присоединились к ней.

«Люди в Кузбассе голодают. Есть только бобы и каша. Медицинская помощь отсутствует, ближайшая американская поликлиника находится в десятках километров. Голод, болезни, нищета. Люди мрут как мухи», — вот

неполный перечень ужасов, который преподносила читателям «Нью-Йорк тайме».

Среди вернувшихся в США были и другие люди. Они доброжелательно рассказывали о Кузбассе, но их голоса тонули в общем хоре недовольных.

Клеветническая кампания вызвала широкий отклик. Против Кузбасского бюро в Нью-Йорке возбудили судебное дело. Бюро обвиняли в том, что оно вербовало рабочих для АИК Кузбасс, организовывало их переезд в Россию и, скрывая правду о жизни в Кемерове, обрекло уехавших туда американских граждан на голодную, страшную жизнь. Несколько членов бюро арестовали, вся документация была конфискована.

И тут обвинение против нью-йоркского бюро АИК получило новый «материал». Трагический случай дал новую пищу для травли АИК. В Кемерове опрокинулась лодка, перевозившая людей через Томь.

Следствие установило, что катастрофа произошла по вине пассажиров, которые нарушили приказ правления колонии, запрещавший переезжать Томь без рулевого. Не дождавшись отлучившегося ненадолго рулевого, люди сами повели лодку. Спасти удалось немногих. 16 русских и один венгр утонули.

Этот случай разбирался на общем собрании колонии, установили, что виноваты сами пассажиры.

Однако, несмотря на решение следственной комиссии и собрания, нашлись люди, которые отправили в московскую «Рабочую газету» письмо, обвинявшее в несчастье администрацию АИК. Оно было напечатано.

Против этой заметки выступили Кемеровский райком партии, райком профсоюза и рудоуправление. Вот что они писали редактору «Рабочей газеты»:

«...Американская буржуазная пресса, которая не перестает вести травлю колонии Кузбасса, несомненно, сумеет использовать этот материал и приобщить его к делу арестованного в настоящее время в Америке Комитета колонии в количестве 9 человек.

Как Вам известно, колония Кузбасс в Кемерове является организацией американских рабочих, приехавших в Советскую Россию для того, чтобы помочь русским рабочим укрепить и восстановить хозяйство республики Советов.

Вполне сознавая, какую громадную ответственность перед Коминтерном и всем пролетариатом несет эта небольшая группа рабочих, мы просим Вас осторожнее относиться ко всякого рода заметкам по поводу колонии, тем более что враги колонии в России в лице бывших владельцев

копей также ведут травлю против колонии и имеют, очевидно, здесь своих агентов.

Для нас совершенно ясно, что эта заметка написана именно с целью подорвать авторитет колонии и возбудить национальную вражду в колонии... От начала до конца вся статья проникнута национальной ненавистью к американцам, что подчеркивается в заметке несколько раз.

С коммунистическим приветом
президиум райкома РКП,
президиум райкома ВСГ, рудоуправление».

Об этом письме в Нью-Йорке, конечно, не знали, но его авторы правильно предвидели, что сообщение о несчастье в Кемерове будет приобщено к «делу».

Враги колонии в Америке ликуют, но демократическая общественность протестует против обвинения, предъявленного Кузбасскому бюро. Защиту его безвозмездно берет на себя известный нью-йоркский адвокат Артур Гарфилд Хей.

Себальд выступает в «Кузбасском бюллетене» со статьей, он доказывает, что нападки на бюро несостоятельны.

«Условия, в которых находятся американские колонисты в Кемерове, — пишет Себальд, — несомненно, значительно лучше, чем можно было ожидать при данных обстоятельствах. При помощи честных свидетелей и фотографий защите будет нетрудно доказать, что жизнь иностранных рабочих в Кемерове земной рай по сравнению с жизнью рабочих во многих местах Америки и Европы. Кроме того, следует вспомнить о четырех пунктах, внесенных Лениным, которые подписал каждый колонист. Поэтому не может быть и речи ни о каких претензиях к организационному бюро АИК в Нью-Йорке».

Обвинения против бюро были отведены как необоснованные, его деятельность признана законной. Членов бюро освободили, документы были возвращены.

Бюро с удвоенной энергией начинает работу.

«Кузбасский бюллетень» публикует очерки и фотографии о жизни Кузбасса, статьи о Советской России, организует помощь колонии. Перед глазами читателей проходят списки продовольствия, одежды, инструмента, книг, спортивного инвентаря, суммы денег, пожертвованных американцами, сочувствующими колонии.

Создается Кузбасский комитет крупных американских специалистов для безвозмездной помощи колонии технической консультацией. Среди

членов комитета известный инженер-электрик доктор Карл Штейнмец. В статье, опубликованной 29 июля 1923 года в «Кузбасском бюллетене», Штейнмец пишет: «Меня очень интересует Кузбасс, и я многого от него жду. Каждый, кто связан с этим предприятием, знает или должен знать, что он участвует в создании лучшего мира».

В феврале 1923 года Кузбасстрест официально передал предприятия Кемеровского района АИК Кузбасс. Автономная индустриальная колония стала действительностью, получила свой особый устав. К этому времени в колонии было уже 3000 рабочих, среди них 300 иностранцев.

Правление ставило перед собой задачу добиться высокого технического уровня производства. Для этого надо было наладить гибкую и четкую систему учета и статистики, которая просто и ясно отражала бы производственные процессы. На стол Рутгерсу каждое утро клали сводки о работе каждого участка.

Это давало возможность оперативно руководить деятельностью предприятия.

— Мы должны показывать пример, — объяснял Себальд. — Наша цель будет достигнута, когда технический уровень и методы управления АИК распространятся на все предприятия Кузбасса. Работа шла лучше и лучше, но политическая зрелость колонистов росла медленно и трудно.

— Я не пойму, Себальд, — жаловалась Бронка. — У нас здесь люди более двадцати пяти национальностей, вавилонское смешение языков. Но это ведь рабочие, пролетарии. А многие живут особняком, сторонятся друг друга, особенно финны. — Она замолчала и потом тихо добавила: — Твои письма снова были распечатаны, а письмоносец у нас финн.

Среди колонистов была группа финских рабочих. Они работали хорошо, но держались отчужденно и замкнуто, к Себальду относились настороженно, с недоверием. Себальд понимал, что поведение финнов, людей национальности, которую веками угнетали, обусловлено прошлым.

В Москве на IV конгрессе Коминтерна Себальд долго беседовал с финским делегатом Куусиненом. Тот показал ему жалобу, которую финские колонисты послали в Москву. Себальда обвиняли в деспотизме, в предпочтении, оказываемом им голландцам. И эта жалоба была понятна Себальду. Финнов обижало, что среди администрации колонии, инженеров, техников были американцы, французы, немцы, голландцы и ни одного финна. Себальд специально попросил Куусинена направить к ним способного финского товарища, владеющего английским, которому можно будет поручить руководящую работу.

— Это будет лучший путь, чтобы победить их недоверчивость,

успокоить чувство ущемленной национальной гордости.

В колонии приходилось бороться не только с национальными противоречиями. После введения дифференцированной оплаты чаще стали стычки между рабочими и инженерами. Себальд не раз выслушивал обиды Струйка, Схемергорна и других способных инженеров. Не раз, когда их дельные указания казались рабочим ненужными, потому что польза от них была не сразу видна, рабочие кричали, что их заставляют работать зря, что они сами знают, что им делать, что инженеры никому не нужны, что они просто паразиты на теле рабочего класса.

И Себальду приходилось успокаивать инженеров, доказывать им, что рабочие не так уж не правы, что там, где они По-настоящему овладели квалификацией, даже без институтов, а на практике, работа часто идет без высшего контроля.

— А социализм приведет к тому, что все рабочие получают техническое образование, теоретическое и практическое, — заканчивал Себальд.

А что касается национального недоверия, еще раз приходится напомнить всем о моем распоряжении: на работе у нас существуют только два языка — английский и русский. Конечно, лучше всего было бы, если бы мы все скоро могли перейти только на русский.

На вопрос, как идут занятия, он получал ответ, что курсы русского языка переполнены.

Сделать АИК образцовым предприятием стало девизом колонистов. Для этого нужны были коренные изменения. Они начались после того, как шахты и производство, объединенные в Кемеровском районе, перешли из ведения Кузбасстреста в ведение АИК Кузбасс.

Упрощенный, ясный статистический учет, отражающий производственные процессы, упорядочение финансовой деятельности дали возможность резко сократить административный аппарат. Старых служащих, которые работали по старинке и не могли или не хотели приспособиться к новому, заменяли американскими специалистами. Новая система бухгалтерии значительно улучшила контроль и планирование. На руководящие должности постепенно приходили колонисты. Правление создало свой административный и технический аппарат.

Эти прогрессивные нововведения, упростившие управленческий аппарат, враждебно встретили все, кто оказался за бортом. Уволенные кричали и писали о засилии американцев. Им охотно вторили старые специалисты-«копикузовцы», такие, как Ангевич, Федорович, которые при каждом удобном случае пытались дискредитировать АИК.

Но советская партийная и профсоюзная организации делали все,

чтобы поддержать колонию, защитить ее от нападков противников. Карты реакционерев все время были биты. Враждебной пропаганде кемеровцы противопоставляли роет продукции. Новые дороги протянулись от мастерских к берегу и железной дороге, новые милые дома открывали свои двери жильцам, все больше угля выдавалось на-гора. Быстро скользили вагонетки с углем по новым стальным канатам подвесной дороги. Обработанные тракторами поля давали урожай. Животноводческое хозяйство обеспечивало работающих АИК молочными продуктами. Первые успехи были явственно зримы.

Но можно ли было считать, что все трудности уже позади?

Механическими мастерскими руководил бельгийский металлист коммунист ван Доорен. В кузнице — тесном помещении с открытым горном и закопченными стенами — работали местные кузнецы. Их было немного, но заменить их было нечем. Производительность труда была исключительно низкой. Ван Доорен быстро нашел корень зла.

Над одной поковкой работали вшестером. Надо было по-другому организовать труд: меньше подручных, больше самостоятельных рабочих, нужны были более прогрессивные методы труда.

Доводы ван Доорена не помогали. Он убеждал, обещал поставить вопрос об улучшении условий работы перед завкомом и партийной организацией. Тщетно. Правление АИК считало его доводы правильными, завком поддерживал его, а он, коммунист, не мог сейчас пробить свое предложение. Кузнецы, как нарочно, снизили продукцию и, словно договорившись, выдавали по десять поковок в день.

— Нам нужно двадцать, — требовал ван Доорен. — Наши станки простаивают.

— Убирайся к черту! — был единственный ответ.

Ван Доорен пытался выяснить, в чем дело. Спрашивал одного, другого.

— Почему так неслыханно упала выработка? Десять поковок в день! Почему? Заготовки есть, все люди на месте...

Наконец кто-то не выдержал и подсказал:

— Товарищ ван Доорен, ведь налево идет.

— Налево? Что это значит?

Ван Доорен стал следить и наткнулся на ворованную продукцию, «Так вот куда идет наше железо и рабочее время кузнецов!» Лопаты, топоры, мотыги, разная хозяйственная утварь и инструменты шли на рынок. Там процветала частная торговля. Теперь стало ясно: пока это не прекратится, нечего думать об увеличении продукции.

Ван Доорен взволнованно рассказывал Себальду о положении дела. Себальд решил поставить вопрос на собрании местной партийной организации.

Ван Доорен недоумевал. Он не мог понять, зачем ставить на собрании вопрос, который нужно решить административным путем, ведь речь шла о явном воровстве.

Себальд объяснял ему, что приказ ничему не научит ни самих кузнецов, ни остальных рабочих. Ведь люди живут трудно и им разрешено в свободное время делать что-нибудь на продажу, если от этого не слишком страдает производство.

Ван Доорен не соглашался. Он доказывал Себальду, что рабочие АИК живут теперь лучше, чем прежде: они получают в подсобном хозяйстве дешевые продукты, и, главное, кузнецы могут зарабатывать значительно больше, если перестанут упрямиться и начнут работать по-новому, так, как он им предлагает.

— По-новому, — усмехнулся Себальд. — В этом все дело. Ведь новое означает слом старого, привычного. И это самое трудное. Люди привыкли к своему темному помещению, к своему темному побочному заработку, и будет совсем нелегко отучить их от этого. Дорогой ван Доорен, вы увидите, завтра на партийном собрании будет совсем не легко.

Через несколько дней ван Доорен писал своему брату в Антверпен:

«...Это было для меня испытание огнем. Я, наверно, имел бледный вид с моим ломаным русским языком. И правда, было очень неловко обвинять в воровстве этого бывшего партизана. А потом выступил он и за ним все его люди из кузницы. Жестокие слова бросали они мне в лицо: демагог, склочник, смутьян. И я должен был все это проглотить. Я отвечал им цифрами выработанной продукции, перечислением заказов производства. И тут произошло что-то совсем неожиданное. Выступил один русский товарищ, бывший матрос из Петрограда, один из тех, кто участвовал во взятии Зимнего дворца, он работает у нас на электростанции. Он так повернул дело, что все стало ясно. Он кричал кузнецам: «Вы вредители, подлецы, вас надо гнать с социалистического предприятия...»

На собрании был секретарь райкома партии, и он поддержал матроса... У нас будет новая кузница, выработка увеличится...»

Выработка росла. Росла добыча угля. Двухсот привезенных из Америки кайл стало мало. Механическая мастерская получила заказ изготовить новые кайла по американскому образцу. Мастерская была оборудована современными станками, недавно смонтировали паровой молот, сделанный на московском заводе «Красный пролетарий», им

одинаково гордились русские рабочие и колонисты. Технические условия были налицо. Для изготовления кайл специально ввели третью смену.

Но тут запротестовали старые кузнечные мастера:

— Мы будем делать кайла по-прежнему или вообще не будем их делать. Пока мы освоим американский образец, наш заработок упадет. У нас есть норма, пусть шахтеры приучаются работать нашими кайлами.

Ван Доорен напрасно пытался убедить мастеров, объяснял, что американские кайла удобней. Кузнецы стояли на своем.

Тогда заказ передали группе молодых русских рабочих-комсомольцев. Они недавно прибыли в колонию и проходили выучку у венгерского мастера Лемпека. Обучение шло так успешно, что уже через 14 дней молодые кузнецы получали полную зарплату. На новой работе по изготовлению кайл молодые рабочие не только освоили нормы, утвержденные техническим бюро и профсоюзом, но стали перевыполнять их. Их заработок скоро превысил заработок старых кузнецов. Мастера возмутились, ругали и поносили ван Доорена и Лемпека, «подсунувших высокий заработок соплякам». Но попытки подкопаться под них были тщетными. За ними стояли руководство, партия и профсоюз и молодые ребята-комсомольцы, которые быстро подружились с колонистами.

В мастерских, в шахтах, в ежедневной общей работе, во встречах молодежи в часы досуга росла дружба, росло великое чувство солидарности.

— Себальд, тебя ждут три красноармейца.

Был поздний вечер. Работа в колонии давно закончилась, а Себальд еще сидел за письменным столом, углубившись в бумаги.

— С тобой хотят говорить три красноармейца, — повторяет Бронка.

— Пожалуйста, входите.

— Наш комбат передает вам привет. Мы здесь недалеко на маневрах, — говорит один из красноармейцев. — Завтра свободный день. Наши футболисты и спортсмены хотели бы прийти к вам, провести матч с американцами.

— Превосходно! Мы ждем вас.

Себальд сразу отправляется в клуб. Здесь, как всегда по субботам, многолюдно. Сюда приходят послушать музыку, потанцевать, посмотреть концерты самодеятельности, в которых с большим энтузиазмом участвовала Рут Кенел.

— Товарищи, внимание! — войдя в зал, говорит Себальд. — Красноармейцы предлагают завтра провести футбольный матч с нашей командой.

В ответ раздается дружное «ура».

На следующий день все, кто был свободен, собрались на стадионе. Красноармейцев, приехавших на грузовиках вместе со своим командиром, торжественно приветствовали. Начался матч. Американцы проиграли со счетом 1:5, но настроение оставалось хорошим.

— Немного слишком, — сказал один колонист. — Счет 2: 3 был бы вполне достаточен.

После футбольного матча на спортплощадке начались гимнастические соревнования. В них колонисты не отставали от гостей.

Потом все собрались в клубе. Женщины празднично украсили столы и угощали всем лучшим, что могла изобрести кухня колонии. Своим искусством особенно отличился пекарь Грунд.^[22]

Комбат попросил слова.

— Вы приехали сюда, — обратился комбат к колонистам, — чтобы вместе с русскими рабочими участвовать в социалистическом строительстве. Многие из вас оставили удобные дома в Америке, Англии, Германии, Франции. Вас привлекли сюда не желание легкой жизни, не высокая зарплата. Жаждающий прибылей буржуй никогда не поймет вас, вашего стремления помочь нашей молодой Советской стране, потому что это новое чувство — солидарность трудящихся. И мы, красноармейцы, хотим обеспечить мирную работу всех трудящихся в Америке, в Европе, во всем мире. Мы стоим на страже нашей революции, которая одновременно является революцией международного рабочего класса. За ваше здоровье, товарищи!

В сентябре внезапно настали холода, а картофель в подсобном хозяйстве колонистов был не убран. Рано утром в воскресенье под мокрым сеющим снегом колонисты с лопатами и ведрами вышли на картофельное поле — инженеры, шахтеры, столяры, слесари. Женщины не отставали от мужчин. Но когда стало слишком холодно на осеннем ветру, их отправили домой. Мужчины продолжали работу. Мерзлая глина липла к пальцам, но вид розового, крупного картофеля вселял бодрость.

К вечеру картофель был убран. Колонисты — американцы, немцы, голландцы, финны, венгры — вместе возвращались домой. Они шли с лопатами, вскинутыми на плечо, промокшие, перемазанные. Они шли и пели...

А поздно вечером в столовой все сидели за столами, пили горячий чай и весело болтали, наслаждаясь отдыхом. Себальд вместе со всеми пил сладкий чай из общего котла, хотя все сладкое было ему строго запрещено.

Но так не хотелось просить что-нибудь отдельно для себя.

«Аиковцы» становились единым коллективом. Их работа с каждым днем шла лучше. Вместе с всеми удачам колонии радовалась Бронка. Но она чувствовала себя плохо. Особенно трудно было по ночам: болела грудь, мучили кашель, озноб и жар. По утрам усилием воли она подавляла слабость.

Всегда в работе, всегда деятельная, она не думала о своей болезни. Вот и сейчас ее лихорадочный взгляд с заботой остановился на похудевшем, изрезанном морщинами лице Себальда.

— Полтора года у тебя нет ни дня покоя, Себальд. Когда же ты возьмешь отпуск?

— Не тревожься обо мне, — роняет Себальд, не поднимая головы от письменного стола. Он проверяет документы и бумаги, которые должен взять с собой в Москву. — Вот это отношение Сибревкома в СТО, — бормочет он, пробегая глазами знакомый текст.

«13 августа 1923 г.

...Сибревком ходатайствует перед СТО об оказании «Автономной американской индустриальной колонии Кузбасс» дальнейшей поддержки в развитии ее операции, так как, несмотря на невероятно трудные условия, «Автономная колония» содействует восстановлению нашей угольной промышленности в Сибири (Кемеровский район) и, став уже на прочные ноги, вполне оправдывает возложенные на нее надежды...

Зам. Председателя Сибирского революционного комитета

Брыков».

— Это важно, очень важно, — замечает Себальд, по-прежнему не подымая глаз, и берет следующий документ — решение последнего собрания колонистов 23 июля.

Себальд читает о значительном увеличении добычи угля, об успехах механических мастерских, о расширении подсобного хозяйства и заключительную формулировку: «Собрание колонистов согласно с руководством АИК Кузбасс и ее директором Рутгерсом».

— Да, работа идет. Новый бюджет нам почти обеспечен. Мы увеличим продукцию, откроем новые шахты, привлечем из-за границы новых высококвалифицированных специалистов. Особенно нужны химики. Малер убежден, что химический завод вступит в эксплуатацию в начале

будущего года. Как ты думаешь, Бронка, Москва пойдет навстречу нашим финансовым требованиям? Ведь успехи налицо.

Жестокий приступ кашля потряс Бронку. На платке, прижатом к губам, расплылось красное пятно.

— Бронка! — Себальд вскочил, подхватил ее. — Ты уедешь в Крым, в санаторий. Я бессердечный человек, погряз по уши в резолюциях и забыл о людях.

Второй приступ кашля.

— Ты поедешь в санаторий. Немедленно, сегодня же. Ах ты, золотое сердце, сама больна, а еще заботишься обо мне.

Бронка уехала. Себальд еще несколько дней оставался в Кемерове. Он разрабатывал бюджет на будущий хозяйственный год, начинающийся в октябре.

Перед самым отъездом Себальда в Москву состоялось заседание технического штаба колонии, присутствовали руководители партии и профсоюза.

Американский коммунист Ган доложил, что новая система учета материалов и их хранение дают твердую основу для подсчета себестоимости, контроля и планирования. Кингери с гордостью рассказал о достижениях подсобного хозяйства.

— У нас одиннадцать тракторов, земля обработана, урожай собран. Ввезенный племенной скот акклиматизировался. Все рабочие Кемерова будут обеспечены молоком, мясом и овощами.

— Ваше подсобное хозяйство оказывает большое влияние на окрестных крестьян, — сказал секретарь Кемеровского райкома партии Тихомиров. — Многие из них обратились в сельский Совет с просьбой организовать коммуну и обеспечить ее техникой, как у американцев. К сожалению, мы пока еще лишены возможности дать им тракторы.

— Да, несколько крестьян просили меня продать им трактор, — подтвердил Ган. — Я вынужден был отказать, Кингери не хватает наших одиннадцати.

— Положение в шахтах вполне удовлетворительно: добыча растет. Скоро надо будет расширять фронт работы, — заявил Пирсон.

— Тогда нужны будут новые потребители угля.

— Прекрасно, — подытожил Себальд. — Железная дорога наш постоянный потребитель. А там войдет в строй химический завод. Это будет наш основной внутренний рынок. Товарищ Малер, нельзя ли ускорить пуск химзавода?

— Полгода, товарищ Рутгерс, полгода. Не раньше февраля 1924-го.

Нам приходится преодолевать массу совершенно непредвиденных трудностей. Вы ведь знаете, проекты строительства завода не удалось найти.

Слова Малера дополнил его помощник, энергичный немецкий химик Штоммель:

— Нам многое пришлось делать заново. Если бы у нас были планы, проекты, мы сэкономили бы массу времени. Но ведь где-нибудь они должны быть!

Себальд знал, на что жалуются инженеры. «Успехи, — думает он, — а здесь опять кто-то мешает. Но главное теперь не это. Я привезу в Москву хорошие результаты, они обеспечат нам бюджет 1924 года». И вслух:

— Вы знаете, товарищи, мы послали в Центральный Комитет Куйбышеву отчет. Москва признала наши успехи. Имеется решение СТО от 29 июня. Обещают укрепить наше предприятие. Но передача Надеждинского завода отложена на год. Все колонисты с Урала должны быть переведены в Кемерово.

Расходились довольные. Да, кое-чего удалось достичь за это время. Кемерово твердо стоит на ногах.

Октябрь 1923-го. В московской штаб-квартире АИК Кузбасс собрались Себальд, новый представитель СТО Котляренко, назначенный вместо Шатова, и управделами московского бюро колонии Борис Фут.

— Экономить, товарищ Рутгерс, экономить, — настаивает Котляренко. — О расширении Кемерова сейчас нечего думать. Вербовка новых колонистов из Америки должна быть прекращена до весны 24-го года.

Этого Себальд не предвидел — новой денежной политики. Рубль стабилизировался, укреплялся червонец. Денег выпускали столько, сколько было обеспечено золотым фондом страны. Их стало мало. Доводы Котляренко неопровержимы.

— Ничего, — утешает Фут. — В наших хозяйственных жилах текла водянистая кровь. Теперь получаем настоящий рубль. Меньше крови, зато полноценная.

— Охотно соглашусь с вашим сравнением. — Себальд встал, зашагал по комнате. — Но для нас уменьшение количества крови может иметь плохие последствия.

— Переход на стабильный рубль вызовет временные ограничения. Но бюджет АИК будет принципиально сохранен, — успокаивал Котляренко.

— Если бы так... Но у АИК есть недруги, и они используют каждую трудность, — возразил Себальд.

И он не ошибся.

Заседание комиссии СТО. Уже несколько часов длится обсуждение. И вот заключительное слово главного инженера Сибирской железной дороги.

— Таким образом, в текущем хозяйственном году мы, к сожалению, не сможем покупать кемеровский уголь в прежнем количестве, — говорит он. — Вы видите, инженер Рутгерс, наш бюджет чрезвычайно скуден. Государственный план предусмотрел для нас очень скромные средства.

— Не столь скромные, — взрывается Себальд. — Сумейте только правильно употребить деньги.

— Товарищ Рутгерс, призываю вас к порядку, — вмешивается председательствующий.

— Вы позволите мне продолжать? Итак, с вашего разрешения, в этом году мы должны будем обойтись без кемеровского угля, то есть по мере нашей возможности мы будем покупать ваш уголь. Но железнодорожное сообщение на Транссибирской линии будет значительно сокращено. Денег хватит разве на ремонтные работы.

Мозг Себальда сверлит один вопрос: «Куда с нашим углем? Без сбыта. Без денег. Шахты придется закрыть, рабочих уволить...»

Комиссия следует за комиссией. И каждая отхватывает еще клочок бюджета. Немного денег, наверно, отпустят АИК Кузбасс на новый хозяйственный год. Еще нельзя предвидеть, до какой степени урежут финансы колонии.

На 23 октября назначено заключительное заседание Государственной плановой комиссии. Председательствует Кржижановский.

— Мы окажем АИК Кузбасс максимальную поддержку, — говорит Кржижановский. — На следующий хозяйственный год колонии будут отпущены следующие суммы... — Кржижановский оглашает решение, называет цифры.

«Мало денег, очень мало, — быстро прикидывает Себальд. — Мы должны будем закрыть Паравайскую шахту, не принимать новых колонистов до весны будущего года. Но и этих ограниченных средств хватит, чтобы продержаться. А в будущем году у нас будет свой собственный потребитель угля — химический завод».

В этот вечер пришедших с заседания Себальда и Фута ожидала двойная радость. Бронка вернулась из Крыма окрепшая после пребывания в санатории. А телеграмма, полученная из Кемерова, сообщала: «Ган с большим успехом организует продажу угля на вольном рынке».

Через несколько дней Себальд и Бронка уехали в Кемерово. Там состоялось собрание колонистов, посвященное бюджету наступающего

года.

— Мы должны во всем ограничивать себя, товарищи, — объяснял Себальд. — Мы должны экономить. С деньгами стало туго. Вы знаете, рубль стабилизировался, и временно нет денег, чтобы расширять производство.

— Больше работать! — кричат из зала. — Будет больше угля, будет больше денег!

— К сожалению, это не так, товарищи, — возражает Себальд. Ему кажется, голос готов отказаться служить ему, когда он произносит: — Мы должны закрыть Паравайку. Для нашего угля нет сбыта. Движение на Транссибирской магистрали сокращено, железная дорога будет покупать у нас гораздо меньше угля.

— Зачем же мы приехали сюда?

— Слышите, товарищи, Паравайку закрывают! Мы работали... Шахтеры из разных стран.

— И всё зря... Удирать надо...

Себальд смотрит в зал на взволнованные лица.

— Товарищи, стабилизация рубля на пользу рабочему классу, на пользу Советской власти. Это трудное время мы должны пережить вместе. Вы знаете, Гаи уже нашел новую возможность сбыта угля — продажу на рынке. А скоро, очень скоро у нас будет наш химический завод, лучший потребитель нашего угля.

Начало января 1924-го. Несколько колонистов уехали обратно в Америку. Люди ходят хмурые, недовольные.

«Может быть, я не на месте? — думает Себальд. — Темп развития колонии резко снижен. Советское хозяйство налаживается. Может быть, теперь мы уже не нужны? Противники колонии не прекращают борьбы, и наша борьба с ними становится бременем для наших друзей. Не настало ли время передать предприятие в рута русских товарищей?»

Себальд пишет заявление в отдел кадров СТО. Он просит освободить его от должности директора АИК Кузбасс.

— Себальд, ты не можешь уйти!

— А может быть, так лучше, Бронка? Я прошу направить сюда Домберга из Москвы или Лосьева из Ново-Николаевска. Предприятие ведь все равно когда-нибудь должно быть передано русским товарищам.

— Еще рано, Себальд. Ты не имеешь права покинуть свой пост. Наша задача еще далеко не решена.

Заявление Себальда осталось в ящике письменного стола Бронки.

Зима была жестокой. Ветер, лед и холод. Так настало 21 января 1924 года.

Сибирские сумерки. Столбы дыма неподвижно застыли в промерзшем режущем воздухе. На деревянной трибуне приспущены красные флаги. Люди молчат. Таким было Кемерово 27 января.

Издали движутся черные колонны. Колонна за колонной идут горняки. На лбу у каждого шахтерская лампа. Лампы сверкают, разрывая темноту. Люди подходят — русские, украинцы, американцы, немцы — рабочие многих стран мира. Впереди музыканты. Застывшие пальцы греют промерзшую медь литавр и труб, чтобы сыграть траурный марш. Еще две минуты. Шесть часов. В Москве два. Тишина.

Завыли гудки. Над всей страной несется этот пронзительный, объединяющий людей зов. Во все сердца приникают гудки заводов, паровозов, шахт, мастерских.

Замерла черная площадь перед трибуной. Здесь люди 27 национальностей. Страна прощается с Лениным.

Траурный митинг окончен. Но никто не уходит домой. Все собираются в клубном зале.

— Себальд, расскажи нам о Ленине, ты ведь встречался с ним.

Себальд присел на стол, все столпились вокруг него. Когда это было? Годы ли прошли? Незабываемое, навсегда хранимое.

— В первый раз я разговаривал с Лениным, когда в 1918 году приехал из Владивостока в Москву... — начал Себальд.

Конец февраля. Люди собрались на митинг в здании электростанции. Закончен монтаж второго турбогенератора. Снабжение электроэнергией теперь резко возрастет, полностью обеспечит вступающий в строй химический завод.

— Где же товарищ Рутгерс?

Все давно собрались. Нетерпение растет. Снова возвращается посланный.

— Он сидит запершись. С ним еще двое. Никого не впускают. Бронка тоже там.

Все ждут.

— Ну, сегодня наш турбогенератор заработает.

— И откуда у Гана такой нюх?

Люди смеются, вспоминая историю турбины.

Эта история началась задолго до того дня, когда проржавевшую

машину сгрузили на кемеровской железнодорожной ветке. Год назад Ган узнал, откуда — не известно никому, что в одном из заводских складов Владивостока стоит непригодная турбина.

Она была куплена в Америке еще царским правительством. Во время войны ее погрузили на русский грузовой пароход и повезли через океан. Под Владивостоком пароход был торпедирован японцами и пошел ко дну.

В 1922 году судно подняли и все казавшееся пригодным вынесли на берег. Изъеденная морской водой турбина попала на склад и около года ржавела там, пока Ган не напал на ее след.

Наконец, после долгих переговоров АИК удалось получить турбину и доставить ее в Кемерово.

День и ночь ее скоблили, шабрили, чистили, меняли негодные детали. Работа была непростой. Русскую смекалку дополнял опыт зарубежной техники. И вот она стоит готовая и ждет пуска.

— Прямо с морского дна...

— Пенорожденная, — называет ее Ган. Наконец появляется Себальд. Собрание открыто.

— Товарищи! У нас большая радость. Рабочим и инженерам Кемерова удалось в короткий срок резко повысить мощность нашей электростанции. Она будет давать значительно больше энергии, чем потребует наш химический завод. Мы сможем обеспечить электроэнергией окрестные села, выполнить завет Ленина — зажечь электрическую лампочку в каждой хижине. Скоро большой праздник нашей колонии — открытие химического завода. Но сейчас мы должны со всей серьезностью подумать о нашем положении. — Себальд на минуту замолчал. — Сегодня утром в этом здании выявлено гнусное вражеское деяние. В подшипниках турбогенератора обнаружен песок. Наша гордость, наша новая турбина не работала бы, если бы исполнилась воля врагов.

Возмущенные возгласы:

— Преступление!.. К стенке виновных!..

— Помните, товарищи, наша работа — это политическая борьба, наши успехи — победа над контрреволюцией. Вспомните, товарищи, о пожаре в Южной шахте, причину которого так и не удалось установить. Теперь я уверен, что это был поджог. Враг не дремлет...

В это воскресное утро Кемерово необычно оживленно. Двери склада распахнуты. На машину грузят барабаны с приводами, гирлянды изоляторов и роликов, электрический шнур. — Осторожней, лампочки! — кричит парень, подавая большой картонный ящик.

— Поехали, нас ждут.

На трассе уже кипит работа. В ямы, подготовленные в прошлые воскресенья, устанавливают сверкающие желтизной столбы. Монтеры тянут провода.

Сегодня большой день: «аиковцы» проводят электричество в первой близлежащей деревне.

В избах веселый перестук молотков. На бревенчатом потолке и стенах появляются невиданные белые ролики, между ними ложится шнур. К вечеру работа закончена. Короткая команда. И под потолками загораются электрические лампочки.

Потом всех приглашают в избу-читальню.

— Теперь у вас всегда будет светло, — объясняет собравшимся бригадир электриков. — Но электричество может не только освещать. Сейчас я покажу вам, как его можно использовать еще.

На стол ставится специально привезенная электроплитка.

— Давайте сковороду, — командует бригадир.

Тесто замешено еще в Кемерове. Сейчас на плитке из него пекут блины. Шипит масло. Снятый со сковородки блин, обжигая руки, переходит от человека к человеку.

Еще не улеглось восхищение, а бригадир уже включает электрический утюг, достает смятую рубашку, гладит ее и отутюженную подымает над головами собравшихся.

Женщины восторженно ахают.

В следующее воскресенье электрики приезжают в деревню посмотреть, все ли в порядке с освещением. Ясный день, но во всех избах горит свет.

— Почему не выключаете? — удивленно спрашивают «аиковцы».

— Боимся, а вдруг опять не загорится?

Электрики проходят по избам. Они заставляют каждого погасить и включить свет.

— Видите, он непременно загорится.

Теперь жители уверены — великое чудо подвластно им.

2 марта 1924-го. Тысячи людей собрались на большой заводской площади, освещенной весенним солнцем.

На трибуне представители СТО, гости из Ново-Николаевска, Екатеринбурга, Томска...

Праздник пуска химического завода открывает директор АИК Кузбасс Рутгерс.

Слово получает руководитель химзавода доктор Малер.

— Товарищи! Поздравляю вас всех с днем нашего большого торжества, — взволнованно говорит он.

Его голос заглушают гудки. Их резкий, пронзительный звук встречают тысячеголосым «ура». Химический завод открыт.

Выступает представитель СТО.

— Рабочие, техники и инженеры Кемерова, вся Советская Россия празднует сегодня вместе с вами. Вы построили в Сибири большое предприятие. Оно даст кокс домнам Урала. Привет и спасибо вам всем. Да здравствует маленький интернационал в Сибири!

И снова громкое «ура».

Выступают представители партии и профсоюза. И последней — Бронка. В ее руке толстая стопка телеграмм.

Поздравления рабочим Кемерова от Совнаркома, Сибревкома, III Интернационала, Американской коммунистической партии. Телеграммы из Голландии, Германии. Поздравления от Баркера из Нью-Йорка, от Тома Манна из Лондона. Приветы и поздравления от уральских заводов и фабрик.

Митинг окончен. Колонна делегатов направляется к коксовым печам. Глухие кирпичные стены. Железные двери закрыты. Вспыхивают электрические лампы. Двери поднимаются. Огненная стена заполняет их проем. Из этого пламени медленно выползает выталкиваемый толкателем коксовый пирог и, раскальваясь, падает на землю. Струя воды из шланга обрушивается на огромные раскаленные куски, и клубы белого пара, шипя, поднимаются ввысь.

Первый кокс! Мартовский ветер подхватывает дым, швыряет его в небо. Музыканты поднимают трубы: «Вставай проклятьем заклейменный...» Сотни голосов присоединяются к оркестру.

После пуска химического завода среди колонистов стало привычным русское слово «молодцы».

Химический завод работает, потребность в угле растет. Печи выдают кокс и газ. Электроэнергии хватает с избытком. Нужны новые шахты, новые заводы.

Еще месяц назад в техническом бюро колонии Себальд поднял вопрос о расширении деятельности АИК, о присоединении к колонии шахт Южного района и Гурьевского завода.

— Чтобы улучшить наш кокс, нам нужен кольчугинский уголь, — говорил Себальд, — а в Гурьевске мы сможем создать свой сталелитейный

завод.

Члены бюро поддержали его.

Сейчас этот план можно осуществить — АИК в состоянии взять под свое руководство новые объекты, ее финансовое положение устойчиво. С Пирсоном, Ганом и Струйном все подробно обсуждено.

Расширить работу стремится не только руководство, это стало требованием масс. Однажды, когда Себальд проходил по мастерским, его остановил венгерский металлист Луис Гросс.

— Товарищ Рутгерс, что это за спокойная жизнь настала у нас?

— Спокойная? Почему?

— Так говорю не я один, многие недовольны.

— Чем?

— Никакой новой работы. Скучно становится. Это не по мне. Я скоро уйду отсюда.

— Забавный парень, — рассказывал потом Себальд. — Хочет уходить от нас, потому что здесь, в Кемерове, стало слишком спокойно. Надо привлечь в партию этого венгерского сорвиголову. И вообще это чудесно, когда люди жаждут большого дела.

Себальд мысленно еще раз пробегает техническую часть своего доклада, отправленного в Москву.

«...До перехода предприятий к американской администрации добыча производилась хищническим образом, не оглядываясь назад в смысле укрепления пройденного пути и производства подготовительных работ. Такой метод работы неизбежно вызвал бы в самом близком будущем необходимость прекращения всех работ по добыче угля. Американцы, стремясь к ведению работ на основах правильной и здоровой эксплуатации, немедленно же приступили к приведению шахт в должный порядок и производству капитальных работ.

Если сравнить процент производства капитальных работ за 1922–1923 годы, то в октябре 1922 года процент таковых к производственной программе составлял 9,5 %, а в мае {1923} (при американской администрации) — 41 %...»

«Да, удалось проделать немалую работу. У нас есть основания просить о передаче нам шахт Южного района и Гурьевского завода», — подытоживает Себальд.

А между тем в Москву, в центральные государственные органы, поступают письма, порочащие деятельность АИК. Они говорят о высокой себестоимости кемеровского угля, о том, что производительность рабочего в Кемерове ниже, чем во всех районах республики, что газы, получаемые в

процессе коксования, используются нерационально и их не хватит для обеспечения работы электростанции.

Эти письма вызывают сомнения,стораживают. Народный комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции подымает тревогу, 26 марта 1924 года СТО выносит постановление о создании комиссии по обследованию работы колонии.

И в это же время Рутгерс настаивает на передаче колонии Южных шахт и Гурьевского завода, входящих в Кузбасстрест, и Сибревком поддерживает его.

В июне, в дополнение к своему первому постановлению о проверке работы колонии, СТО предлагает расширить комиссию и поручить ей обследовать деятельность обоих предприятий — АИК Кузбасс и Кузбасстреста «...в направлении определения форм и условий управления вышеуказанными предприятиями в целях выявления наибольшего производственно-экономического эффекта».

Председателем комиссии СТО назначен член ЦКК, руководящий работник НК РКИ Растопчин, являющийся одновременно уполномоченным СТО.

— Мама, прочитай вслух...

В течение этих двух лет Себальд очень редко мог навещать свою семью в Томске, лишь несколько дней ему удавалось побыть в кругу близких. Но чем реже они виделись, тем оживленней была переписка между ним и Вартой. Вот и сейчас у Барты в руках только что полученное письмо Себальда, и Вим и Гертруда настаивают:

— Прочти, пожалуйста.

— «...Если теперь все будет в порядке с нашим коксом, а я в этом почти уверен, так как кокс очень хорошего качества и не соответствует лишь одной пробе, которую со злым умыслом выудили из журнала проб. Неочищенного бензола у нас уж довольно много. Дистилляция смолы также освоена и дает креозол, нужный для очистки. Таким образом, через несколько месяцев мы сможем регулярно выпускать всю продукцию. Рынок сбыта тоже как будто достаточен, и, если деньги будут поступать регулярно нас будет устойчивое финансовое положение. Мы рассчитываем к концу года иметь не менее миллиона золотых рублей прибыли (не считая амортизации). Большую часть из них можно будет употребить на дальнейшее развитие.

Все это, конечно, вызывает двойной отклик, С одной стороны, новые интриги со стороны наших противников — разных ведущих специалистов.

С другой — к нам поворачиваются лицом многие советские и инженерно-технические работники, так как они понимают, что АИК — это нечто прочное, с чем нельзя не считаться. Сейчас ведется большой спор по поводу передачи нам Кольчугина. Мы занимаем спокойную выжидательную позицию.

Наш незаменимый Ган долгое время был в разъездах. Теперь он вернулся, снова командует всем нашим добром, руководит закупками и сбытом. Небольшие трения, которые были между ним и Пирсоном, улеглись. Лосьев был последнее время очень подавлен и мало энергичен, вероятно, в связи со своей болезнью — малярия. Не дождавшись инструкций, он уплатил 20 000 рублей, которые совсем не надо было платить. Мы переведем его из Ново-Николаевска в Кемерово. Здесь он как администратор сможет заменить Штейнгардта или по крайней мере попытаться сделать это. В Ново-Николаевск направят, очевидно, кого-нибудь из Москвы. Мы сейчас ищем для Ново-Николаевска постоянного представителя, обладающего коммерческими способностями. Черных, новый секретарь райкома, много времени проводит на всевозможных конференциях, и заменить его некому. С прежним секретарем Тихомировым у нас бывали частые конфликты, и он по моей просьбе отозван. С партийной работой в отсутствие секретаря райкома дело обстоит довольно слабо.

На последнем техническом бюро мы решили построить новый Народный дом и школу. Теперь у нас полно работы по строительству, электрификации, расширению химзавода (вторая коксовая батарея) и так далее. Близится новый строительный сезон, в этом году мы к нему подготовлены значительно лучше, чем в прошлом. Таким образом, в нашей работе большие успехи, и мы, собственно говоря, должны были бы быть довольны. Ты была права, когда писала, что наша неудовлетворенность и недовольство зависят от нас самих и, следовательно, могут быть преодолены. Мы, кажется, пытаемся справиться с этим...»

— Почему же папа недоволен? — спрашивает Гертруда.

— Не перебивай, — останавливает ее Вим.

Барта продолжает читать про себя:

«...Томск остается для меня светлым приютом, куда я всегда стремлюсь, чтобы увидеть вас и забыть о своей работе. Но надо принимать друг друга такими, какие мы есть. Я не могу отрицать, что Бронка мне небезразлична, и я не могу быть спокоен, зная, что ты страдаешь. Поэтому лучше — как можно меньше бывать втроем. Во всяком случае, то, что говорят о нас, не должно иметь никакого значения».

— Почему отец недоволен? — повторяет Гертруда.

— Отец просто устал, — отвечает Барта и продолжает читать вслух: — «Я приезжаю в Томск часто очень усталым, и, когда немного отдыхаешь, это особенно заметно. Отдых чувствуется значительно позже, когда возвращаюсь в Кемерово. Во всяком случае, дни, проведенные в Томске, всегда остаются светлым пятном в жизни нас обоих, а время между ними достаточно заполнено трудом. Я очень рад, что твоя преподавательская работа вновь удовлетворяет тебя, и постараюсь брать с тебя пример. Здешнее напряжение для меня пока лучшее из того, что может быть, хотя иногда появляется большая потребность в отдыхе, и эта вечная борьба с явными и скрытыми недругами АИК вызывает смертельную усталость.

Меня очень обрадовало письмо Вима. Он готовится к экзаменам. И Гертруда учится хорошо. Я требую, чтобы я всегда знал о вас все. Кто знает, когда я смогу снова свидеться с вами. Крепко обнимаю вас всех.

Себальд.

Р. С. По дороге из Москвы в Кемерово у меня было время и досуг поразмыслить об одном происшествии, которое недавно было у нас. Когда я вдумался в него, у меня получился маленький рассказик. Он немного поучителен. Во всяком случае, в нем кусочек исторической правды. Я посылаю его тебе. Может быть, когда-нибудь мы опубликуем его в газете под заголовком:

Коровы тоже имеют свой голос при демократии

Русские горняки еще крепко связаны с деревней. У них есть свой дом, огород и, главное, корова. Это нам мешало с самого начала. Постепенно мы стали внушительным промышленным предприятием, построили новые дороги, а по ним нахально разгуливают коровы. Но это не самое худшее. Хуже то, что владельцы коров, наши рабочие, требуют от администрации места для покоса и слишком часто в ущерб производству тратят время на свое хозяйство.

Так как мы хотим создать показательное предприятие, это плохой пример, да и материальный ущерб налицо.

Между тем у нас создано современное подсобное животноводческое хозяйство со стойлами, хорошим кормом, силосом. Это хозяйство, блестяще организованное Кингери, ежедневно обеспечивает рабочих молоком и молочными продуктами.

Зачем же нужна собственная корова? На совещании с партийными и

профсоюзными руководителями района нам удалось убедить всех, что существующее положение с коровами надо изменить.

Мы предложили, что администрация АИК за хорошую цену купит коров у всех работающих в АИК. Продавший корову получает право брать в нашем подсобном хозяйстве столько молока, сколько требуется его семье, причем молоко будет доставляться ему на дом. Представители профсоюза сначала привели ряд возражений, но скоро согласились с нами.

С этим, на наш взгляд, вполне приемлемым предложением мы выступили на общем собрании, подробно объяснив преимущества, которые получают рабочий и производство. Были высказаны отдельные сомнения, задано несколько недоверчивых вопросов, некоторые возражали, правда, не слишком категорично. В конце концов наше предложение было принято подавляющим большинством голосов.

Уже на следующий день нашему агроному предложили купить несколько тощих коровенок, и он, следуя полученной инструкции, дал за них хорошую цену.

Эта щедро установленная цена была нашей первой ошибкой. Скоро выяснилось, что некоторые рабочие, продав нам корову, купили на рынке в ближайшем селе новую, получив при этом неплохую прибыль. Второй ошибкой было то, что мы провели эту кампанию, не посоветовавшись предварительно с женами рабочих. Мы думали, что наше предложение настолько резонно и выгодно, что каждый немедленно будет убежден.

Но оказалось, что наши рабочие крепко привязались к коровам. Жены и дети тоже сказали свое слово. В конце концов рабочие еще недавно были крестьянами, привыкли летов пасти своих коров, считая это чудесным отдыхом после работы в шахте. Короче, нам пришлось отказаться от нашего мероприятия.

Это было для нас хорошим уроком практического применения демократии. Правда, мы соблюли все условия: на собрании наше предложение подробно и честно обсуждалось и был принят огромным большинством голосов. Казалось, интересы предприятия и рабочих полностью совпали. Разве нельзя было при таких обстоятельствах совершить некоторое насилие, издав приказ, запрещающий держать коров на территории предприятия?

По законам формальной демократии — да!

По законам демократии масс — нет!

Оказалось, что воля народа не всегда совпадает с бюллетенем голосования. К счастью, мы были достаточно умны, чтобы посчитаться с

этой волей и не настаивать на принятом решении. Жизнь отвергла его. Мы подождем. Пока демократическую победу одержали коровы, они остались. Но настанет время, они освободят нам поле действия и как свободные коровы завоюют себе в образцовом хозяйстве Кингери лучшие условия».

Работа комиссии СТО по обследованию дел на предприятиях АИК Кузбасс началась. Самым сложным оказалось то, что большинство ее членов были специалисты-инженеры из разных московских организаций и ведомств, в прошлом работники «Копикуза», явные враги колонии. Они быстро объединились под руководством уполномоченного Госплана Шалдуна, по его собственному признанию, сочувствовавшего меньшевикам.

Однако председателю комиссии Растопчину удалось разгадать их планы, разоблачить их попытки ввести в заблуждение правительство.

Одним из членов комиссии был представитель ЦК союза горнорабочих Котин. Растопчин ввел в нее еще представителя сибирского союза горняков, старого шахтера, коммуниста, хорошо знавшего угольную промышленность Кузбасса, Сибревком представлял горный инженер Фомичев, много лет проработавший в США. В комиссии создалось крепкое партийное ядро.

Но инженеры-специалисты настойчиво гнут свою линию. На заседаниях комиссии в Кемерове они ведут наступление развернутым фронтом. Роли среди них четко распределены.

— Кокс, который выдает химический завод, не годится для наших уральских домен. Его прочность недостаточна. Испытания на барабане дали пять-шесть пудов вместо требуемых двенадцати.

— Кемеровские коксовые печи дают недостаточно газа для электроцентрали. Электроэнергии не хватит для питания новых предприятий.

Шалдун заканчивает тяжким обвинением:

— Административное руководство АИК деспотично, работает неправильно, оно совершенно неспособно возглавить новые, дополнительные объекты.

Роли были распределены, но каждое выступление заканчивалось одинаковым рефреном — Южные шахты и Гурьевский завод должны по-прежнему оставаться в Кузбасстресте.

В то время как недруги колонии твердили свое, Растопчин получал информацию от низовых работников.

Немецкий коммунист инженер Борель тайно передал ему точную

копию из журнала барабанных проб, о которых говорилось на комиссии.

Пробы состояли в следующем. В полый цилиндр, состоящий из железных прутьев (барабан), засыпается кокс. При быстром вращении кокс мельчится, и маленькие куски его вылетают через отверстия между прутьями. После известного числа вращений оставшийся в барабане кокс взвешивается. Этим весом определяется прочность кокса.

«5–6 пудов», — утверждают инженеры. А в руках у Растопчина подлинные сведения: средняя крепость кемеровского кокса по журналу барабанных проб, где были зафиксированы результаты 57 испытаний, равняется 10 пудам и удовлетворяет требованиям Урала. Только 9 проб кокса, полученного при опытах с новыми смесями углей, дали 5–6 пудов. И только на эти 9 проб ссылались бывшие инженеры «Копикува».

— Вы ведете нечестную игру, — показывает им Растопчин выписку из журнала барабанных проб.

Подобного разоблачения инженеры не ожидали, это был прямой удар. Уполномоченный Госплана Шалдун быстро перестраивается:

— О, барабанная проба устарела. Она не имеет особого значения.

А как обстояло дело с количеством газа, которого якобы недостаточно давали коксовые печи?

Растопчин и Фомичев и здесь сами проводили обследование. Два немецких рабочих-колониста, работавших при газгольдерах, дали точные сведения о добыче и запасах газа.

— А это верно, товарищи, что ваш завод дает мало газа? — спросил Растопчин.

Один из рабочих, бывший социал-демократ, ответил:

— Тут его столько, что можно взорвать всю германскую социал-демократию.

Шаг за шагом комиссии удастся установить лживость обвинений, направленных против АИК. Больше того, имеются материалы, говорящие о прямом противодействии созидательной работе колонии. В своем заявлении на имя комиссии Себальд пишет: «1. Во время принятия нами предприятия мы не получили никаких планов сооружения химического завода. В течение долгого времени, несмотря на наши многократные просьбы, планы эти нам управлением Кузбасстреста не передавались. Инженер Лоханский, бывший директор химзавода, заявлял, что планов у него не имеется...»

В апреле месяце к нашему представителю в Ново-Николаевске тов. Лосьеву явился бывший управляющий Кемеровским районом и бывший управляющий делами Кузбасстреста Ангевич, который заявил ему, что

инженер Лоханский при отъезде из Кемерова передал ему на сохранение пачку бумаг. Эта пачка бумаг находится у Ангевича больше года, так как Лоханский, уехав на юг России, не требовал ее. Теперь (в апреле месяце) Ангевич, при переезде из одной квартиры в другую, распечатал эти бумаги и обнаружил там планы химзавода. Ангевич просил у Лосьева разрешения возвратить их, так как «совесть не позволяла ему больше хранить их у себя». Тов. Лосьев, конечно, планы эти (свыше 100 штук) принял.

Характерно при этом отметить, что Ангевич просил у т. Лосьева дать обещание за т. Рутгерса ничего не предпринимать против Лоханского и его, Ангевича, за сокрытие этих планов от заводоуправления в течение свыше года...

Этот факт дает нам возможность предполагать, что имеются еще планы, проекты, лабораторные испытания, разведки и другие весьма ценные материалы относительно Кемеровского района и химического завода, до сих пор скрытые от АИК Кузбасс... Кой-какие материалы относительно Кемерова мы видели в Кольчугинском рудоуправлении, но не могли их получить, несмотря на наши неоднократные просьбы и на обещания возвратить их нам...

2. Второй факт, о котором мы хотим довести до сведения комиссии, заключается в следующем: накануне пуска химзавода, в конце января, в подшипниках трансмиссии здания дробилки и подшипниках турбогенератора был обнаружен песок, который грозил не только значительными убытками, но и задержкой пуска завода...

Таких фактов можно было бы привести много. Например, о пожаре в Южной шахте, когда загорелись в двух разных местах опилки внутри обшивки».

Работа комиссии была закончена. О ее выводах Растопчин доложил на заседании Сибревкома. Он оглашал пункт за пунктом, и в каждом показателе работы АИК оказывались выше показателей Кузбасстреста: выше средняя производительность труда по руднику, выше рост производительности труда каждого горнорабочего, выше заработок горняков, значительно лучше финансовое положение и обеспечение материалами.

Противникам колонии во главе с Шалдуном возразить было нечего, они молчали. Против предложения комиссии о передаче АИК Южного района и Гурьевского завода выступил лишь управляющий Кузбасстрестом Бажанов. 22 августа Сибревком вынес свое постановление по докладу комиссии СТО:

«...АИК удалось создать вполне жизнеспособную хозяйственную

организацию и надлежащие условия для дальнейшей успешной работы...

Достижения в области поднятия производительности труда, рациональной организации работ и конструирования аппарата и методов хозяйствования выдвигают АИК по сравнению с Кузбасстрестом на первое место.

...Признать целесообразным и экономически необходимым объединение Ленинского (Кольчугинского) и Южного районов с Кемеровским. ...Признать целесообразным передачу Ленинского рудника в ведение АИК...»

Члены комиссии собираются обратно в Москву. Прощаясь, Растопчин говорит Себальду:

— Я за вас, товарищ Рутгерс, думаю, что ваша просьба о дальнейшем расширении АИК будет положительно разрешена в СТО.

18 сентября на заседании НК РКИ под председательством Янсона обсуждается доклад комиссии СТО. От ЦК РКП(б) присутствует старый член партии бывший шахтер Донбасса Семен Шварц. Он и горный инженер Фомичев поддерживают выводы и предложения доклада. А инженеры-«копикузовцы» молчат. На вопрос председателя Янсона они отвечают, что возражений у них нет.

В своем постановлении НК РКИ отмечает: «Несмотря на тяжелые условия, АИК в основном справился с поставленной задачей и, сохранив вверенные ему государством средства, создал устойчивую хозяйственную организацию, способную развернуться в опытно-показательное предприятие».

По отношению к Кузбасстресту выводы суровы. В них говорится о неправильном хозяйственном руководстве, о катастрофическом финансовом положении, о систематической невыплате зарплаты.

В решении записано: «...провести реорганизацию Кузбасстреста на основе выделения и передачи АИК Ленинского района и Южной группы (с Гурьевским заводом), рассматривая эту передачу как первый шаг к установлению в Кузнецком бассейне единого руководящего центра».

И вот решение НК РКИ вынесено на обсуждение СТО. Докладывает Растопчин. Тут-то и выступил Шалдун. Он бросает одно за другим порочащие работу колонии голословные обвинения и заканчивает:

— Невозможно поручить АИК единое хозяйственно-техническое руководство в Кузбассе. От имени всех специалистов — членов комиссии я заявляю о нашем несогласии с партийным руководством комиссии. Оно не компетентно решать специальные технические вопросы.

Кржижановский колеблется. Доклад не вызывает у него сомнений. Но нельзя оставить без внимания заявление Шалдуна и мнение Бажанова. Кржижановский предлагает еще раз проверить данные, которые легли в основу доклада Растопчина. СТО назначает авторитетную комиссию: Куйбышев, Кржижановский и Рудзутак. Куйбышеву предложено предварительно лично проверить все материалы обследования, вынести свое впечатление о положении АИК и лишь тогда представить его комиссии, чтобы принять окончательное решение.

Отчеты, отчеты, резолюции, протоколы, личные высказывания... Куйбышев сидит у себя дома, разбирая документы. Враждебные хитросплетения, правдивое и лживое, аргументы «за» и «против». Как легко было бы решать, если бы можно было просто разложить: налево — друзья, направо — враги! Но где найти критерий, чтобы установить это? Шалдун и Федорович — решительные противники существования колонии. Бажанов — коммунист, но он крепко отстаивает свой Кузбасстрест, хотя дело там обстоит плохо. Шварц и Фомичев тоже коммунисты, и они за Рутгерса. И эти ясные убедительные отчеты самого Рутгерса...

От решения Кржижановского, Рудзутака и его, Куйбышева, зависит дальнейшая жизнь колонии. Как правильно решить ее судьбу? Первый год страна живет без Ленина. Трудно.

Груда бумаг раскидана на ярко освещенном столе.

Телефонный звонок.

— Товарищ Растопчин? Пожалуйста, приходите поскорее. Я как раз разбираюсь в кузбасских делах.

12 ноября СТО выносит решение: «Как первый шаг к объединению управления всем Кузнецким каменноугольным бассейном, передать управление Ленинским и Южным районами Кузнецкого бассейна, а также Гурьевский завод правлению Кемеровского района (АИК Кузбасс).

Фактическую передачу перечисленных предприятий в ведение правления Кемеровского района (АИК) произвести к 1 января 1925 г....» Вскоре после отъезда комиссии СТО Себальд поехал в Москву, сопровождаемый наказами «айковцев»:

— Добейся расширения работ!

— Новых предприятий!

— Новых шахт!

Он едет, зная, что оставил в Кемерове тысячи борцов, жаждущих работы. Он борется за самостоятельность, инициативу, за живое участие

масс в управлении и развитии их социалистического производства. Он осуществляет их волю, ему многого удастся добиться.

Правлению АИК предоставлена возможность непосредственно обращаться к представителям: ЦК партии — Семену Шварцу, Госплана — Кржижановскому, СТО — Пятакову. Им троим поручено решать все вопросы, касающиеся колонии.

Утверждена хозяйственная самостоятельность колонии — прибыль от ее предприятий направляется только на ее расширение.

Главнейшей задачей АИК признано применение новых методов производства и введение новейшего технического оборудования.

Колония получает разрешение на беспошлинный ввоз товаров из-за границы, на приглашение высокооплачиваемых специалистов, на упрощенную систему уплаты налогов, на отмену частых отнимающих время инспекций.

И Себальд уверен — развитие колонии обеспечено.

Пока Себальд был в Москве, в Кемерове принимали гостей из-за границы. После окончания конгресса Профинтерна сюда приехал лидер английского профсоюзного движения Том Манн. По просьбе колонистов он сделал доклады о положении английских рабочих, о рабочем движении. Его страстные выступления вызвали горячий отклик не только среди колонистов, но и среди русских рабочих.

Остановился здесь и голландский журналист ван Бланкенштейн, сотрудник буржуазной газеты «Новый Роттердамский курант», приехавший ознакомиться с Советской Россией и изъездивший ее вдоль и поперек.

— Я занимаюсь международной политикой, — заявил он, — моя цель — наладить хорошие отношения между Голландией и Россией.

Статьи, которые ван Бланкенштейн опубликовал после возвращения на родину, говорили об обратном. Описывая успехи АИК, которые он не мог не признать, он напрямик высказывал мнение, что эти успехи возможны лишь благодаря самостоятельности правления колонии и полной независимости ее от советского рабочего законодательства.

Когда Себальд прочел эти статьи своего соотечественника, он ответил на них в голландской коммунистической газете «Трибуна». «Статья доктора ван Бланкенштейна, — писал Себальд, — является еще одним доказательством того, что буржуазный журналист не может писать о Советской России, не становясь при этом обыкновенным лжецом и болтуном».

Согласно постановлению СТО передача шахт Южного района и Гурьевского завода правлению АИК должна была закончиться к 1 января 1925 года. В декабре 1924-го Ган, Пирсон, Бронка, главный бухгалтер колонии Дуглас и еще несколько административных работников АИК поехали в Южный район, чтобы на месте оформить прием. Здесь выяснилось, что положение во много раз хуже, чем можно было ожидать, Себальд получал от Бронки тревожные письма.

«Мы знали, что рабочим систематически задерживают зарплату, и предполагали, что часть задолженности нам, может быть, придется взять на себя. Но это еще далеко не все. Нам потребуется десять лет, чтобы пробраться через этот лабиринт цифр, пропасти непонятных данных, через горы обещаний и всего, что они еще придумают. Наши бухгалтера с их простой и ясной системой не доросли до хитросплетений бухгалтеров Кузбасстреста. Все здесь фикция и обман: добыча угля, договора, наличие машин, стройматериалов, сырья, выполненные и подлежащие выполнению заказы. И все это, очевидно, только для того, чтобы запутать нас и не дать делу сдвинуться с места.

И самое ужасное, просто невероятное, что эти негодяи три месяца не платили рабочим зарплату. И этот долг нам придется взять на себя».

— Проклятье, — ругался Себальд, прочитав Бронкино письмо. Его нервы были напряжены до предела. — Они режут нас без ножа. Но передача должна быть закончена к установленному сроку. Самое главное то, что АИК приходит к концу года с чистой прибылью в миллион золотых рублей. Мы рассчитывали употребить эти деньги на новые капитальные вложения. Теперь придется большую часть денег потратить на уплату долгов Кузбасстреста.

Пирсон вернулся из Южного района. Он обследовал подлежащие передаче шахты.

— Колоссальные запасы угля, — делился он с Себальдом своими впечатлениями. — Мы быстро приведем шахты в хорошее состояние. Но рабочие — смешные ребята. Они буквально показывали на меня пальцем. Куда ни пойду, слышу: «Вот богатый американец!» И дети называли меня так же. Правда смешно?

— Очень смешно, — горько поддакивает Себальд. — Я тоже нахожу, что это очень смешно. Рабочие ждут от нас, от богатых американцев, что мы немедленно выплатим им зарплату, которую им задолжали за три месяца.

Следом за Пирсоном приехали остальные «айковцы». Они совершенно вымотаны.

«Да, теперь все это принадлежит нам, — думал Себальд. — Шахты, Гурьевский завод, уголь и сталь, заказы... и что еще?»

Вместе с главным бухгалтером Дугласом Себальд начал разбирать толстую папку документов. Чем больше они читали, тем явственней становилось, какие убытки они взяли на себя.

Дело было не только в невыплаченной зарплате. Сейчас стало очевидно, что Южный район стоял накануне финансовой катастрофы. Теперь она легла на бюджет АИК. К концу года колония шла с миллионом рублей прибыли. Хватит ли его, чтобы покрыть убытки, полученные в наследство от Кузбасстреста?

Часами сидят Себальд и Дуглас над бумагами, и все страшнее картина: в кассе не остается ни копейки, АИК Кузбасс разорен. В эту ночь Себальд не сомкнул глаз. На рассвете он написал Барте: «Продолжать работу здесь для меня равносильно самоубийству».

Наступил отчаянный холод. Днем, при ярком зимнем солнце термометр показывал минус 40. К ночи ртуть падала до 50 градусов. Части металлических сооружений, находящихся на улице, казалось, превратились в хрупкое стекло. Редкий день проходил без неприятностей — на морозе трескался металл.

Ледяная декабрьская ночь. Дымят коксовые печи. Четыре с половиной тонны мелко размолотого угля ползут в вагонетке по углеподаче к мощному бункеру, наполняющему печи. Резкое дребезжание. Сломалась ось ската вагонетки. Загрузка коксовых печей, а их пятьдесят, прервана. Надвигается беда — в пустых раскаленных печах расплавятся стены.

Срочно вызывают из дому руководителя механических мастерских. Работа ночной смены коксовых батарей остановилась.

— Сколько времени печи могут выдержать без подачи угля? — спрашивает ван Доорен у мастера печей.

— Три часа, может быть, четыре, если мы подадим воздух, но это предел.

Предел. Это как смертный приговор. Это значит — без угля печи погибнут.

За работу, товарищи! Надо разгрузить вагонетку — четыре с половиной тонны угля. Демонтировать скат, отремонтировать ось. Нельзя терять ни минуты.

Ночная работа под открытым небом, а на дворе минус 50. Люди

колеблются. Рабочий кодекс гласит: «При температуре минус 40 градусов любые сверхурочные запрещены».

— Товарищи, беда! Коксовые печи в опасности. Погибнет наша коксовая батарея. В нашем распоряжении только четыре часа, — убеждает ван Доорен.

«Коксовые печи... Наши коксовые печи в опасности... — летит от человека к человеку. — Скорей за работу! Товарищ ван Доорен, мы готовы».

В механической мастерской и у коксовых печей лихорадочная работа. Обязанности четко распределены. Через каждые 15 минут смена. 200 процентов добавки к зарплате и еще 100 процентов за ночную работу, если печи будут загружены через три часа. Но не это движет людьми.

Через два с половиной часа полная угля вагонетка двинулась на загрузку коксовых печей.

Это Кемерово — организованный, сознательный труд, беспредельная преданность русских и иностранных товарищей своей работе, чувство ответственности каждого за общее дело.

Уже на следующий день после своего отчаянного письма Барте Себальд совершенно забыл о нем и с головой ушел в работу. Надо было спасти положение АИК. Себальд немедленно сообщил о нем в Сибирский ревком и одновременно просил Государственный банк Ново-Николаевска срочно выделить кредиты для АИК. Было также важно, чтобы в Москве поняли, каким образом создалось такое тяжелое финансовое положение.

Ко всем бедам добавилось то, что Себальд лишился своей лучшей помощницы — Бронки.

Замученная изнурительной работой в Южном районе, потрясенная убытками, свалившимися на колонию, Бронка тяжело заболела. Возобновился туберкулезный процесс. Почувствовав себя особенно плохо, Бронка несколько дней пролежала в постели, а затем снова была на ногах и с неукротимой энергией взялась за работу. Никто не знал о ее нарастающей слабости, о лихорадочной температуре по ночам, пока при жестоком приступе кашля вновь не появилась кровь.

— Теперь тебе необходимо длительное лечение, — безоговорочно решил Себальд.

Бронку положили в томскую больницу. Через несколько дней врач сообщил:

— Положение больной очень серьезно. О скором возвращении на работу не может быть и речи.

Из больницы Бронку отправили в туберкулезный санаторий в Ялту.

Можно представить себе, как взволновало Барту письмо Себальда: «Продолжать работу здесь для меня равносильно самоубийству». Себальд не бросается словами. Разве это не крик отчаяния? Разве не должна она сейчас поспешить к нему? Неужели Себальд забыл, что семья готовится к отъезду из Томска? Ведь было решено, что Барта с Гертрудой возвращаются в Голландию, а Вим, закончивший Школу, должен ехать в Цюрих, чтобы поступить там в высшее техническое училище. Себальд обещал поехать с ними, чтобы в первый раз по-настоящему отдохнуть. А теперь такое, так непохожее на его обычную бодрость и сдержанность, отчаянное письмо. Барта быстро собралась в Кемерово.

Ее приезд был для Себальда полной неожиданностью. И вот она стоит перед ним, с тревогой вглядываясь в его лицо.

— Себальд, ты обещал поехать вместе с нами в Голландию. Все подготовлено к отъезду. Твое последнее письмо. Я надеялась, что ты сейчас же приедешь.

Взгляд Барты становится все тревожней. Щеки Себальда глубоко запали, вокруг глаз легли темные тени. Его стройная фигура стала, кажется, еще тоньше.

«Мое последнее письмо? — вспоминает Себальд, и перед его глазами возникают слова, которые он написал, когда на него свалился финансовый крах АИК. Горячее чувство вины охватывает его. — Что за непростительную чушь пришлось прочитать Барте!»

— Прости, — тихо говорит Себальд, — я написал тебе что-то совершенно нелепое. Прости... Но теперь мне необходимо побыть здесь еще месяц-два. Сейчас середина февраля. Вы уезжайте, а я приеду в апреле. Самое позднее в начале мая буду в Голландии. Ты понимаешь, у нас трудное положение. Колония очень расширилась, и сейчас я здесь очень нужен.

— Да, Себальд, но и здоровый человек должен отдыхать, — тихо уговаривала его Барта. — Уже четыре года ты работаешь без роздыха, и при этом ты болен. Ты совершенно изнурен, это ясно по твоему лицу. — Барта замолчала, пытаясь скрыть подступившие слезы.

— Честное слово, обещаю, — уверял Себальд. — Я передам дела. Все уже налажено. В этом году мы обязательно поедem в отпуск. — Он вскочил, обнял Барту, закружил ее по комнате. — Ура! В отпуск! 1925 год будет годом наших больших успехов. Я просто немного устал от всех неприятностей. Но в конце апреля я буду с вами в Голландии. Ура!

При поддержке председателя Сибревкома Себальду удалось получить из Сибирского госбанка ссуду в виде векселей и кредита. На какое-то время колония выкрутилась из банкротства. Производственный процесс шел нормально, зарплата рабочим была обеспечена и ликвидирована задолженность горнякам Южных шахт. Более того, удалось даже повысить их заработок, так что их положение скоро должно было сравняться с положением шахтеров АИК.

А в это время против АИК готовился новый удар.

Качество кокса, поставляемого колонией уральским заводам, было безукоризненным, и АИК предлагала свой кокс по государственной цене — 32 копейки за пуд. Но когда начались расчеты, уральские потребители, среди которых было много ставленников барона Таубе, отказались платить по установленной цене, они потребовали штрафной скидки в 14 копеек. Себальд заявил протест. Тогда уральцы предъявили другое требование.

— Мы теперь постоянные потребители кемеровского кокса; наш представитель должен устанавливать цену вместе с правлением АИК.

Себальд решительно отказался.

Финансовое положение АИК по-прежнему оставалось напряженным, и Себальд был убежден, что помощи можно ждать только от Москвы. Он передал управление колонией присланному из Ново-Николаевска инженеру Калнину, которого СТО назначил его заместителем, и в марте выехал в Москву.

Снова пришлось привести в движение все рычаги, чтобы добиться финансового оздоровления АИК. ВСНХ поддержал Себальда. Скидка в 14 копеек была отменена.

Пока Себальд в Москве с огромным напряжением добивался денег для АИК и разоблачал интриги и необоснованные притязания ставленников Таубе, Калнин в Кемерове самовольно заключил соглашение с уральскими заводами. Когда Фут сообщил об этом Себальду, его возмущению не было границ. Он сразу понял, каким огромным убытком обернется для АИК это соглашение.

В то же время стали прибывать взволнованные письма колонистов. Калнин ведет себя как диктатор, на каждом шагу тормозит работу иностранных специалистов.

«Калнин не хочет понять, что не он один, а мы все сообща чувствуем ответственность за успех дела, — писал Себальду Коос Фис. — Его администрирование и контролирование смешно и приносит непоправимый вред. По вине Калнина несколько лучших колонистов покинули колонию».

Предостережения, посылаемые Себальдом Калнину, все его указания

на необходимость сохранить специфику колонии были напрасны. На одном бурном собрании в Кемерове колонисты вынесли резкую резолюцию против Калнина и отправили ее Себальду.

10 апреля 1925 года Себальд послал из Москвы официальное предупреждение, что он потребует отставки, если Калвин не изменит своего поведения.

«Я хочу еще раз подчеркнуть, что я за передачу АИК русскому руководству, — писал Себальд Сибирскому ревкому. — АИК должна, и, может быть, очень скоро, потерять свою самостоятельность и войти в общую систему советского хозяйства. Но необходимо сохранить специфику нашей организации: большую эффективность руководства при минимальном количестве административных работников. Сочетание ясности нашей статистики и контроля с новейшими производственными методами являются главным достижением нашей колони. Я боюсь, — писал дальше Себальд, — что товарищ Калнин, стремясь возможно скорей превратить АИК в русское предприятие, вместе с водой выплеснет и ребенка и, несмотря на честность своих намерений, принесет больше вреда, чем пользы».

В Ново-Николаевске была создана комиссия, чтобы обследовать положение АИК. Секретарь губкома партии Косиор поддержал Себальда. Калнин был отстранен.

Наконец, несмотря на ярый протест Народного комиссариата финансов, удалось с помощью СТО добиться утверждения ссуды в 640 000 рублей. Себальд мог снова свободно вздохнуть: выплата заработной платы впредь была обеспечена.

Май 1925-го. Себальд готов в путь. Наконец он может — уехать из Москвы в свой долгожданный отпуск. Два месяца он проведет в Голландии вместе с семьей.

Поезд идет в Голландию. Себальд должен быть безгранично рад — первый настоящий отпуск после многих лет напряженной, хотя и полной успехов, работы. И Себальд доволен. Лишь одно удручает его: тревога за Бронку. Теперь ей, правда, лучше. Последнее письмо из санатория было бодрым, полным оптимизма. Она понравится непременно. Они снова будут вместе работать в АИК, ставшей теперь большим предприятием.

С каким живым участием она, больная, реагировала на каждое его сообщение! «Когда я немножко поболтаю с тобой, я чувствую себя лучше, — писала она. — Воздух здесь чудесный, но еще мало солнца. Я рада, что при всех обстоятельствах ты сохраняешь свой ум и бодрость... Между

прочим, твое письмо в Совнарком было, как всегда, блестящим». Как она радовалась, что в колонии дела решительно двинулись вперед!..

АИК... Но Себальда уже увлекает новая мысль — Тельбесс. Об этом плане Себальд думал и раньше, но, теперь он приблизился, назрел.

Себальд хорошо помнит разработанный до революции проект создания металлургического комбината в районе реки Тельбесс, где имеются богатые залежи железной руды и угля.

Этот проект заинтересовал Себальда еще в 1918 году, когда он работал в московских архивах во время своего первого приезда в Россию.

«Теперь настала пора осуществлять его. Теперь, когда к нам присоединены Южные шахты и Гурьевский завод, надо делать следующий шаг. Мы продвинемся дальше на юг. Возникнет огромный индустриальный комплекс — уголь, химия, руда, сталь».

Ты опять мечтаешь, Себальд? Едешь отдыхать из России в Голландию и мечтаешь так же, как тогда, когда вез из Италии в Россию свой план создания АИК.

Первые дни отпуска прошли как во сне. Ничего не надо делать, тебя никто не ждет, можешь отдыхать или читать, болтать с Бартой или играть с Гертрудой, можешь совершать длинные прогулки или снова лежать, еще раз перечитывая письма сыновей из Швейцарии.

«Сколько же я уже здесь? Сегодня четвертый, нет, пятый день, что я дома, в Амерсфорте. Только теперь понимаю, как необходим мне был покой, отдых. И дважды в день новая обязанность — впрыскивание инсулина». «Сахарная болезнь, недостаточный вес», — сказал врач. А Себальд только усмехнулся:

— Право, Барта, я чувствую себя просто замечательно.

Шесть дней прошли незаметно. На седьмой пришла телеграмма из Москвы. «Главный врач ялтинского санатория телеграфирует: состояние Бронки безнадежно. Фут».

Себальд немедленно выехал из Амерсфорта. Туда, к солнечному берегу Черного моря.

Бронка ждала его, и это ожидание привязывало ее к жизни. Когда Себальд приехал, она встрепенулась, глаза заблестели, голос стал ясен. Казалось, что жизнь подошла к ее постели и спугнула смерть. Широко будущее, полны радости грядущие дни.

— Рассказывай, Себальд, рассказывай. Кемерово, Гурьевен, а теперь Тельбесс... Уголь, руда, химия...

Три недели Себальд провел у Бронки. Его присутствие давало ей силу,

и Себальд уже начинал надеяться: Бронка поправится. Ее железная воля, ее неиссякаемая жажда жизни должны взять верх над болезнью.

Бронка спит. Она ровно дышит. Мирно и спокойно ее лицо, кажется, даже улыбка тронула губы. Что ей снится? Дни, наполненные работой? Раскаленный кокс, белый дым, рвущийся к небу? Я лечу с ним. Прощай, Себальд, прощайте, товарищи! Еще одно: я хочу прочесть вам телеграммы из стран всего мира, на всех языках. Вас приветствуют рабочие всего мира. И Варшава приветствует вас, моя Варшава. Прощайте, товарищи...

Приступ кашля. Горячим фонтаном кровь хлынула из горла. Бронка скончалась у Себальда на руках.

Ее похоронили в Ялте. На могильной плите высечены слова: «Железная воля, золотое сердце».

13 июня 1925 года в «Известиях» был помещен некролог. «Бронислава Корнблит родилась в Варшаве в 1891 году... Она принимала активное участие в организации Автономной индустриальной колонии Кузбасс с начала ее основания и до последних дней, когда она была оторвана от работы тяжелой болезнью. В Кемерове она была заместителем главного директора и одновременно административным руководителем — две должности, которые, пожалуй, никогда не занимала женщина в тяжелой промышленности. Она была исключительно способным и энергичным человеком. В день ее похорон были получены телеграммы от многих товарищей и групповые, которые посылали последний привет боевому другу — Бронке, как ее называли в Кемерове...»

Большая семья колонистов тяжело переносит утрату Бронки, порой несдержанной, но всегда отзывчивой, забывавшей о себе ради работы.

Инженер Струйк 8 июня пишет в Амстердам своему брату Дирку: «Неукротимой энергией, умением добиться осуществления поставленной цели Бронка сыграла значительную роль в развитии нашего предприятия. Для Рутгерса лично это также большая потеря. Она не просто почитала, а почти боготворила его».

Бронки нет. Себальд потерял самого близкого помощника и друга. Отпуск и лечение прерваны. Возвращаясь из Ялты в Москву, Себальд думал сразу поехать в Голландию, чтобы все-таки отдохнуть.

Но в московской штаб-квартире Борис Фут рассказывает: в Кемерово вновь выехала комиссия СТО под председательством Растопчина. Ее задача — обследовать, как идут дела на принятых АИК шахтах Южного района и на Гурьевском заводе.

— Разберутся без тебя, поезжай отдохнуть, — уговаривает Себальда Фут, — ты ведь болен.

— Не могу, я должен быть в Кемерове. Я ненадолго. Встречусь с комиссией, договорюсь обо всем, налажу, что нужно, и уеду. Я и Барте обещал, что скоро вернусь и буду основательно лечиться.

Себальд уезжает в Кемерово. Дела здесь идут неплохо. В Южных шахтах добыча угля растет. Комиссия признает успехи АИК, хотя в самом Кемерове развитие производства несколько замедлено в связи с освоением новых объектов.

Два месяца Себальд упорно работает, старается все предусмотреть и организовать так, чтобы в его отсутствие работа шла без перебоев.

Своим заместителем он оставляет Лосьева. В помощь ему организуется совет: в него входят руководитель технического бюро Струйк, инженер-строитель Неметц, главный бухгалтер Дуглас.

Теперь как будто все. В сентябре Себальд выезжает в Москву. И здесь приходится задержаться — обсуждается новый, увеличенный бюджет АИК. Наконец бюджет утвержден. Теперь можно решиться на длительный отпуск. В конце 1925 года Себальд уезжает в Голландию.

С Кемеровом поддерживается постоянная связь. Письма колонистов полны бодрости. Добыча угля значительно возросла, пущена вторая коксовая батарея, из-за границы приехали новые квалифицированные инженеры и техники.

Есть и неприятные известия: Лосьев недостаточно крепкий администратор, он не всегда умеет ладить с иностранцами...

Ничего, добыча угля продолжает расти, заработок рабочих повышается, у горняков Южных шахт он уже достиг уровня кемеровцев.

«Кузбасский бюллетень» в Нью-Йорке систематически публикует материалы о новых и новых достижениях кемеровцев.

Но больше всего радуется Себальда, что «аиковцы» воодушевлены планом строительства Тельбесса, о котором он рассказывал им, еще будучи в Кемерове. Да, теперь настала пора осуществлять его. В газете «Советская Сибирь» уже напечатана большая статья Себальда. Помещая ее, редакция сообщала:

«Настоящая статья принадлежит перу американского инженера, организатора и руководителя АИК Кузбасс. Редакция обращает особое внимание читателей на эту статью, в которой объективно освещены проблемы сибирской металлургии».

Себальд писал:

«...Настоящий момент является для Сибири самым подходящим для вступления полным ходом на путь своего развития. Она имеет вполне разработанный план строительства Тельбесского завода... дающий

возможность немедленно продолжать строительство...

...По моему мнению, надо отделить план Тельбесса от других подобных планов Сибири, Урала и юга России. Работу необходимо вести совместно с АИК Кузбасс, имеющей много экономических преимуществ и организованную группу американских рабочих и техников...»

Здоровье Себальда не улучшается. Он откровенно пишет Котляренко и Футу о том, что не хотел бы вновь взять на себя всю тяжесть управления АИК. Сейчас, когда все налажено, когда перед колонией хорошие перспективы, самое подходящее время передать ее управление в другие руки. Пусть будущий руководитель АИК сначала поработает его заместителем, а потом, когда войдет в курс дела, останется на его посту.

В феврале 1926 года Себальд возвращается в Кемерово. Лосьева переводят в Ново-Николаевск. По рекомендации Пятакова СТО назначает Себальду нового заместителя — Коробкина.

Крупный административный работник Донбасса, коммунист, бывший партизан — все говорило в пользу нового заместителя. Его непереносимое условие — взять на новое место работы свой донбасский штат специалистов — принято. В апреле 1926 года Коробкин со своими специалистами приезжает из Донбасса в Кемерово.

Себальд старательно вводит его в курс дела. Коробкин внимательно прислушивается ко всему, уверяет, что ему понятна специфика колонии, что он, конечно, сохранит всю организационную структуру АИК, ее систему статистики и учета.

Через два месяца совместной работы Себальд считает, что его заместитель достаточно подготовлен.

Снова Голландия. Себальд продолжает лечение, но мысли о Кемерове не оставляют его. Подробные письма идут в Москву к Котляренко и Футу, в Кемерово — к старым соратникам и друзьям. И в Амерсфорт редкий день не приходят конверты со штампами Кемерова и Москвы. Пишут Струйк, Дуглас, Схемергорн, Коос Фис, Фут. Их письма все больше начинают вызывать тревогу. «Коробкин не выполняет ни одного данного вам обещания... Коробкин разваливает всю организацию...» И все письма кончаются одним и тем же рефреном: «Товарищ Рутгерс, если возможно, приезжайте... Приезжайте поскорее... Приезжайте немедленно!»

В августе Себальд снова в Москве. Срочно вызывают Коробкина из Кемерова. Все вопросы подробно обсуждаются в присутствии Котляренко и Фута. И Коробкин снова на все согласен. Себальд подчеркивает, что АИК

должна со временем превратиться в русский трест. Это и есть их цель. И задача администрации — помочь перевести АИК в общую систему советских предприятий. Но при этом необходимо сохранить все лучшее в ее организации, все прогрессивное и рациональное, что удалось ввести колонистам.

Создано новое правление АИК: Себальд, Коробкин, Котляренко, Струйк.

В октябре Себальд снова возвращается в Голландию.

И снова из Кемерова поток взволнованных писем.

«Зарботок падает, заработная плата задерживается...»

«Подсобное хозяйство ликвидировано...»

«Административный аппарат вырос с 80 до 148 человек».

Об этом же пишут и Струйк и Гаи.

В сентябре 1926 года колонисты отправляют Рутгерсу коллективное письмо:

«...Средства колонии разбазариваются. Ее деньги тратятся на личные нужды Коробкина и его спецов из Донбасса... Больше терпеть нельзя. Необходимо ваше вмешательство».

5 ноября Себальд посылает из Голландии в Москву подробную телеграмму Куйбышеву, в которой предлагает немедленно снять Коробкина, и в конце года сам выезжает в Москву.

Совещание под председательством Косиора обсуждает положение АИК. Несмотря на плохое состояние здоровья, Себальд соглашается остаться руководителем колонии и обещает вновь наладить ее работу, если будут выполнены два его условия: первое — немедленное снятие Коробкина, второе — назначение дельного заместителя из русских товарищей.

Эти условия не были выполнены. Себальд вынужден просить освободить его от руководства АИК. В конце года он получает разрешение оставить свой пост.

В разговоре с Футом Себальд сказал:

— Моя работа в АИК сейчас, очевидно, уже не принесет той пользы, что прежде. Настало время влить колонию в систему общего хозяйства страны. Государственные органы не могут больше так много заниматься

отдельными предприятиями.

Сейчас, когда промышленность России крепко становится на ноги, автономия колонии уже не нужна. Вопрос о Коробкине имеет для меня второстепенное значение, тут должна вмешаться местная партийная организация. Больше, чем мы сумели достичь здесь, исторически было невозможно.

Коробкин, ставший полновластным хозяином, продолжает разваливать колонию.

Бюро АИК Кузбасс в Нью-Йорке закрылось. Большинство иностранцев покинуло Кемерово. Там остались лишь немногие, главным образом коммунисты. Некоторые потом уехали на новостройки — на Турксиб, на Сталинградский тракторный завод.

Уже весной 1927 года комиссия НК РКИ обследовала работу АИК Кузбасс. В мае Коробкина сняли с поста директора, в июне исключили из партии, а затем арестовали. Вместе с Коробкиным на скамью подсудимых попала часть привезенных им спецов.

2 февраля 1928 года выездная сессия Сибирского краевого суда рассмотрела дело по обвинению Коробкина и его бывших служащих. Коробкину вменялось в вину, что он допустил злоупотребление предоставленной ему по службе властью и халатно относился к служебным обязанностям. В результате этого последовал развал работы в АИК — тресте государственного значения.

Особо отягчающими вину обстоятельствами суд считал изгнание значительного количества специалистов-иностранцев, приглашение негодных работников, не бывших специалистами, трату значительных сумм на предметы роскоши, составление неверного, необоснованного производственно-финансового плана. В результате убытки колонии составили 4 917 550 рублей 92 копейки.

По приговору суда Коробкин был присужден к восьми годам тюремного заключения.

— И все-таки наш эксперимент удался, — говорил Себальд перед своим отъездом из Москвы. — Недешево нам это стоило. Наш маленький интернационал в Сибири создал большое индустриальное предприятие. И все это остается и будет расти. Мы показали, что может сделать международная солидарность рабочих,

Книга пятая

Научная работа, политическая деятельность (Австрия, Германия, Советский Союз, Франция, Голландия). 1927—1945

Рутгерсы снова, в который раз, возвращаются в родную Голландию. Отдых и заботливый уход Барты постепенно восстанавливают силы Себальда. И вместе с новыми силами появляются новые мысли и планы.

Себальд привык быть на переднем крае жизни. В юности таким передним краем в строительстве был железобетон, в политике — социализм. Потом передним краем революции стала Советская Россия, и Себальд связал с ней свою судьбу. Сейчас основная проблема современного общества — крестьянский вопрос, недаром Ленин придавал ему такое значение. И Себальд понимал, что индустриализация — это лишь одна сторона успеха, лишь половина его, если не осуществить союз рабочих и крестьян. В результате неравномерного развития города и деревни всегда страдают крестьяне. В этом Себальд убедился на живом опыте, сталкиваясь с населением в разных странах — в метрополиях и колониях. Теперь этот опыт пополнился впечатлениями о положении крестьян в Советской России. Настала пора обобщить виденное, заняться серьезной научной работой.

Голландия, которой не грозили никакие хозяйственные потрясения, была, казалось, наиболее подходящим местом для нее. Но с тех пор как Себальд проездом из Италии в Россию останавливался в Вене, он не забыл своеобразной прелести этого города. Все привлекало в нем: и мягкий климат, и прекрасные библиотеки, и дружба, завязавшаяся с Гансом Вертгеймом.

Себальд с Бартой и шестнадцатилетней Гертрудой переехали в Вену. Они поселились в двух меблированных комнатах у подножия Каленберга.

Обедневшая послевоенная Вена не потеряла своего очарования, тяги к веселью, к легкой радостной жизни. И вместе с тем здесь особенно резко выступали противоречия капиталистического мира. Хорошо организованный рабочий класс Австрии славился сильными профсоюзами, вооруженным шувбундом. Но все это было в руках социал-демократии. Вену называли крепостью II Интернационала. Коммунисты были оттеснены, влияние их на рабочие массы ограничено. Даже многие тысячи

безработных находились под влиянием социал-демократов.

И вместе с тем разве не облетела мир весть о революционном восстании в Вене в июле 1927 года, о пожаре Дворца юстиции, подожженного пролетариями в знак протеста против оправдательного приговора нацистским убийцам.

Теперь ничто не напоминало больше о восстании масс. Отто Бауер, глава социал-демократической парламентской оппозиции, уже не твердил о будущей революции, не грозил, что рабочие уничтожат буржуазное государство.

Бургомистр Зейтц призывал к спокойствию и порядку. Он гордился своей милой «красной» Веной с ее многочисленными муниципальными домами, бесплатными плескательными бассейнами для детей, роскошными садами, национализированным городским транспортом и энергетическими предприятиями.

Кто вспоминал теперь о том, что говорилось в парламенте после поджога Дворца юстиции? «Сто убитых — это жертвы произвола полиции, стрелявшей в венских рабочих», — возмущался тогда Отто Бауер. А канцлер Зейпель, монах в сюртуке, вождь правительственной партии, поправлял его: «Почему вы говорите о ста убитых, ведь их только 97?»

Кто еще думает о том, что было время, когда на пестрых тумбах для афиш, стоящих на роскошной Рингштрассе, можно было прочесть вызов писателя Карла Крауза: «Господин полицейский президент Шобер, я требую вашей отставки».

День за днем Себальд работает в библиотеках, пишет свою книгу «Крестьянский вопрос». Тема ставится широко: как развивается сельское хозяйство в социалистической России, в капиталистических странах Европы и в Америке, в огромных областях Индонезии и Китая, томящихся под колониальным гнетом.

Работа над книгой не мешает Себальду поддерживать широкие связи со старыми и новыми друзьями. Живое общение, обмен мнениями с единомышленниками и политическими противниками — необходимое дополнение к его научным занятиям. Постоянными гостями Себальда становятся венские коммунисты Ганс Вертгейм, Франц Коричонер.

Себальд один из основателей австрийского Общества друзей Советского Союза. По вечерам он читает публичные лекции о Советской России. Он рассказывает о своих личных впечатлениях и наблюдениях, приводит факты, хорошо известные ему, как инженеру, руководителю большого промышленного предприятия в Кузбассе. Он отвечает на сотни

вопросов рабочих, интеллигенции, представителей буржуазии.

На каждой лекции Себальда неизменно присутствует полицейский чиновник, но в чем можно обвинить этого иностранного подданного Рутгерса — в его речах нет ничего возмущающего покой и порядок Вены.

Покой и порядок в «красной» Вене... Полицейский президент Шобер не ушел в отставку. Твердолобый церковник Зейпель крепко держит власть в своих руках. Все чаще маршируют по улицам Вены колонны молодчиков в коричневых рубахах. Все ожесточенней схватки между рабочими и национал-социалистами. В Германии Гитлер подбивает своих приверженцев захватить власть. Немецкий народ готовят к походу на Восток — дранг нах Остен.

А Вена все еще спокойна и благодушна. Социал-демократы убеждают: «Только не позволить себя спровоцировать. Коммунисты с их науськиванием — враги слева, Гитлер — враг справа. Нас это не касается, мы — мирная середина».

В университете смута. Фашиствующие студенты врываются в аудитории, с воплями и побоями они вышвыривают в коридоры своих товарищей по учебе — коммунистов, евреев. Окровавленных, избитых теснят в вестибюль. Здесь их ожидают выстроившиеся по обе стороны шпалеры вооруженных плетками коллег. Дикая крики: «Германия, проснись! Бейте жидов!» Полиция перед университетом бездействует — по издавна существующему закону ни один блюститель порядка не имеет права переступить его порог.

Коммунистическая партия предостерегает: террор всегда начинается с антисемитизма.

На собраниях социал-демократической партии произносятся успокоительные речи: зачем волноваться из-за студенческих беспорядков? У нас есть наш шуцбунд.

Массовые собрания коммунистов. Политические речи. В зале лозунги: «Стойте на страже Советского Союза — отечества трудящихся всего мира!» Немецкие революционные поэты Иоганнес Бехер и Эрих Вайнерт читают свои стихи. Демонстрации. На улицах Вены раздаются революционные песни:

Рабочий, крестьянин, твердой
Держите винтовки рукой.
Разбейте фашистские орды,
Зажгите пожар мировой!

Безработица растет. Деньги обесцениваются. В газетах появляется новое выражение — мировой кризис. Тысячи жаждущих работы стоят перед воротами заводов и фабрик, их труд никому не нужен. Крупные заводы сокращают производство, мелкие предприятия закрываются. Но угроза военного нападения на Советский Союз отодвинута, Россия выиграла несколько лет для индустриализации страны.

И эта страна, которая восстанавливает и строит, все больше привлекает внимание инженеров и техников. Многие из них хотят поехать в Россию. Они приходят к Себальду, спрашивают его совета. Себальд рассказывает об увлекательных проектах, о размахе работ, о воле к труду, об уверенности советских людей в своем будущем, об их энтузиазме. Он не замалчивает трудности и лишения, которые неизбежны в России, отдающей все силы строительству.

Приходят к Себальду и разные изобретатели с невероятными проектами и открытиями, которыми они собираются осчастливить Советский Союз.

— Есть у вас еще что-то конкретное? — так обычно прерывает Себальд фантастические планы засидевшегося гостя. Эти слова Себальда скоро стали крылатыми в семье Рутгерсов.

В доме бывают и юные товарищи Гертруды, особенно часто ее ближайший друг Карл. Он и его друзья быстро поддаются под влияние Себальда. Перед 18-летним юношей открывается новый мир. Вальтер Холичер и Эдуард Мэрц принимают участие в горячих дискуссиях. О чем только здесь не говорится! Эволюция или революция? Социал-демократия или коммунизм? Психоанализ Сигмунда Фрейда, венский философский кружок, Мах и его школа...

Себальд вникает во все. Ему понятен строй мысли молодых, и, не подавляя их собственным авторитетом, он шаг за шагом ведет своих юных друзей к пониманию основных проблем современности. Они даже не замечают, как он учит их, постепенно отменяя противоречивые буржуазные теории и взгляды самостоятельно прийти к революционному марксизму.

Себальд выступает с лекциями о диалектическом и историческом материализме перед рабочими и интеллигенцией. Здесь, где от слушателей требуется специальная подготовка, его речь кажется порой тяжеловесной, но зато как ясны и понятны его ответы на прямые вопросы слушателей.

Книга «Крестьянский вопрос» закончена. Она вышла в свет в Роттердаме в 1929 году. Между тем в Венском институте почвоведения учится необычный студент — 50-летний инженер Рутгерс. Политика и экономика для Себальда не оторваны от естествознания и техники.

— Невозможно как следует разбираться во всем, — говорит он. — Но диалектический метод — это компас, который показывает всегда правильный путь и дает возможность быстро ориентироваться в любой области знания.

Едва закончив «Крестьянский вопрос», Себальд берется за проблему механизации сельскохозяйственных полеводческих работ. Он увлечен идеей огромного мостового комбайна, такой передвижной сельскохозяйственной фабрики на гусеничном ходу. Она должна быть снабжена собственным двигателем и самыми разнообразными сельскохозяйственными сменяемыми подвесными орудиями. Эти сменяемые орудия обеспечат обработку почвы, посев, междурядную обработку, внесение удобрений, дождевание или полив, а также сбор урожая и его первичную обработку.

Комбайн задуман в первую очередь для крупных интенсивных хозяйств, расположенных на сплошных больших полях, для технических культур, таких, как хлопок и сахарная свекла. Он может принести особую пользу в условиях индустриализации и коллективизации в СССР.

Себальд решает снова поехать в Советский Союз.

Гертруда остается в Вене, она посещает школу медсестер и готовится поступить на медицинский факультет Венского университета.

Весна 1930 года. Себальд снова в Москве, в гуще советской жизни. Уже трудно представить себе, что он несколько лет пробыл за границей. Проект мостового комбайна отходит на второй план. Себальда назначают консультантом комиссии по экспертизе крупнейших строительных проектов, осуществление которых будет стоить миллионы.

Вместе с советскими и иностранными специалистами, профессорами Келлером и Терзаге он рассматривает строительные проекты. Он дает отзывы на проекты автомобильных, цементных, известковых заводов, заводов по обработке песчаника, производству асфальта. Все это должно быть осуществлено в кратчайшие сроки, построено людьми, жизнь которых еще нелегка и скучна.

Советский Союз в строительных лесах. Многими нитями связан он с иностранными специалистами. Их технические знания оплачиваются

валютой. СССР для них — обетованная страна больших индустриальных проектов.

Но высокие ежемесячные оклады порой выплачиваются впустую, не дают нужной отдачи. Инженерам не предоставляют широкого фронта работ, они занимаются мелочами, попусту тратят время.

Член комиссии по делам иностранных специалистов при Наркомате Рабоче-Крестьянской Инспекции Рутгерс следит за тем, чтобы рационально использовать специалистов, дать им возможность работать в полную силу. И никому не удастся лучше, чем Рутгерсу, инженеру, владеющему многими языками, знакомому с методами труда и обычаями разных стран, устранить неполадки, наладить работу.

Идея мостового комбайна для интенсификации сельского хозяйства продолжает занимать Себальда. Он публикует статьи в специальных журналах, дает чертежи и расчеты. Институт механизации сельского хозяйства и Сельскохозяйственная академия создают комиссию для рассмотрения проекта. Строится деревянная модель, проводятся лабораторные исследования.

Старый друг Себальда, австрийский коммунист Феликс Франкль, уже много лет живущий в Советском Союзе, с восторгом встречает проект Себальда. Франкль учится в Промакадемии. Ее слушателям созданы особые условия обучения. Они станут квалифицированными инженерами не в пять-шесть лет, как обычно, а в три-четыре года.

Советский Союз должен догнать и перегнать капиталистические страны в техническом отношении, стране необходимо в кратчайшие сроки создать свои руководящие кадры инженеров-коммунистов.

— Твоя машина, Себальд, — это то, что нужно, — говорит Франкль. — Мы должны сделать все, чтобы осуществить проект.

Однако комиссия, выделенная Институтом механизации, признавая ценность проекта, считает, что при нынешнем состоянии сельского хозяйства осуществление его преждевременно.

Весной 1931 года НК РКИ решает использовать Себальда как гидростроителя. Его включают в состав комиссии РКИ, которая едет на Вахшстрой, чтобы проверить, как идет строительство новой мощной ирригационной системы.

Они едут туда с вооруженной охраной, так как в окрестностях еще свирепствуют банды басмачей. На обратном пути в Ташкенте Себальд посещает Институт механизации сельского хозяйства, лабораторию строительства водных сооружений, ирригационные устройства. Себальд вновь предлагает свой проект мостового комбайна. Но и здесь считают, что

еще не настало время осуществить его.

Интерес Себальда к крестьянскому вопросу приводит его в Международный аграрный институт, постоянным сотрудником которого он вскоре становится. Здесь Себальд занимается специальными вопросами развития сельского хозяйства в колониях. Его статьи печатаются в журнале «Аграрные проблемы».

Одновременно Рутгерс является членом редколлегии новой ежедневной газеты «Москау дейли ньюс», выходящей в Москве на английском языке.

Днем работа в Аграрном институте и редакции, вечера дома. Постоянно бывают гости. Большею частью это иностранные специалисты и ближайшие друзья: Феликс Франкль и его жена Гиза Шпицер, Герш Наглер, голландские коммунисты Струйк и Схемергорн.

Так проходят два года в Москве.

В 1932 году Себальд и Барта снова в Вене. Город потерял свой приветливый облик. Исчезла непринужденная веселость венцев. По улицам маршируют колонны фашистов. Полиция стоит шпалерами вдоль мостовой. Фашизм шествует, выкрикивая свои лозунги: «Германия превыше всего! Народ без земли. В поход на Восток!»

Себальд вновь участвует в пропагандистской работе Австрийской компартии и Общества друзей Советского Союза. Он читает лекции и делает доклады о хозяйственном строительстве в СССР, о жизни и быте советских людей. Многие часы он проводит в библиотеках, занимаясь научной разработкой аграрных проблем. Одновременно начинает историческое описание возникновения АИК Кузбасс на основании писем и документов.

В феврале 1933 года Себальда приглашают принять участие в конгрессе по крестьянскому вопросу, созываемом в Голландии, выступить там с докладом о сельском хозяйстве в Советском Союзе.

По дороге в Амстердам Себальд и Барта останавливаются в Берлине. Положение в городе крайне напряженное, фашизм готовится к решительному удару. Себальд встречается со старыми друзьями, социологом и прогрессивным писателем К. А. Виттфогелем. Ученого преследуют фашисты, он избегает бывать в своей квартире и собирается покинуть Германию.

27 февраля Себальд и Барта смотрят пьесу Виттфогеля «Мышеловка». Два часа на сцене и в зрительном зале актеры и зрители живут жизнью современной Германии со всей ее неуверенностью, безнадежностью и террором. Выйдя из театра, они замечают на улицах какое-то смятение.

Горит рейхстаг.

Радио кричит: «Коммунист ван дер Лгоббе арестован на месте преступления».

По улицам маршируют колонны коричневорубашечников. На следующий день по тротуарам разгуливают старые вильгельмовские офицеры и генералы, на жесткой груди мундиров блестят старые ордена.

Радио беспрерывно повторяет: «Поджигатель арестован», «Фюрер в рейхстаге», «Фюрер сказал: «Теперь мы разгромим коммунистов железной рукой!»

В тот же день, перед самым закрытием границы, Себальд и Барта уезжают в Голландию.

В Голландии еще мир и покой. Но фашизм пустил крепкие корни в сердце Европы и представляет растущую опасность для соседей Германии. В Амстердаме Себальд встречается с Давидом Вайнкопом. Более тридцати лет назад они вместе начинали путь трибунистов. У Вайнкопа собраны важные политические документы о рабочем движении в Западной Европе с начала века. Себальд убеждает друга перевезти бесценный исторический архив в Россию. Вайнкоп, Себальд и Барта втроем пересматривают документы и готовят их к отправке в Россию. Через три месяца Институт Маркса — Энгельса — Ленина в Москве принимает архив.

После захвата власти Гитлер начал готовиться к оккупации Австрии и присоединению ее к Германии. Австрийские фашисты ждут сигнала. Но рабочий класс все еще силен и хорошо организован, вооруженный шуцбунд готов к борьбе. Австрийское правительство издает все более строгие законы: шуцбунд запрещен, запрещены стачки, Австрийская коммунистическая партия еще официально не запрещена, но ее деятельность преследуется.

Запрещенный шуцбунд в Венском Лесу тайком проводит военные сборы. На законы, ограничивающие их права, венские рабочие отвечают вооруженным восстанием. В городе уличные бои, жилые дома превращены в крепости. Но разрозненные группы рабочих бессильны противостоять хеймверу. Правительство объявляет социал-демократическую партию вне закона. Вся власть сосредоточена в руках католической партии и ее вождя Дольфуса. А за политическими кулисами выжидает третья сила — готовый к нападению австрийский фашизм. Будущий убийца Дольфуса уже подкуплен немцами.

На студенческой демонстрации среди других арестовали Гертруду. Через неделю арестованных освободили из тюрьмы при помощи адвоката

коммуниста Вакса. Но обвинение в участии в политических беспорядках остается.

Вскоре состоялся суд. Приговор — год условного тюремного заключения. За приговором следует исключение из университета.

В это время Себальд и Барта вновь собираются из Голландии в СССР. Через некоторое время Гертруда и Карл получают разрешение приехать к родителям в Москву. Год назад сюда уже приехал из Швейцарии молодой инженер Вим со своей женой Эльзи.

На московских улицах толкотня и спешка. На трамвайных остановках очереди. Автомобилей еще мало. Дома пестрят плакатами и лозунгами: «Все на строительство тяжелой промышленности!», «Выполним пятилетний план в четыре года!»

Себальд продолжает свою работу в Аграрном институте, занимается вопросами сельского хозяйства в колониях. Он знакомится с работой об Индонезии профессора А. Губера, читающего лекции в Институте народов Востока. Начинается плодотворное сотрудничество Рутгерса и Губера. Они вместе изучают колониальную проблему. Результат их совместной работы — книга «Индонезия».

В доме Рутгерсов по вечерам ведутся оживленные беседы. Приходят иностранные инженеры, большей частью голландские и американские специалисты, друзья и товарищи по партии. Часто бывают прежние «айковцы». Приходит Дирв Схемергорн. После Кемерова он уехал на строительство Турксиба, был награжден там орденом Ленина, теперь он ответственный работник Наркомата путей сообщения. Приезжает из Харькова ставший инженером и заместителем директора завода Коос Фис со своей женой Нелл. Из Голландии приезжает Антон Струйк. После Кузбасса и Турксиба он вернулся на родину, теперь он член ЦК Голландской компартии. Бывает Мартенс. Разные взгляды на существование АИК не нарушили его давнюю дружбу с Себальдом. Из США приехал в гости Юлиус Хейман. Бывшие соратники вспоминают славные дни Кузбасса.

Бывают у Рутгерсов Феликс Франкль с Гизой Шпицер, руководящим партийным работником; ведущий экономист завода АМО Герш Наглер и его жена Рахель, сотрудница Библиотеки имени Ленина.

Здесь говорят о мировой политике, о положении за рубежом, о строительстве в Советском Союзе.

Архитектор Нейман из Вены восторгается великолепными строительными проектами Москвы. Голландский инженер Фер-верда, приехавший из Баку, сравнивает условия работы бакинских нефтяников с

положением рабочих, добывающих нефть в голландских колониях в Индонезии.

Дом Рутгерсов был центром, где люди охотно встречались, где оживало прошлое, серьезно и критически оценивалось настоящее и обсуждались вопросы будущего.

Себальд много работает. Он пишет статью о своих встречах с Лениным, сотрудничает в Коммунистической академии, участвует в подготовке журнала по международным аграрным вопросам, делает доклад об Индонезии на конференции, посвященной колониальным проблемам.

В семье Рутгерсов большое событие: Гертруда родила сына. В честь деда Себальда Юстинуса его назвали Юстином. Себальд очень горд внуком. И когда однажды трехмесячный малыш невнятно лепетал: «Ик-ки, ик-ки», дедушка нашел в этом смысл.

— Послушайте-ка, он говорит ИККИ, ИККИ — Исполнительный комитет Коминтерна!

Рутгерс продолжает совместную работу с профессором Губером над книгой об Индонезии. Появляются новые вопросы, которые трудно разрешить в Москве. Они требуют дальнейшего исследования в библиотеке Колониального института в Амстердаме.

Задуманное Коммунистической академией издание журнала, посвященного международным аграрным вопросам, в Москве не удастся осуществить, есть предложение издавать его в Париже на многих европейских языках.

В связи с этим летом 1936 года Себальд вместе с Бартой уезжают на Запад.

День за днем Себальд работает в библиотеке Колониального института в Амстердаме. Труды Себальда в области международной аграрной политики хорошо известны. Его приглашают войти в состав голландской делегации, которая едет в Брюссель на международный демократический крестьянский конгресс. В Брюсселе Себальд знакомится с руководителями крестьянского движения в Западной Европе. Он встречается с депутатом французского парламента Жаном Рено, который приглашает его в Париж. Себальд с радостью принимает это приглашение.

Июль 1936 года Себальд и Барта проводят в Париже. На его улицах воодушевленная толпа. Демонстранты несут красные флаги, транспаранты. Лозунги призывают к объединению, к миру. Стихийно возникают митинги: движение народного фронта захватило тысячи людей.

Теперь, через три года после прихода Гитлера к власти, сковывающий

страх перед жестокой мощью Германии ослабел. Рухнула вера в несокрушимость фашизма. Раскол среди трудящихся преодолен. Коммунисты и социал-демократы, верующие и свободомыслящие, пацифисты и военные объединены в Париже в день национального праздника — годовщины взятия Бастилии — 14 июля. На площадях и улицах выступают ораторы в масках — антифашисты, тайно прибывшие из Германии. И нет границ энтузиазму тысяч людей, когда на трибуну поднимаются испанские борцы за свободу и передают привет от испанских фронтовиков.

— Да здравствует Испания! Но пасаран!

Художники и писатели принимают участие в политической борьбе.

Себальд и Барта посещают дома культуры, лекции и массовые собрания, смотрят революционные фильмы и спектакли. Массы пришли в движение. Себальд захвачен их воодушевлением.

В разговоре с Гансом Вертгеймом, в 1934 году бежавшим из Вены и продолжающим в Париже свою деятельность издателя коммунистической литературы, Себальд утверждает:

— Враг должен быть и может быть разбит. Вертгейм настроен скептически.

— Себальд, ты, как всегда, оптимист. А мне кажется, что война неизбежна. Массы пришли в движение, но не поздно ли? Боюсь даже, в этом движении участвуют слишком многие. Не хватает ядра.

Себальд и Барта вернулись в Амстердам. Снова работа в библиотеке Колониального института. Потом снова Москва.

В 1938 году Себальд и Барта вернулись в Голландию. Их дети, ставшие советскими гражданами еще в 1936 году, остались в Москве.

Амстердам. Апрель 1938. Себальд приехал как раз вовремя, чтобы принять участие в конгрессе Голландской коммунистической партии. Дискуссии, обмен мнениями, обсуждение международного положения, встречи с многими старыми друзьями, беседы с Вайнкопом.

Быстро освоившись с издавна знакомой жизнью Голландии, Себальд помогает организовать работу коммунистического издательства «Пегас», редактирует перевод собрания сочинений Ленина на голландский язык. Он организует издание нового журнала «Советский Союз», публикует статьи, которые опровергают клевету буржуазной прессы на страну социализма, выступает в ежедневной коммунистической газете «Фолкс дахблад», участвует в создании дома молодежи «Шпандорф».

В библиотеке Колониального института снова видят склонившегося

над книгами Себальда Рутгерса. Он работает над второй частью начатой вместе с Губером книги «Индонезия». Первая часть вызвала большой интерес, особенно в Индонезии и Китае.

И так же, как это было в Москве, здесь, в Амстердаме, квартира Себальда становится центром, где люди встречаются, чтобы обсудить вопросы мировой политики и события сегодняшнего дня.

В сентябре 1938 года в Мюнхене Чемберлен и Даладьё встречаются с Гитлером и Муссолини. Лорд и крупный буржуа ведут переговоры с двумя диктаторами. Судетская область, часть страны, которая принадлежит их союзнику Чехословакии, отдается за кусок бумаги — договор о ненападении.

Вернувшись в Париж, французский министр иностранных дел Даладьё объясняет своим приверженцам: мы достигли нашей цели. Немецкий наступательный порыв надо было отвлечь на восток. Пришлось пойти на небольшую жертву за счет Чехословакии.

В Англии та же игра. Я привез вам цветочек надежды из букета крапивы опасности, говорит, вернувшись из Мюнхена, Чемберлен. И лондонцы, пришедшие встретить его на аэродроме, рукоплещут своему премьер-министру.

В марте 1939 немцы оккупируют всю Чехословакию. Затем следует захват Данцига. Муссолини нападает на Албанию.

Советский Союз безуспешно пытается склонить Англию и Францию к союзу против фашистской диктатуры. Дипломатические переговоры не приводят ни к чему. В августе 1939 года СССР заключает договор о ненападении с Германией.

Коммунисты на собраниях, в печати объясняют, как серьезно положение, как страшны последствия возможной войны. Себальд пишет статью за статьей для коммунистической прессы, выступает и в буржуазных газетах. «Советский Союз должен делать все, чтобы избежать войны, чтобы поднять свою обороноспособность, имея в виду грядущую опасность».

Гитлер оккупировал Данию и Норвегию. Положение в Голландии становится все напряженнее. Правительство издает приказ о мобилизации. Народ и армия готовы оказать сопротивление немцам. Коммунисты призывают к борьбе. Первого мая 1940 года в Амстердаме на многотысячном собрании Вайнкоп обращается к массам. Фашистские агенты, прибывшие из Германии, и группы голландских фашистов начинают травлю коммунистов и евреев. Голландское правительство ищет

спасения, арестовывая и коммунистов и фашистов. Вайнкоп в тюрьме, «Фолкс дахблад» запрещена.

Через неделю немцы нападают на Голландию. Маленький, упрямый, исполненный чувства собственного достоинства народ день за днем оказывает упорное сопротивление. Наступающие немецкие танки встречают погруженные в воду, затопленные районы. Немцы прибегают к террору. Беззащитный Роттердам подвергается нападению с воздуха. Центр города в развалинах. Среди тысяч погибших Анни Рутгерс, жена Яна. В эти военные дни коммунистов выпускают из тюрем. Освобожден и Давид Вайнкоп.

Правительство Голландии бежит в Англию. 14 мая 1940 года немцы оккупируют Голландию.

Себальд и Барта покидают Амстердам и поселяются в небольшом местечке Блариком. Они живут здесь легально. В занятой немцами Голландии еще существует Общество друзей Советского Союза, и в течение двух месяцев продолжает выходить его орган журнал «Советский Союз». Себальд может вести свою политико-литературную деятельность. И письменная связь Себальда и Барты с их детьми в Москве не прерывается.

Сразу после оккупации продовольственное положение Голландии резко ухудшилось. Немцы грабят маленькую богатую прежде страну.

Первые мероприятия фашистов: запрет коммунистической партии и объявление евреев вне закона. Голландское население прячет своих сограждан евреев в погребах и на чердаках. Где-то в замученном, но сохраняющем достоинство Амстердаме, в крохотной мансарде средневекового дома Анна Франк пишет свой дневник.

25 февраля 1941 года в Амстердаме вспыхивает стихийная забастовка в знак протеста против преследования евреев. Забастовка перекидывается в другие города. Верфи безмолвны, в гаванях тишина, фабрики, военные и авиационные заводы не работают, транспорт в городе парализован.

В июне 1941 года Германия нападает на Советский Союз. Себальд и Барта уезжают из Бларикома на север Голландии, туда, где их не знают.

С самого начала оккупации Себальд связан с движением Сопротивления, которое охватило все слои населения. Его возраст, его внешность, его занятия ученого ставят его вне подозрений фашистов. Он именно то лицо, которое Коммунистическая партия Голландии может сделать связующим звеном между руководителями Сопротивления и активистами. Себальд и Барта часто переезжают с места на место. В 1944 году они живут в маленьком местечке Еелде, на севере Голландии.

В оккупированной Голландии свирепствует террор. Аресты. Люди исчезают. Больше половины кадров компартии погибло. Одной из многочисленных жертв стал Антон Струйк. Но вера в будущее освобождение непоколебима. Саботаж на предприятиях не прекращается, отправка людей на принудительные работы в Германию задерживается.

Фашистские власти бессильны захватить разветвленную сеть организации. Случаи предательства редки. Нестойких людей и перебежчиков быстро разоблачают. При малейшем сомнении в ком-нибудь из членов организации ее ячейки немедленно перестраиваются.

Уже давно разрушен миф о непобедимости фашистской армии. Русские наносят немцам поражение за поражением, выгнали их за пределы Советской страны и теперь воюют на немецкой земле. Союзники открыли второй фронт. И чем безнадежнее становится положение фашистов, тем чудовищней террор, тем безудержнее ярость, тем сильнее дьявольское желание превратить свою гибель в гибель всех.

Зимой 1944 года продуктовая норма в Голландии — 600 граммов хлеба и три килограмма картофеля на неделю. Продовольственные пакеты, которые сбрасывают английские самолеты, отдадут наиболее слабым. Народ голодает. Смертность среди детей и взрослых огромна.

Одного из участников Сопротивления, владельца кирпичного завода, с которым Себальд был связан, схватила полиция. Он держался стойко и умер под пытками в застенках гестапо. При домашнем обыске у него нашли материал, возбуждивший подозрение в отношении инженера Рутгерса. 9 сентября 1944 года Себальда и Барту арестовали и отвезли в тюрьму в Гронинген. Они предвидели возможность ареста и заранее договорились о том, что во время допросов будут насколько возможно придерживаться истины, отрицая все, что касается политики. В тюрьме их разлучили и допрашивали каждого в отдельности. Себальду предъявили серьезные обвинения: организация саботажа, тайное снабжение оружием борцов Сопротивления, участие в разработке планов затопления ряда районов, укрывательство английских парашютистов... Подтверждение любого из этих обвинений грозит смертью, но Себальд быстро понял, что в руках гестапо нет никаких прямых доказательств. При допросе, который вел один из высших чиновников, Себальд твердо придерживается своей роли: он занимается экономическими исследованиями, особенно имея в виду скорое окончание войны. Тогда проблемы восстановления хозяйства будут иметь большое значение. Он инженер и экономист и не интересуется политикой. По его мнению, после войны Германия добьется больших успехов в западноевропейских странах, если будет вести себя более демократично.

Авторитарный режим, который существует в Германии, имеет, конечно, свои преимущества, но после победы немцев он должен быть заменен в Западной Европе системой, обеспечивающей контроль снизу. Это поможет избежать деморализации масс в побежденных странах и добиться честного сотрудничества народов с немцами.

Так Себальд играет свою роль. Он знает, что высшие немецкие чины в Голландии чувствуют себя уже неуверенно в связи со все более катастрофическим положением Германии, с тех пор как русские войска вступили на немецкую землю. Да, он знает и Россию, отвечает Себальд на поставленный ему вопрос. Он много лет работал в России. Сделанные там наблюдения и полученный опыт тоже, возможно, пригодятся. Он все больше уходит от предъявленных обвинений. Он говорит о проблемах, касающихся Англии и Америки, о колониях, особенно об Индонезии в послевоенный период.

Первый допрос продолжался три часа. На втором допросе Себальда обвиняют в том, что он коммунист. Это обвинение Себальд категорически отвергает: нет, с коммунистами у него нет ничего общего.

— Я вообще далек от всякой политики, — вновь утверждает Себальд. — Меня интересуют только экономические проблемы.

А Барта? Она точно так же, как Себальд, вела свою роль на допросах. И все совпадало — рассказы обоих о России, об Индонезии, о многосторонней деятельности Себальда. Итак, оснований для обвинения не было. Через три недели Себальда и Барту освободили.

Они возвращаются в Еелде, где Себальд вновь постепенно налаживает связи с активистами Сопротивления. Единственным конспиративным документом, который сохранился у Себальда за этот период, было письмо одного из руководителей движения, написанное 13 февраля 1945 года. Оно прошло через многие руки, и Себальд получил его уже накануне победы. Это и дало возможность его сохранить. В этом письме Себальду предлагают переселиться в другое место, так как арестован один из участников Сопротивления, который много знает о деятельности Себальда. Далее Себальда просят быть готовым к тому, чтобы взять на себя после окончания войны идейное руководство издательством «Пегас» и уже сейчас начать работать над популярной книгой о коммунистическом мировоззрении, которая должна будет выйти сразу после победы.

Эпилог

Борьба за мир (Голландия). 1946—1961

Коммунистическая партия Голландии, бывшая во время войны ведущей силой в движении Сопротивления, приобрела значительное влияние на массы. На первом после войны конгрессе партии, делегатом которого был Себальд, выработана линия участия в строительстве страны и в подготовке к предстоящим парламентским выборам. В муниципалитете Амстердама коммунисты стали наиболее влиятельной партией. В парламенте они получили десять депутатских мест, тогда как перед войной имели всего три.

Себальда выбирают в Центральный Комитет вновь созданного общества «Нидерланды — Индонезия». Он продолжает работу над второй частью «Индонезии». Его заокеанские друзья прислали ему новый материал о своей стране и просят использовать его в книге. Он выступает со статьями в защиту молодой Индонезийской республики, к войне с которой готовится крупная голландская буржуазия.

«Голландская буржуазия, как и всякая другая, — объясняет Себальд, — никогда добровольно не откажется от своих привилегий. Она рассчитывает, что сможет выиграть войну, и это характеризует ее как наиболее реакционную буржуазию. Но семидесятимиллионный индонезийский народ, сознающий свою силу, положит конец колонизации, победит».

Под руководством Себальда вновь начинает выходить ежемесячный журнал «Нидерланды — СССР», заменивший издававшийся до войны журнал «Советский Союз».

7 ноября 1947 года в Амстердаме происходит мощная демонстрация в честь празднования годовщины Октябрьской Революции. Среди ораторов и Рутгерс.

— Вера в прогрессивное развитие человечества, — говорит Себальд, — несокрушима именно потому, что ее поддерживает существование Советского Союза. Вместе с Советским Союзом мы должны делать все, чтобы предотвратить войну, начать которую всегда стремится буржуазия.

На приемах, которые устраивает советское посольство в Гааге, Себальд и Барта постоянные гости.

Люди хотят узнать о Советском Союзе как можно больше, особенно от кого-нибудь, кто там бывал. Себальд делает доклады, пишет статьи, открывает организованную обществом «Нидерланды — СССР» выставку, посвященную постановке воспитания и преподавания в Советском Союзе.

Сразу после окончания войны Гертруда обратилась в Центральный Комитет партии и через Георгия Димитрова узнала, что ее родители живы. Она написала в Голландию и очень скоро получила письмо от Себальда. «...Мы хотим знать обо всем. Мы достаточно сильны, чтобы нас не щадили...» — писал ей отец. И Гертруда ответила: «Вим погиб при бомбежке в Москве».

В голландской коммунистической газете «Де ваархайт» появилось извещение родителей: «Наш сын Вим Рутгерс, работавший инженером в Советском Союзе, пал жертвой фашистской агрессии».

В 1943 году Гертруда взяла к себе своего шестилетнего племянника, сына Вима, и воспитывала его вместе со своими двумя детьми. После окончания войны, когда его мать Эльзи вернулась из заключения, мальчик уехал к ней.

Вернулся и Карл. С 1947 года Гертруда с семьей живут на Южном Урале в городе Миассе. Гертруда и Карл работают врачами, дети ходят в школу.

Голландию и Южный Урал связывает оживленная регулярная переписка. Дедушку Себальда интересует, как развиваются и учатся его внуки. Одно письмо он специально посвящает вопросам воспитания: «Не воспитывайте слишком много. Дайте детям столько свободы, сколько совместимо с требованиями дисциплины и интересами окружающих. Когда ты установишь определенные правила поведения, что, конечно, очень важно и в практическом и в педагогическом отношении, то обязательно придерживайся этих немногих правил. Это второе правило. А третье — нам кажется, что «наказание» должно соответствовать проступку и немедленно следовать за ним... И нельзя угрожать наказанием, если оно не будет выполнено».

В конце 1948 года Себальд принимает участие в международном философском конгрессе в Гааге, встречается там с приехавшим из Чехословакии профессором Кольманом, с которым он познакомился еще в Москве в тридцатые годы. Под свежим впечатлением от философской дискуссии он пишет Гертруде и Карлу:

«Наука никогда не может быть полностью объективной.

Только сама действительность объективна и абсолютно верна. Но мы никогда не можем полностью охватить действительность в ее сложности и развитии. Человеческое знание всегда несовершенно, это относительная правда, которая в своем развитии стремится к абсолютной правде, никогда ее не достигая. Это, однако, не значит, что правда является чем-то субъективным, как это пытаются доказать некоторые буржуазные философы. Это означает, что правда социально обусловлена и что каждая наука одновременно является социальной функцией, которая строится на выводах прежних поколений и уровне наших знаний в данной общественной формации. Добытая так относительная правда является лишь грубым приближением и зависит от социального опыта и социальных целей. В классовом обществе наука может иметь только классовый характер. В Советском Союзе она выражает партийный характер, и это одно уже — большой шаг вперед к большей объективности...»

25 января 1949 года голландская коммунистическая газета «Де ваархайт» отмечает семидесятилетие С. Рутгерса, одного из старейших коммунистов Голландии. Газета публикует статью о Себальде и его портрет, сделанный Анной ван дер Феер. Присылают свои поздравления Коммунистическая партия Голландии, Коммунистическая партия Индонезии. Телеграммы и поток писем приходят от друзей из всех стран мира.

Себальду 75 лет. Он бодр, активен духовно и физически. Он и Барта совершают далекие прогулки пешком и на велосипеде. Себальд поддерживает оживленную переписку с зарубежными товарищами, старые и новые друзья посещают его дом. Особенно часто бывает Ян Гаверманс, художник и коммунист, с которым Себальд оживленно делится своими мыслями.

Весной 1951 года Себальд и Барта в первый раз после войны приезжают в Советский Союз, который они покинули тринадцать лет назад. Их цель — Миасс, свидание с детьми и внуками.

В 1956 году они снова посещают своих детей в Миассе. На этот раз на вокзале их ждет автомобиль горсовета, директор автозавода приглашает их осмотреть завод, секретарь горкома везет в колхоз. Себальд посещает рабочую столовую, беседует с ее посетителями. Разговор интересует всех: Себальд хочет многое узнать у рабочих, они расспрашивают его.

Вернувшись в Голландию, Себальд пишет статью для журнала

«Нидерланды — СССР» — «Трехмесячная поездка по Советскому Союзу».

«...Нашей целью был городок Миасс. Когда живешь несколько месяцев в такой среде, больше соприкасаешься со всеми слоями населения, чем в таком центре, как Москва. Мы были здесь пять лет назад. Разница была очевидна и радовала. Не только то, что многое было построено и улучшено, люди стали заметно веселей и общительней. Когда мы удобно усаживались на скамью в нашем большом дворе, обсаженном молодыми деревьями, к нам подходили не только дети, чтобы посмотреть наши книги. К нам подсаживались и взрослые. Женщины любовались рукоделием Барты, потом начинались вопросы и рассказы... О войне больше не говорили. Люди хотели подробнее узнать о жизни и работе в Голландии... Решения XX съезда произвели большое впечатление, бросалось в глаза, что люди полны мыслями о будущем, что царит оптимизм и доверие».

Вторая статья появляется в теоретическом органе Голландской компартии «Политика и культура». В ней Себальд пишет о двух фундаментальных проблемах общественного развития: сельском хозяйстве и обучении. Себальд анализирует, как преодолеваются противоречия между городом и деревней и между умственным и физическим трудом в новых условиях социалистического развития в Советском Союзе.

В 1958 году Гертруда на два месяца поехала в гости к родителям в Голландию. Здесь она встретила и брата, которого не видела двадцать пять лет. Ян, продолжая инженерскую деятельность отца, «стал одним из трех главных инженеров, руководивших реконструкцией Роттердама.

Родителей она застала веселыми и бодрыми. Себальд был настолько инициативен и полон энтузиазма, что с трудом верилось в его 79 лет.

Себальд пишет много статей, дает отзывы о политических и экономических работах, иногда делает доклады для небольшого круга людей. Он интересуется политическим развитием мира. В письме к своему другу Гавермансу он пишет: «Мы живем во время мирового общественного кризиса, который вызывает идеологический кризис. Но это не кризис упадка человеческого общества, наоборот, это кризис роста, обновления...»

80-летие Себальда было празднично отмечено. В украшенном цветами зале Дома партии в Амстердаме устроили большой прием. Себальд пожал руку каждому из сотен людей, которые пришли его поздравить, с каждым, молодым или старым, обменялся несколькими словами. Коммунистические

газеты и журналы поместили статьи о Себальде. Свои поздравления прислало и Московское радио.

«Планирование и темп — вот от чего зависит успех в жизни, — писал Себальд Гавермансу. — Решающим является удачное сочетание обоих. Мы называем это организацией во времени и пространстве».

В 1960 году в Советском Союзе были опубликованы научные, исторические и социологические исследования, в которых оценивалась деятельность АИК Кузбасс. Вышла в свет книга профессора Э. Генкиной «Ленин — председатель Совнаркома и СТО». В главе «Советское правительство и производственная помощь рабочих капиталистических стран» подробно описывается деятельность Себальда в Кузбассе, ее политическое и экономическое значение. В 1961 году журнал «Исторический архив» публикует статьи и документы об организации АИК Кузбасс. И в Кемерове усиленно занялись историей колонии и опубликовали о ней научные работы.

В феврале 1961 года Себальд тяжело заболел, и Барта попросила Гертруду приехать. Гертруда привезла с собой книгу Э.Б. Генкиной и исследования Е.М. Полянской, прочла отцу все написанное об АИК Кузбасс. Перед ними вновь проходит борьба за создание АИК, работа в Кемерове, ее трудности и победы. Себальд безмерно рад, что история воскресила самый дорогой для него период его жизни, оценила творческий вклад «аиковцев» в строительство советской индустрии.

Полтора месяца Гертруда провела с родителями. Она понимала, что это ее последняя встреча с отцом. И она хотела узнать все о его жизни, чтобы как можно ярче представить его образ.

Себальд рассказывает, Гертруда записывает, они поднимают письма и документы. Барта всегда рядом, она помогает полнее осветить прошлое. Себальд устает, потом отдыхает и снова продолжает свой рассказ о прожитых годах.

17 марта 1961 года Гертруда уехала из Голландии. Она многое взяла с собой: записи своих бесед с отцом, его автобиографию, воспоминания матери, сотни писем и документов, письмо 82-летнего Себальда к Е.М. Полянской.

«...С особым интересом я читал ваше описание и анализ работы Автономной индустриальной колонии Кузбасс... По моему, описание трудностей и результатов работы дает правильную картину и ясно показан характер взаимодействия

партии и профсоюза. При этом само собой разумеется, что поддержка и дальновидность товарища Ленина и его соратников в СТО и ЦК имели решающее значение... Короткий переходный период в 1927 году, правда, вызвал временный упадок в производственной жизни Кемеровского района, но жизненные силы революции скоро преодолели эти трудности и привели к головокружительным успехам пятилетнего плана по индустриализации Кузнецкого бассейна и всей Сибири.

То, что мы могли принять участие в этом деле в самое трудное время, остается гордостью для всех сотрудников АИК Кузбасс.

С товарищеским приветом

С. Рутгерс».

14 июня 1961 года Себальд Юстинус Рутгерс скончался.

На траурном митинге секретарь Коммунистической партии Голландии Пауль де Гроот сказал:

«Товарищ Рутгерс прожил большую, богатую, деятельную жизнь. На первом месте у него было служение человечеству, во имя которого он всегда жертвовал личным... Он оставил глубокий след. По его пути пойдут многие и многие».

От автора

Казалось, на этом можно было бы закончить повествование о Себальде Рутгерсе. Но мне хочется добавить еще несколько слов.

Весной 1966 года я приехала в Кемерово, сопровождая бывших членов АИК Кузбасс — Нелл Фис, Тини и Герхарда Схорла. Они были приглашены в Советский Союз из Голландии на майские праздники.

Обычно, когда взрослым возвращаешься в город своего детства и юности, все в нем кажется удивительно маленьким. Здесь получилось наоборот. Вместо маленького Кемерова, которое знали Нелл и Тини, которое помнила я по тем неделям, когда проводила каникулы у отца, мы увидели красивый, большой, современный индустриальный центр.

Куда бы мы ни приходили — на химический комбинат или в Высшее техническое училище, мы встречали людей, увлеченных своим делом, стремящихся делать его как можно лучше.

Трогательно и радостно было, что эти люди, никогда не знавшие и не видевшие нас, встречали нас как старых друзей.

С любовью вспоминали о моем отце те немногие, кто знал его. И с каким теплом расспрашивали и говорили о нем те, кто знает об истории АИК по рассказам старших.

Бережно хранят в Кемерове документы того времени, когда было заложено и начало развиваться то, что расцвело сегодня, когда колонисты создавали предприятие, призванное объединить людей, воспитать в них чувство пролетарской солидарности.

Мы с радостью убедились, что ничего не забыто и не потеряно. В Кемерове, как и в те далекие годы, берегут большую идею людей труда, которые призваны осуществить коммунизм.

Г. С. Тринчер-Рутгерс

Основные даты жизни и деятельности С. Ю. Рутгерса

1879, 25 января — В Лейдене (Голландия) в семье студента-медика Яна Рутгерса родился Себальд Юстинус Рутгерс.

1882 — Семья Рутгерсов переезжает в Роттердам.

1885 — Поступление в первый класс школы.

1896 — Поступление в Высшее техническое училище в Делфте.

1899 — Вступление в Социал-демократическую рабочую партию Голландии.

1900 — Окончание Высшего технического училища в Делфте. Работа инженером в Управлении строительством Роттердама.

1902 — Женитьба на Барте Меес.

1907 — После раскола Социал-демократической партии присоединение к трибунистам.

1911 — Отъезд семьи в Медан (Голландская Индия), Рутгерс — директор Управления строительством дорог и мостов на западном берегу Суматры.

1915 — Семья едет через Китай и Японию в США. В Нью-Йорке Рутгерс назначен представителем Голландско-индийской железнодорожной компании.

1918 — Поездка через Японию, Владивосток, Сибирь в Москву. октябрь — Первая встреча с Лениным.

1919 — Рутгерс — технический консультант Латвийского Советского правительства. март — Рутгерс делегат I конгресса III Интернационала.

14 октября — Вторая встреча с Лениным.

октябрь — 1920, март — Организация Амстердамского бюро Коминтерна.

1920–1921 — Поездка в Италию.

1921, май — Предварительная поездка Рутгерса на Урал и в Кузнецкий бассейн.

19 сентября — Третья встреча с Лениным.

1922–1926 — Рутгерс — председатель правления АИК Кузбасс.

1926–1927 — Поездка в Голландию.

1927–1930 — Переезд в Вену, работа над книгой «Крестьянский вопрос».

1930–1938 — Рутгерс — консультант по экспертизе крупных

строительных проектов, член коллегии по делам иностранных специалистов при РКИ, член редколлегии «Москау дейли ньюс», старший научный сотрудник Международного аграрного института.

1938-Возвращение в Голландию.

1940–1945 — Участие в движении Сопротивления.

1961, 14 июня — Смерть С.Ю. Рутгерса.

Краткая библиография

В.И. Ленин, Полное собрание сочинений, изд. 5-е, тт. 27, 44, 53.

Э.Б. Генкина. Ленин — председатель Совнаркома и СТО. М.,Изд-во АН СССР, 1960.

С. Рутгерс, Встречи с Лениным, «Историк-марксист», 1935, № 2–3. «Исторический архив», 1961, № 2, 3, 1962, № 1. «Огни Кузбасса», 1966, № 1 (17), Кемерово.

Ir. S. J. Rutgers, Het Boerenvraagstuk in Soviet-Rusland, Europa, Amerika, Indie, China. Rotterdam, 1929.

Ir. S. J. Rutgers en A. Huber, Indonesie, I. Amsterdam, 1937.

Ir. S. J. Rutgers, Indonesie, Amsterdam, 1947.

Colonel Malone, M. P., The Russian republic. London, 1920.

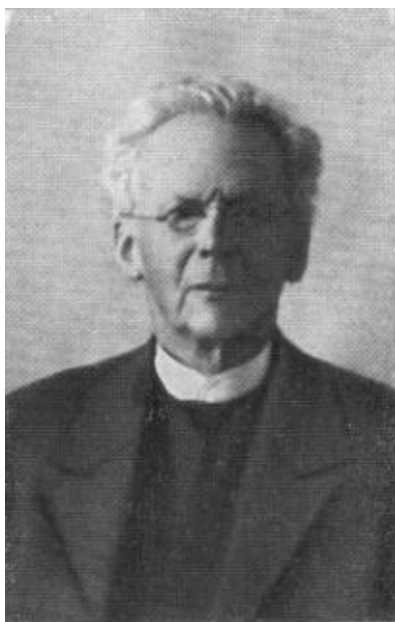
Oakley C Jonson, The day is coming. New York, 1957.

Margaret Graham, Swing Shift. New York, 1951.

Иллюстрации

Себальд Юстинус Рутгерс, дед Себальда Рутгерса.

Ян Рутгерс, отец Себальда Рутгерса.

Корнелия Тинс Абрес, мать Себальда Рутгерса.

Себадьд Рутгерс в возрасте 12 лет.

Себальд Рутгерс, 1902 год.

Барта Рутгерс-Меес, 1902 год.

Семья Рутгерс, Медан, 1914 г.

Семья Рутгерс, Амерсфорт, 1920 г.

Приезд первой группы «аиковцев» из США в Москву (третий во втором ряду слева — Бил Хейвуд).

Члены третьей группы «аиковцев» на пароходе по пути из США в Советскую Россию (в первом ряду первая слева — Рут Кеннель).

Открытка с общим видом химзавода и шахты в Кемерове.

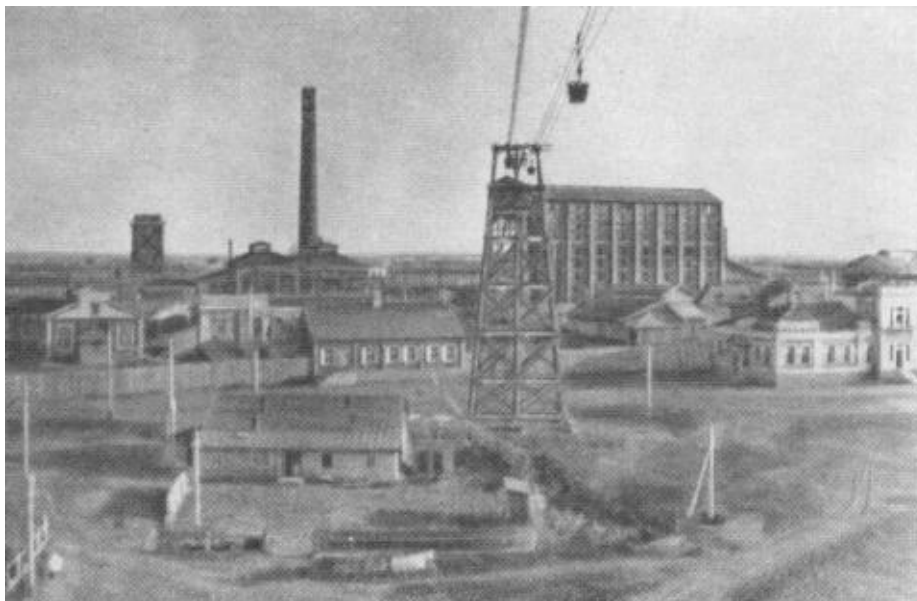
Дом-коммуна, построенный в 1922 г. американскими сезонными рабочими и «аиковцами».

*Выступление Себальда Рутгерса на митинге в Кемерове 1 Мая
1923 г.*

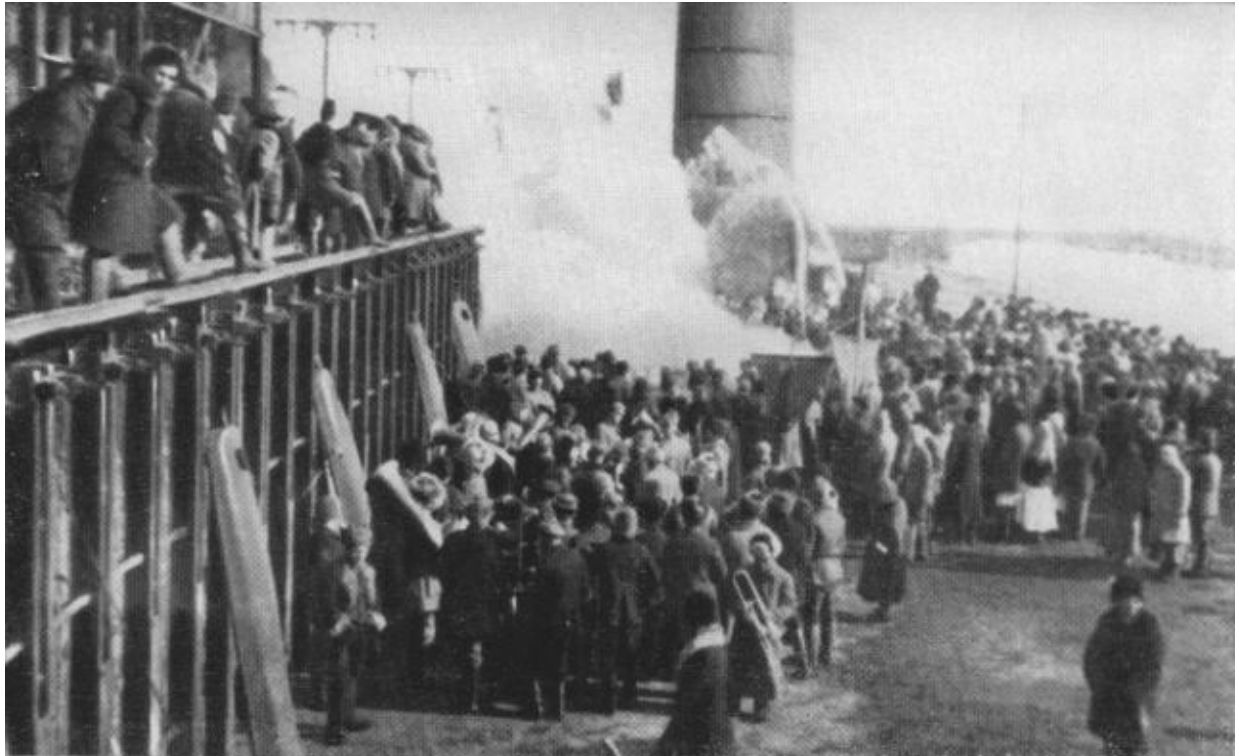
*Выступление Бронки Корнблит на митинге в Кемерове 1 Мая
1923 г.*

*Химзавод электроцентральный, подвесная дорога и справа
заводоуправление, 1924 г.*

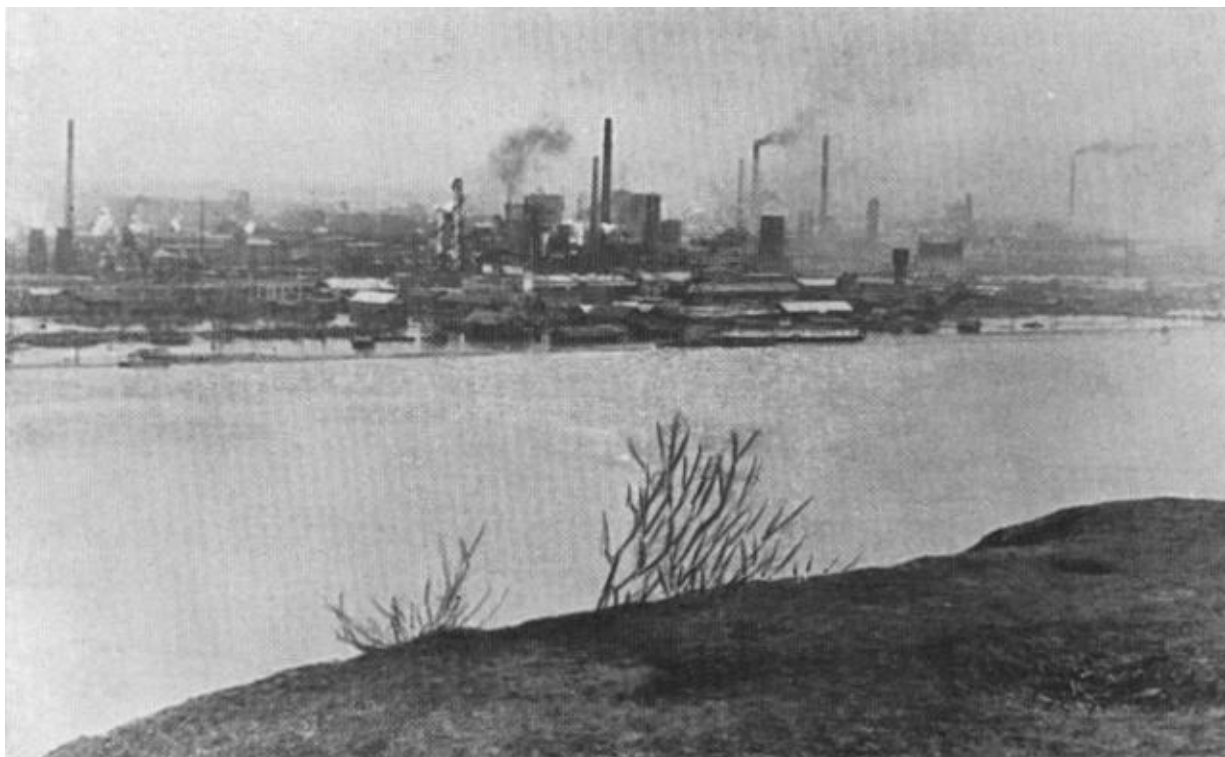
Шахта на правом берегу Томи, 1924 г.

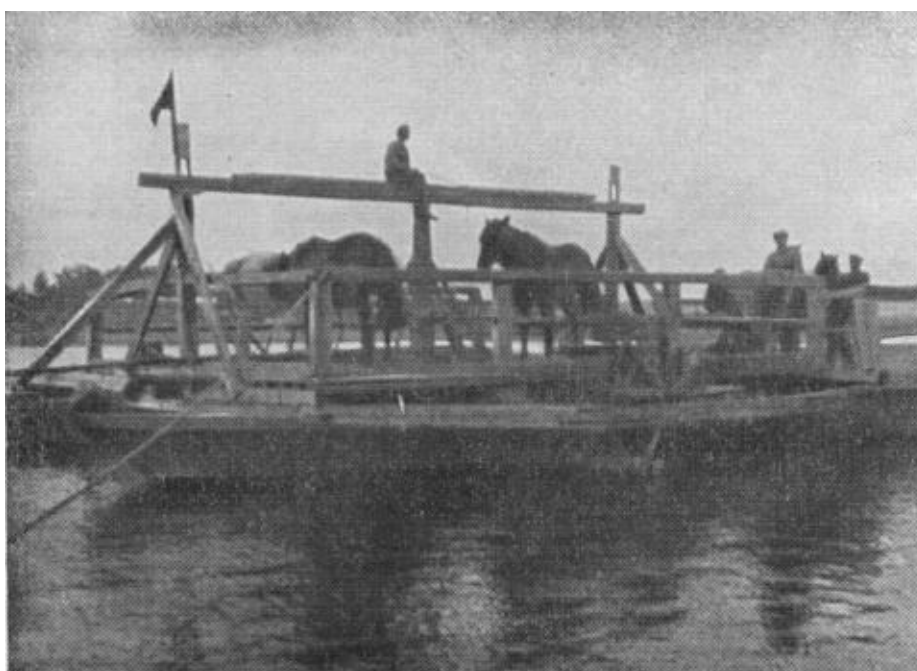
Открытие химзавода, выдача первого кокса 2 марта 1924 г.

Общий вид левого берега Томи и химзавода, 1924 г.

Общий вид левого берега Томи и химкомбината, 1966 г.

Паром через реку Томь, 1924 г.

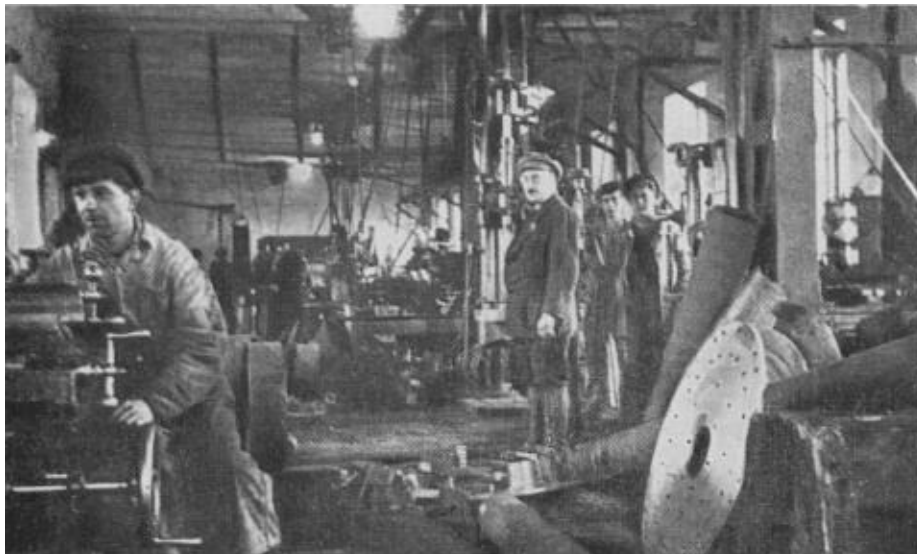
Мост через реку Томь, построенный в 1951 году на месте парома.

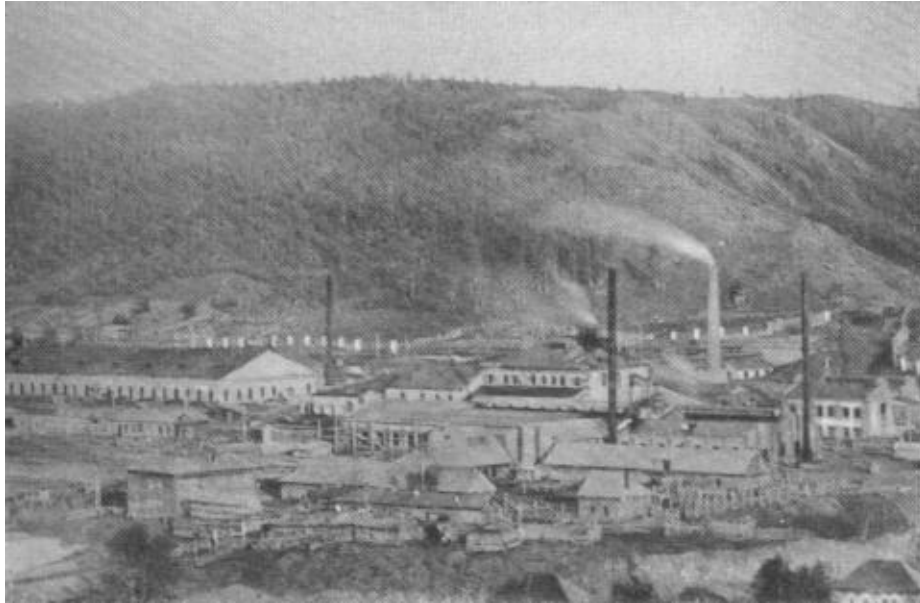
Том Ман (слева) перед спуском в шахту Кемерово, 1924 г.

Себадьд Рутгерс в московской штаб-квартире АИК на Волхонке, 1924 г.

Механическая мастерская при химзаводе, в центре — Карл ван Доорен.

Общий вид Гурьевского завода, 1925 г.

**РУДНИКИ
КУЗНЕЦКОГО НАМЕННО-
УГОЛЬНОГО БАСЕЙНА**
Точка г-г. Сибирь
Канская, Кедровая и
Славянская группы

**МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ
ЗАВОДЫ**
Кемерово

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД
Гурьевск

КОНТОРЫ
Ново-Сибирск, Свердловск,
Томск, Барнаул и Ново-Кузнецк

С. С. С. Р.
АВТОНОМНАЯ ИНДУСТРИАЛЬНАЯ КОЛОНИЯ
"КУЗБАСС"
при СОВЕТЕ ТРУДА и ОБОРОНЫ СССР
ПРАВЛЕНИЕ—Москва, Волотная, 9. Тел. 2-98-55 и 2-35-27.
AUTONOMOUS INDUSTRIAL COLONY "KUZBAS"
HEAD OFFICE Moscow, Volotnaya, 9.

COAL MINES
at
KEMEROVO, Kuzbass in
South Group
**COKE AND CHEMICAL
WORKS**
KEMEROVO
METALLURGICAL PLANT
GURIEVSK
KUZNETZ BASIN.
Offices at
Novo-Sibirsk, Sverdlovsk, Tomsk,
Barnaul & Novokuznetsk

УДОСТОВЕРЕНИЕ
(Действительно с 1/VI-26г. по 1/1-27 г.)
Москва, 30 мая 1926 г.
№ 57/46 р.

Дано сие Председателем Правления АИК "КУЗБАСС" С.А.РУТГЕРСУ в том, что на основании договора между Правлением АИК "а" и командиром Автономной Индустриальной Колонии "КУЗБАСС" в Германии, Франции, Бельгии и Голландии для выяснения вопросов, связанных с приобретением оборудования для шахт рудников и заводов.

Тов.РУТГЕРС С.А. находится в распоряжении Торгового Представительства СССР и все операции, связанные с вышеуказанным заданием на него поручения, он проводит в соответствии с постановлением СНК о контингентах, лицензиях и удостоверениях на вывоз и ввоз, а также с декретами ЦК и СНК о внешней торговле и Инструкциями к указанным декретам и действует за границей под непосредственным руководством Торгового Представительства СССР.

Настоящее удостоверение должно быть зарегистрировано в Торговом Представительстве в течение 48 часов по прибытии к месту назначения.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ
АИК "КУЗБАСС" и:

(Туровляев)

С.А. Рутгерс (фут)

А.А. Туровляев

42838

НАЧАЛЬНИК АИИИ, ОРГАНИЗАЦИОННО-СУДЕБНОГО ОТДЕЛА

НАЧАЛЬНИК АДМИНИСТРАТИВНОГО ОТДЕЛА

Явлен в Торго. Предст. С. С. Р. в Германии (г. Берлин) 1926 г. 31/5
Виза: 3/12

Удостоверение, выданное Себальду Рутгерсу московской конторой АИК, 1926 г.

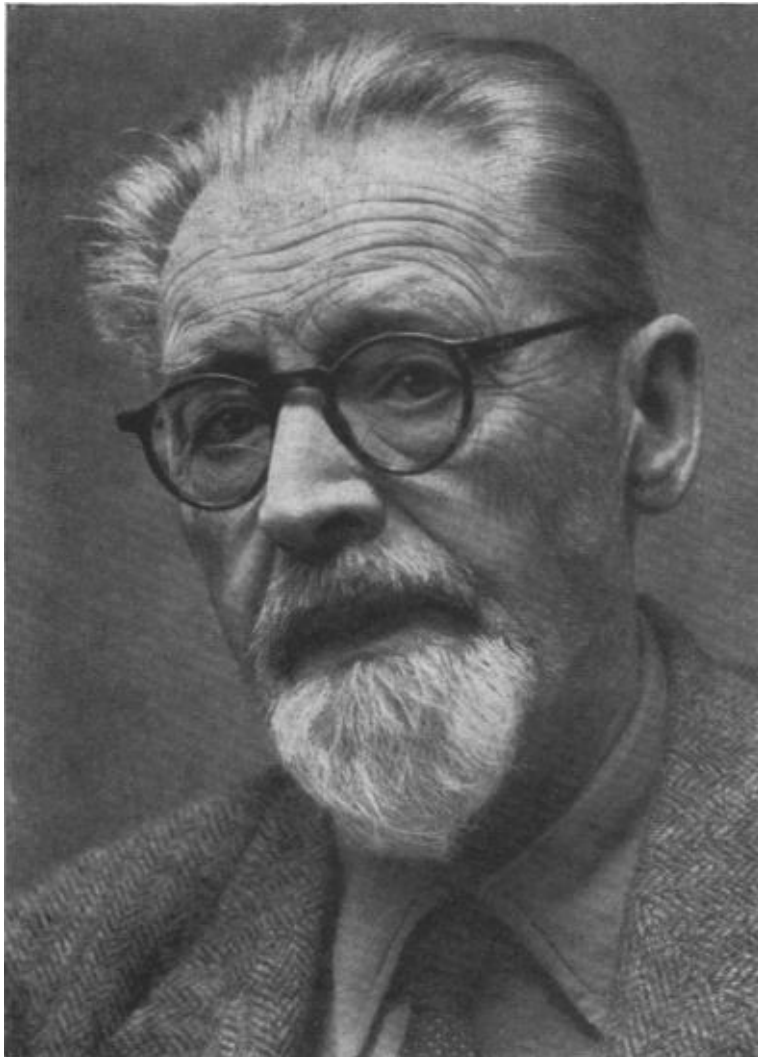
Книги С. Рутгерса: «Крестьянский вопрос в Советской России, Европе, Америке, Индонезии, Китае», «Индонезия» (2-я часть), «Индонезия» (1-я часть, написана в соавторстве с А. Губером).

Семья Рутгерс, Амерсфорт, 1926 г.

Семья Рутгерс на даче под Москвой, 1938 г.

Себальд Рутгерс, 1959 г.

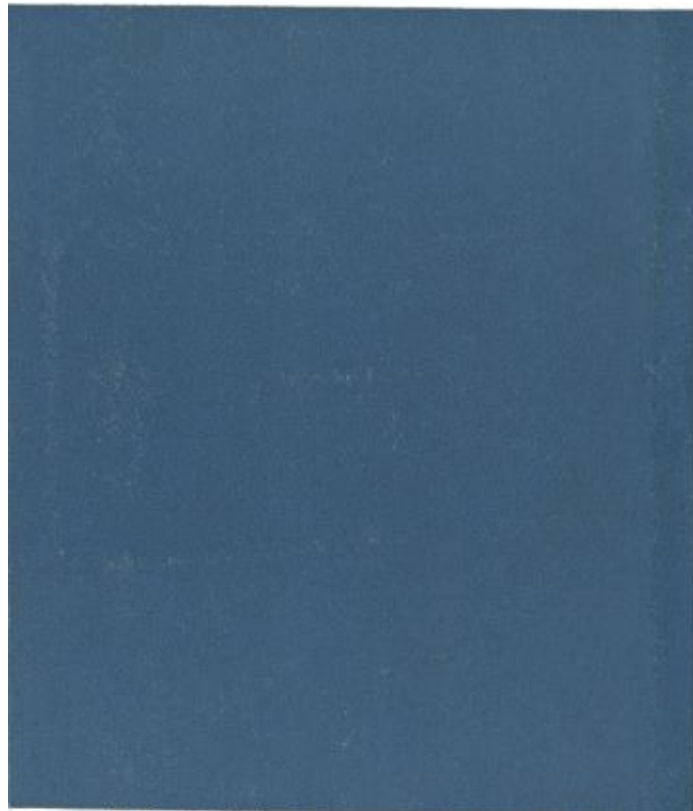

Празднование 80-летия Себастьяна Рутгерса в партийном доме «Меритас». Себастьяна приветствуют дети, 1959 г.

*Главный инженер коксохимического комбината показывает
бывшим «аиковцам» — гостям Советского Союза нынешний
коксохимический комбинат, май 1966 г.*

83 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

1

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т, 27, стр. 71, 73, 74.

Из воспоминаний С. Рутгерса, Семейный архив Г. Тринчер-Рутгерс.

Встреча с В. И. Лениным написана по воспоминаниям С. Рутгерса «Встречи с Лениным». «Историк-марксист», 1935, т. 2–3, и его воспоминаниям, хранящимся в семейном архиве Г. Тринчер-Рутгерс.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т, 51, стр. 57

Полностью письмо напечатано в журнале «Исторический архив», 1961, № 2, стр. 71–74. Дата письма, указанная в журнале неверна. Это явствует из записки Ленина Мартенсу. (Смотри текст. Примечание авторов.)

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 52, стр. 285–286.

Ленинский сборник XX, стр. 202.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 53, стр. 203–205.

Там же, стр. 218.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 125–126.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 231–232.

Там же, стр. 230–231.

Там же, стр. 425, примечание 270.

Там же, стр. 231.

До заседания СТО. (Прим. автора.)

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 141–142.

С. Рутгерс, Встречи с Лениным. «Историк-марксист» «Соцэкгиз», 1935, т. 2–3, стр. 95.

В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 44, стр. 177.

В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 44, стр. 177.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 53, стр. 292.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 53, стр. 302–303.

Ф. Грунд стал впоследствии инженером-химиком и в настоящее время работает на Кемеровском химкомбинате начальником цеха.